

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)»

На правах рукописи

Истомина Екатерина Михайловна

**ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКОЕ И ИДЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ
ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА ПОПУЛЯРНОЙ ПСИХОЛОГИИ**

5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
доцент Н. Н. Кошкарлова

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА ПОПУЛЯРНОЙ ПСИХОЛОГИИ	15
1.1. Дискурс, терапевтический дискурс, интернет-дискурс популярной психологии, дискурс новой эмоциональности	15
1.2. Модель интернет-дискурса популярной психологии.....	35
1.3. Исследования психотерапевтического дискурса.....	43
1.3.1. Исследование терапевтического дискурса психотерапевтами	43
1.3.2. Исследование терапевтического дискурса социологами и культурологами .	46
1.3.3. Исследование терапевтического дискурса лингвистами	49
1.4. Лингвистические исследования дискурса популярной психологии.....	53
Выводы по главе I	55
ГЛАВА II. ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА ПОПУЛЯРНОЙ ПСИХОЛОГИИ	58
2.1. Ценности с лингвокогнитивной точки зрения	58
2.2. Неологизмы как средство выражения ценностей	59
2.3. Методика лингвоаксиологического анализа интернет-дискурса популярной психологии	65
2.4. Особенности функционирования неологизмов в системе интернет-дискурса популярной психологии.....	67
2.4.1. Неологизмы, связанные с психическим здоровьем	69
2.4.2. Неологизмы, связанные с эмоциями	91
2.4.3. Неологизмы, связанные с межличностными отношениями	109
2.4.4. Наименования, связанные с поведением людей в межличностных отношениях	116
2.4.5. Наименования когнитивных процессов.....	124
2.4.6. Наименования психологических состояний человека	128
Выводы по главе II	133

ГЛАВА III. ПРОЕКТ ИДЕОГРАФИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ПОПУЛЯРНОЙ ПСИХОЛОГИИ	138
3.1. Обзор существующих психологических словарей	139
3.2. Новизна и сферы использования предлагаемого идеографического словаря	146
3.3. Структура идеографического словаря популярной психологии	148
Выводы по главе III	163
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	166
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	171
ПРИЛОЖЕНИЕ	203

ВВЕДЕНИЕ

Антропоцентрический вектор развития современной лингвистики обусловил рассмотрение речевой деятельности человека в совокупности с его эмоциями, переживаниями, чувствами. В центре внимания языковедов находятся новые социально-дискурсивные практики, где актуализируются ценности и антиценности лингвокультурного сообщества, реализуются модели взаимодействия в обществе, отражаются способы познания окружающей действительности. Одной из таких дискурсивных практик является формирующийся в российском социуме интернет-дискурс популярной психологии, который представляет собой разновидность (психо)терапевтического дискурса и репрезентирован в публикациях на сайтах популярных изданий, в выпусках теле- и радиопередач, книжных изданиях по личностному росту для непрофессионалов в области психологии. В последнее время такой формат общения со специалистом-психологом становится весьма востребованным в России. Происходит это в силу ряда причин. Во-первых, современное общество становится все более конкурентным, что вынуждает человека быть эффективным во всех сферах жизнедеятельности, начиная от личной и заканчивая профессиональной областью. Как следствие – увеличение эмоциональной и психологической нагрузки, что может потребовать грамотного психологического консультирования. Во-вторых, популярная психология способна оказывать помощь не только отдельному человеку, но и фирмам, организациям, компаниям. Психологи могут быть полезны в вопросах повышения личной мотивации сотрудников, трансформации корпоративной культуры, улучшения качества работы. Наконец, обращение за советом к психологу может свидетельствовать о стремлении человека к эмоциональному росту и личному благополучию.

Таким образом, **актуальность** лингвоаксиологического и идеографического описания интернет-дискурса популярной психологии обусловлена изменениями в современном обществе. Важное значение имеет форма бытования дискурса

популярной психологии – интернет-пространство, так как «в наши дни многие виды институционального дискурса представляют собой комплексное образование, их тематика и цель общения соответствуют их функциональной предназначенности, а способом их выражения становится медийный канал распространения информации, при этом широкое понимание медийности включает и сетевую коммуникацию» [Карасик 2024: 251]. Интернет-формат дискурса популярной психологии делает помощь клиентам в процессе саморазвития и улучшения качества жизни более доступной.

Интернет-дискурс популярной психологии как институциональный тип коммуникации транслирует определенные ценности и антиценности, изучение которых возможно в рамках активно развивающегося направления науки о языке – лингвоаксиологии. Ценностная система человека в настоящее время коррелирует с доминантными формами коммуникации, которые переместились в интернет-пространство, а «новая виртуальная действительность и новый дискурсивный формат (дисплейный текст) потребовали пересмотра и переактуализации многих ценностей» [Общая и русская лингвоаксиология 2022: 348]. Изменение ценностной шкалы находит отражение в лексических единицах языка, которые демонстрируют две тенденции развития: с одной стороны, исконные значения слов и (или) терминов изменяются под влиянием экстрадискурсивных факторов, с другой стороны, возникают новые слова для отображения ранее не существовавших социально-культурных явлений и практик взаимодействия в обществе. Лексикографическая фиксация новых слов и значений является важной задачей не только с точки зрения анализа текущих процессов, но и в аспекте прогнозирования развития лексической системы языка.

Изучение неологизмов интернет-дискурса популярной психологии может существенно обогатить лексикографическую практику, что созвучно положениям дискурсивной лексикографии, когда «словарь отражает функционирование языка не постфактум, а в момент существования в языковом коллективе» [Солопова 2021: 108]. Новые слова, функционирующие в дискурсе популярной психологии, входят в систему языка с такой скоростью, что словари не успевают фиксировать

вновь появившиеся лексические единицы и (или) трансформацию значения старых слов. Можно говорить, что неологизмы анализируемого типа дискурса выполняют роль «зеркала языкового развития, которое отражает приспособление языка к изменяющимся под влиянием внешних факторов условиям его функционирования» [Котелова 1990: 331]. Особенно важно лингвистическое описание неологизмов дискурса популярной психологии, которые функционируют в интернет-пространстве как среде бытования новых языковых и речевых феноменов.

Анализ неологизмов в настоящем исследовании даст возможность изучить и описать специфику интернет-дискурса популярной психологии, поскольку вновь появляющиеся слова номинируют события и реалии, которые раньше находились на периферии языкового сознания представителей социума; позволяют понять, какие концепты оказываются важными на определенном этапе развития общества и как они репрезентированы в указанном типе дискурса.

Степень разработанности проблемы. Дикурс как объект лингвистического описания становился темой научных изысканий ряда ученых: Н. Д. Арутюнова [Арутюнова 1990, 1999]; В. Г. Борботько [Борботько 1981]; Э. Бенвенист [Бенвенист 1974]; Т. А. ван Дейк [Дейк 1989, 2000]; В. З. Демьянков [Демьянков 1982]; В. И. Карасик [Карасик 2000, 2004, 2009, 2024]; Е. А. Кожемякин [Кожемякин 2006]; Е. С. Кубрякова [Кубрякова 2004]; П. Серио [Серио 1999]; М. Фуко [Фуко 1994, 1996]; З. Харрис [Harris 1952]; Т. Н. Хомутова [Хомутова 2014] и др. Одним из самых эффективных способов изучения дискурса является моделирование, этот метод научного познания получил основательную разработку в трудах С. И. Гиндина [1971], О. С. Иссерс [2008], В. И. Карасика [2002]; В. В. Красных [2002], А. В. Олянича [2004]; З. У. Хакиевой [2019] и др.

Поскольку в фокусе нашего внимания находится интернет-дикурс популярной психологии, важным представляется обращение к работам ученых, описывающих (психо)терапевтический дикурс с позиций различных научных направлений:

– психотерапия: А. Ф. Бондаренко [Бондаренко 1996, 1998]; В. Л. Измагурова [Измагурова 2006]; Н. Ф. Калина [Калина 1999]; М. Лабов [Labov 1977]; М. L. McMullen [McMullen 2008]; Т. J. Mould [Mould 2010] и др.;

– социология и лингвокультурология: Е. Иллуз [Illouz 2008]; П. Аронсон [Аронсон 2020]; Ф. Фуреди [Furedi 2004] и др.;

– лингвистика: Л. М. Ахмерова [Ахмерова 2015]; В. И. Шаховский [Шаховский 2008]; М. Колл-Флорит [Coll-Florit 2021] и др.

Однако дискурс популярной психологии в его интернет-разновидности пока не становился объектом изысканий лингвистов с точки зрения лингвоаксиологических и идеографических характеристик, что определяет новизну настоящего исследования.

Объект исследования – интернет-дискурс популярной психологии.

Предмет исследования – лингвоаксиологические и идеографические параметры интернет-дискурса популярной психологии.

Цель – дать лингвоаксиологическую и идеографическую характеристику интернет-дискурса популярной психологии.

Для достижения поставленной цели были определены следующие **задачи**:

1) рассмотреть соотношение понятий *дискурс, терапевтический дискурс, интернет-дискурс популярной психологии, дискурс новой эмоциональности*;

2) представить модель интернет-дискурса популярной психологии;

3) обобщить исследования (психо)терапевтического дискурса и проанализировать ценности данного вида дискурса;

4) рассмотреть неологизмы как средство выражения ценностей и выявить особенности их функционирования в интернет-дискурсе популярной психологии;

5) разработать и описать проект идеографического словаря популярной психологии.

В работе использован **ряд методов**: метод сплошной выборки на этапе сбора и анализа материала, компонентный анализ для выделения тематических групп новой лексики, дефиниционный и контекстуальный анализ с целью выявления значения лексических единиц интернет-дискурса популярной

психологии, метод лингвоаксиологического анализа для определения ценностной (антиценностной) составляющей лексического фонда изучаемого типа интеракции, лексикографический метод на этапе анализа существующих словарей по заявленной проблематике и представления собственного идеографического продукта.

Материалом для исследования послужил корпус текстов (более 3 тысяч), опубликованных с 2013 по 2025 год в сети Интернет: на официальном сайте журнала *Psychologies* Psychologies.ru; на сайте психологов B17.ru; на блог-платформе dzen.ru; в онлайн-журнале гуманитарных наук artforintrovert.ru; на сайте Института прикладной психологии в социальной сфере, на образовательных платформах skillbox.ru и Нетология, онлайн-платформах по развитию soft skills и 4brain.ru; на сайте для оказания дистанционных медицинских услуг Теледоктор24; в сетевых изданиях Forbes Life, Медиатор.рф, Т – Ж, просветительских медиа о личном и профессиональном развитии «Теории и практики», в «Психологической газете», ленте информагентства РИА Новости, журнале CityDog, на сайте AdMe.ru, сайте Русской Школы Управления; в рубрике «Стиль Жизни» сетевого издания «Спорт-Экспресс Интернет», на сайте «Наш ум прекрасен», в онлайн-журнале «Жить интересно!», на сайтах практикующих психологов Елены Лихих и Ирины Гавриловой-Демпси, на платформе для экспертных сообществ Яндекс Кью.

В качестве единицы анализа в работе выступают неологизмы интернет-дискурса популярной психологии (около 600 ед.), извлеченные методом сплошной выборки из указанных интернет-источников.

Методологическую и теоретическую базу диссертации составили труды ученых в области *дискурса* (Н. Ф. Алефиренко, Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, М. М. Бахтин, В. Г. Борботько, Б. М. Гаспаров, Т. А. ван Дейк, В. Н. Волошинов, И. Р. Гальперин, В. З. Демьянко, А. И. Дубских, М. Р. Желтухина, С. В. ИONOва, В. И. Карасик, В. Б. Кашкин, Н. И. Клушина, Е. А. Кожемякин, В. В. Красных, Е. С. Кубрякова, М. Л. Макаров, О. Л. Михалева, А. Ф. Олянич, Н. Д. Павлова, Т. Ф. Плеханова, К. Ф. Седов, Е. В. Сидоров, Ю. С. Степанов, В. И. Тюпа,

В. Е. Хализев, Т. Н. Хомутова, Z. S. Harris, M. Pêcheux, J. Renkema, D. Schiffrin), в том числе работы по *психологическому и психотерапевтическому дискурсу* (Л. Р. Ахмерова, А. Ф. Бондаренко, Н. Ф. Калина, Т. В. Косолапова, И. В. Шугайло, Р. Byrne, F. Furedi, E. Plouz), *дискурсу популярной психологии* (М. И. Абдыжапарова, Г. Ф. Гибатова, И. Г. Серова, Е. В. Шелестюк, А. В. Юдицкая), *лингвоаксиологии* (Г. Ф. Гибатова, Е. Ю. Мягкова, И. А. Стернин, В. И. Шаховский, E. Mergenthaler, M. Stubbs), а также исследования в области *лексикографии* (Л. Г. Бабенко, С. И. Гиндин, В. В. Дубичинский, Н. Н. Кошкарлова, О. А. Солопова), *терминологии и неологии* (Е. И. Голованова, Е. С. Громенко, В. И. Заботкина, В. В. Катермина, Л. А. Липилина, С. Х. Липириди, Г. Н. Ловцевич, О. А. Никитина, И. В. Рец, А. С. Трифонов, И. С. Улуханов, Р. И. Хашимов).

Выбор аксиологии в качестве основания для описания интернет-дискурса популярной психологии нуждается в дополнительном обосновании. В основе такого подхода находится теория ценностных ориентаций Ф. Клакхон и Ф. Стродбека [Kluckhohn 1961], согласно которой все человеческие общества сталкиваются с универсальными проблемами, на которые они могут реагировать, выбирая из ограниченного числа универсальных ценностных решений, но разные культуры отдают предпочтение разным вариантам этих решений, что формирует основу их культурного многообразия. С одной стороны, данная теория служит обоснованием культурных различий, существующих в мире, с другой стороны, может способствовать пониманию универсальных проблем, с которыми сталкиваются люди, и усилить лингвоаксиологическую репрезентацию общечеловеческих взглядов и приоритетов в определенном наборе лексических единиц.

Гипотеза исследования заключается в том, что лингвоаксиологическое описание интернет-дискурса популярной психологии раскрывает ценностные установки его акторов, вербализованные в лексических единицах, а целостную аксиосферу дискурса возможно отобразить в идеографическом словаре.

Положения, выносимые на защиту:

1. Интернет-дискурс популярной психологии – это институциональный тип коммуникации, гибрид терапевтического и массово-информационного (медийного) дискурсов, репрезентированный в публикациях на сайтах для читателей-непрофессионалов в области психологии, носителей наивно-психологической картины мира. Модель дискурса популярной психологии включает в себя следующие компоненты: *субъекты* – агент (практикующий психолог, психотерапевт) и клиент (их число может быть неограниченным ввиду медийного характера дискурса); *цель* – предоставление профессиональной, специализированной помощи, популяризация и внедрение идей, связанных с вопросами практической психологии; *ценность* – поддержание душевного благополучия; *хронотоп* – существование вне линейного времени в медиапространстве; *наличие прецедентных текстов* – использование известных имен, высказываний, ситуаций для решения проблем клиентов и номинаций феноменов; *тематика* – обсуждение частной жизни и межличностных отношений клиента; *жанры* – посты на специализированных форумах, статьи, авторские колонки и интервью на популярных и научно-популярных интернет-площадках; *дискурсивные формулы* – профессионально-маркированные лексические единицы, высказывания, термины, терминоиды, профессионализмы.

2. Лингвоаксиологический анализ дискурса популярной психологии возможен в рамках когнитивно-дискурсивного подхода, который позволяет изучить познавательную-мыслительную и эмоциональную деятельность человека и роль ценностей / антиценностей в жизни человека. Аксиосфера современного интернет-дискурса популярной психологии – это концептуальное пространство, включающее в себя репрезентируемые посредством лексических единиц в языке соответствующего социального института ценностно нагруженные концепты. Концептосфера интернет-дискурса популярной психологии вербализуется посредством неологизмов, отражающих ценности и антиценности соответствующего типа интеракции: доверие и равноправие партнеров, соблюдение личных границ и возможность личностного роста, контроль

отношений и принятие ответственности, личностный рост и способность справляться с вызовами, осознанность, психологическое здоровье, контроль над собственными мыслями, поведением, эмоциями; антиценностями выступают одиночество и зависимость в эмоциональном плане, неспособность осуществлять контроль над собственными эмоциями.

3. Под неологизмами в интернет-дискурсе популярной психологии и в любом другом виде институционального взаимодействия понимаются как новые слова и словосочетания, не существовавшие ранее в языке, в том числе в профессиональном подязыке (собственно *неологизмы* и *трансноминации*), так и зафиксированные в литературной и научной сфере слова и словосочетания, получившие новый смысл (*семантические инновации* или *переосмысления*). Неологизмы современного интернет-дискурса популярной психологии возможно распределить на шесть тематических групп: 1) неологизмы, связанные с функционированием психики, куда входят названия расстройств и людей с этими нарушениями, состояний людей при наличии и отсутствии нарушений со стороны психики, а также специалистов, методов и тактик для восстановления и поддержания психического здоровья; 2) неологизмы, связанные с эмоциональной сферой, включающие названия эмоций и их раздражителей, а также возможные действия с эмоциями; 3) неологизмы, связанные с отношениями между людьми, включающие наименования типов отношений и действий с отношениями; 4) неологизмы, связанные с поведением, охватывающие наименования поведенческих моделей и людей с соответствующим поведением, и 5) неологизмы, связанные с когнитивной деятельностью; 6) неологизмы, связанные с психологическими состояниями.

4. Интернет-дискурс популярной психологии возможно изучать с лингвоаксиологической точки зрения, так как это дает возможность описать универсальные ценности и выявить культурные различия в решении проблем, с которыми сталкивается человек в повседневной жизни. Ценности современного интернет-дискурса популярной психологии рассматриваются как эталонные идеи и взгляды, их экспликация осуществляется посредством оценки, то есть сравнения

с эталоном. Оценка, вербализованная в неологизмах и выраженная денотативно и коннотативно, может быть амбивалентной, положительной и отрицательной. Аксиосфера современного интернет-дискурса популярной психологии отражает формирование представлений о желаемом и нежелательном поведении, отношениях и способах восприятия действительности.

5. Идеографический словарь популярной психологии является примером лексикографического продукта дискурсивного типа, так как входящие в него лексические единицы репрезентируют опыт, цели, личностные установки, психологические особенности коммуникантов, а смысл входящих в него слов актуализируется не столько в рамках текста, сколько в рамках дискурса, с учетом ситуации и условий их порождения.

Теоретическая значимость исследования состоит в расширении представлений о разновидностях дискурса и аксиологических феноменах за счет описания интернет-дискурса популярной психологии и выявления в нем неологизмов, транслирующих определенные ценности и антиценности. В диссертации предложена модель интернет-дискурса популярной психологии, которую можно использовать при изучении соответствующего типа интеракции на материале других языков. Исследование вносит вклад в лексикографию, так как на основе теоретического анализа существующих психологических словарей в нем разработан проект идеографического словаря популярной психологии.

Научная новизна исследования определяется рассмотрением интернет-дискурса популярной психологии, который прежде не становился объектом пристального внимания лингвистов в аспекте его аксиологической нагруженности. В работе выявлены и описаны неологизмы интернет-дискурса популярной психологии, подробно рассмотрены механизмы адаптации новых терминов, что обогащает общую картину языковых изменений и эволюции терминологии. Данный подход углубляет понимание процесса появления новых лексических единиц и их влияния на формирование общественного сознания. В работе представлен новый лексикографический продукт – одноязычный научно-популярный идеографический словарь дифференцированного типа.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в процессе преподавания вузовских курсов по общему языкознанию, лексикологии, дискуртологии, стилистике и риторике. Выявленные особенности интернет-дискурса популярной психологии могут быть интересны и полезны его акторам, поскольку востребованность данного типа коммуникативного взаимодействия высока в современном обществе. Результаты исследования могут также найти применение в лексикографической практике.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования обсуждались на научно-методических семинарах и заседаниях кафедры «Международные отношения, политология и регионоведение» Южно-Уральского государственного университета, на научных конференциях аспирантов и докторантов указанного университета (2022–2025 гг.), на международных научных конференциях «Когнитивная лингвистика в контексте современной науки» (Челябинск, 2023), «Язык – текст – дискурс в новых условиях коммуникации» (Нижний Новгород, 2023), «Новейшая филология: междисциплинарная парадигма исследований» (Омск, 2024), «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах» (Челябинск, 2024), «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (Кемерово, 2025), «Аксиологические аспекты современных филологических исследований» (Екатеринбург, 2025).

По теме диссертации опубликовано 10 работ, 5 из них – в научных журналах, входящих в список изданий, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ.

Структура диссертационного исследования включает введение, три главы, заключение, библиографический список и приложение.

Первая глава «Теоретические основы исследования интернет-дискурса популярной психологии» посвящена описанию подходов к пониманию дискурса, определению понятия интернет-дискурса популярной психологии, его моделированию и формированию теоретической основы для его исследования с опорой на имеющиеся исследования терапевтического и популярно-психологического дискурсов.

Во второй главе «Лингвоаксиологические характеристики интернет-дискурса популярной психологии» рассматриваются ценности с лингвокогнитивной точки зрения и неологизмы как способ их отражения, исследуется аксиологический потенциал выявленных неологизмов.

В третьей главе «Проект идеографического словаря популярной психологии» анализируются существующие словари по психологии, представляется концепция нового идеографического словаря, описываются принцип формирования словника, структура словарной статьи и методика отбора языкового материала, приводятся образцы словарных статей лексических единиц «профессиональное выгорание», «эмоциональное выгорание», «перфекционизм», «токсичный», «обесценивать», «абыюз».

В заключении обобщаются результаты проведенного исследования и намечаются его перспективы.

Приложение включает перечень наименований психических расстройств с прецедентными именами в составе.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА ПОПУЛЯРНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Термин «дискурс» (фр. *discours*, англ. *discourse*, нем. *diskurs*; от лат. *discursus* – беседа, разговор, речь, процесс языковой деятельности) активно используется в социально-гуманитарных науках, предмет которых предполагает изучение функционирования языка: в философии, социальной психологии, теории искусственного интеллекта, литературоведении, целом ряде направлений лингвистики и пр. Как следствие, есть множество научных интерпретаций этого понятия, обусловленных спецификой конкретного научного знания. И даже в рамках одной науки встречаются расхождения в его толковании.

Лингвистические аспекты дискурса до сих пор недостаточно исследованы. Поскольку цель данной работы – выявление аксиологических характеристик и идеографическое описание русскоязычных неологизмов интернет-дискурса популярной психологии, необходимо уточнить понятие дискурса в антропоцентрической парадигме и описать его типологические разновидности.

1.1. Дискурс, терапевтический дискурс, интернет-дискурс популярной психологии, дискурс новой эмоциональности

В настоящее время можно выделить два основных понимания термина «дискурс», в соответствии с различными национальными традициями: классическое, или лингвистическое (англо-американская школа), подразумевающее формы речевого взаимодействия между людьми, и постмодернистское, или социологическое (французская школа), означающее образ мышления и его словесное проявление. На основе вышеуказанных школ позднее произошло формирование солидной и продуктивной российской школы дискурса. Если изначально деятельность отечественных ученых была направлена на анализ текста в рамках стилистики, то со второй половины XX века под

влиянием западной лингвистики формируется дискурсивный анализ, в рамках которого языковые единицы изучаются не в закрытой системе, характерной для системно-структурной парадигмы, а в деятельности, то есть с учетом социального взаимодействия людей. Особая роль в развитии российской теории текста, и впоследствии дискурса, принадлежит М. М. Бахтину [Бахтин 1979]. Развитие теории дискурса в отечественной лингвистике происходит в двух направлениях: в рамках московской и волгоградской школ дискурс-анализа. Представители московской школы рассматривают дискурс как коммуникативное событие (В. И. Тюпа, В. В. Красных и др.), представители волгоградского направления – как явление лингво-социального характера, разграничивая, в частности, понятия институционального и персонального дискурсов (В. И. Карасик, Е. И. Шейгал и др.).

В лингвистическом понимании дискурса, несмотря на разнообразие толкований, просматриваются попытки уточнения и развития традиционных понятий речи и текста (Э. Бенвенист, Т. А. ван Дейк, В. И. Карасик, З. Харрис и др.), в то время как в постмодернистском «дискурс» коррелирует с понятиями стиля и индивидуального языка (А. Ж. Греймас, Ж. Деррида, Ю. Кристева, М. Пеше, М. Фуко и др.).

В языковедческом понимании термин «дискурс» впервые использовал американский лингвист З. Харрис в статье *Discourse analysis* (1952) как «последовательность предложений, произнесенных или записанных одним или более человеком в определенной ситуации» [Harris 1952: 3].

В 1966 году французский лингвист Э. Бенвенист применил традиционный для французской лингвистики термин *discours* (речь) в новом значении: «речь, присваиваемая говорящим», что подразумевало изменяемый в процессе речи язык и распространялось на все виды прагматически обусловленной и различающейся по своим целеустановкам речи [Бенвенист 1974: 296]. Если З. Харрис считает дискурс простым сцеплением фраз, непрерывным высказыванием, то Э. Бенвенист не просто понимает данный термин как фрагмент текста, больший, чем предложение, а обращает дискурс к личности человека, противопоставляя его

«объективному повествованию». Признание Э. Бенвенистом присутствия «субъективности в языке» послужило переходом от структурной лингвистики к антропоцентрической, где учитываются языковая личность говорящего, правила успешной коммуникации, прагматика сообщения.

Определения дискурса, данные З. Харрисом и Э. Бенвенистом, породили тождественное обозначение двух разных объектов исследования и два противоположных подхода: формальный и функциональный. Приверженцы формального подхода к языку изучают «язык в себе», то есть рассматривают форму вне зависимости от функции, считая коммуникативный аспект помехой при изучении языка. Функционалисты же исследуют и структуру языка, и его функционирование в их взаимосвязи с целью выявления взаимных соответствий.

При *формальном подходе* – с позиций формально (или структурно) ориентированной лингвистики – термин «дискурс» рассматривается выше уровня словосочетания или предложения [Stubbs 1983: 1], без учета социальных особенностей и контекста. Вот примеры толкования дискурса на основе данного подхода: «два или несколько предложений, находящихся в смысловой связи» [Звегинцев 1980]; «тоже текст, но такой, который состоит из коммуникативных единиц языка – предложений и их объединений в более крупные единства, находящиеся в непрерывной внутренней смысловой связи, что позволяет воспринимать его как цельное образование» [Борботько 1981: 8]. Данные толкования показывают смысловую взаимосвязанность элементов дискурса. Формальный, или, иначе, структурно-синтаксический, подход, таким образом, определяет дискурс как фрагмент текста, где предложения объединены одним признаком – взаимосвязью. Цель формального подхода к дискурсу – выстраивание иерархии составляющих целое единиц дискурса, типов отношений между ними и правил их конфигурации.

При *функциональном, или коммуникативном, подходе* дискурс обращается к личности человека, то есть не ограничивается рамками текста, а включает в себя еще и контекст, подразумевающий ряд экстралингвистических факторов. С позиции данного подхода предлагаются следующие толкования термина

«дискурс»: «любой конечный отрезок речи, представляющий собой некоторое единство с точки зрения содержания, передаваемый с (вторичными) коммуникативными целями и имеющий соответствующую этим целям внутреннюю организацию, причем связанный с иными культурными факторами, нежели те, которые относятся собственно к языку» [Барт 1978: 443]; «употребление языка» [Fasold 1990: 65] и «язык в применении» [Brown, Yule 1983: 1].

Е. С. Кубрякова определяет данное понятие как форму использования языка в реальном времени, элемент коммуникации между участниками, осуществляемой при определенных условиях и с конкретными целями [Кубрякова 2004: 525].

В качестве ключевого признака дискурса функциональный подход выделяет динамичность, тем самым противопоставляя дискурс и результат дискурсивной деятельности – текст.

Т. А. ван Дейк подходит к дискурсу с двух сторон, рассматривая его в широком понимании (коммуникативное действие, то есть процесс) и частном (продукт коммуникативного действия). В широком понимании дискурса Т. А. ван Дейк к грамматике текста и прагматике дискурса добавляет социальные факторы, определяя дискурс как «сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, установки, цели адресанта), необходимые для понимания текста» [Дейк 1989: 7]. В дискурсе, по мнению ученого, отражается целый набор знаний, необходимых для его порождения и восприятия. Т. А. ван Дейк выдвигает идею «прагматического понимания» дискурса: ограничиваясь только пониманием общего смысла предложения или высказывания, невозможно определить его коммуникативную направленность. Ученый сближает понятие дискурса с речевой деятельностью, языковой личностью и языковой картиной мира [Дейк 2000: 4].

Исследователи отмечают, что именно Т. А. ван Дейк заложил направления, уточняющие данное понятие [Дискурс, речь, речевая деятельность... 2000: 8].

В современной лингвистической науке в рамках функционального (коммуникативного) подхода к пониманию дискурса получили развитие коммуникативно-прагматический и когнитивный подходы.

Коммуникативно-прагматический (социально-прагматический, ситуативный) подход рассматривает дискурс как инструмент коммуникативного взаимодействия в условиях социума с учетом коммуникативной ситуации, то есть дискурс есть текст, погруженный в ситуацию общения.

Когнитивный подход предполагает наличие определенных знаний и моделей поведения у коммуникантов, то есть дискурс есть единство языковых и когнитивных структур.

В рамках *когнитивно-коммуникативного* подхода, отмечают Е. С. Кубрякова и Л. В. Цурикова, дискурс рассматривается как ограниченный временными и хронологическими рамками процесс использования языка, зависящий от типа социальной активности участников, имеющий определенные цели и задачи и протекающий в фиксированных условиях с точки зрения общих социально-культурных и конкретных индивидуальных параметров [Кубрякова 2004: 131–151].

Итак, если при формальном подходе дискурс – это языковая структура, выходящая за рамки предложения (дискурс фактически приравнивается к тексту), то при функциональном рассмотрении дискурс понимается как использование речи во всех ее разновидностях.

Д. Шиффрин *интегрирует формальный и функциональный подходы* и предлагает понимать «дискурс как высказывания» (discourse as utterances) [Schiffrin 1994: 39–41]. Дискурс рассматривается как совокупность функционально организованных, контекстуализованных единиц языка. Таким образом, если текст состоит из последовательности предложений, то дискурс – из череды высказываний. Принципиально в данном случае разграничение понятий предложения и высказывания, а в определениях текста и дискурса – введение дифференцирующих их признаков во избежание их синонимичного употребления. К приверженцам такого подхода к дискурсу, помимо Д. Шиффрин,

можно отнести Г. Кларка [Clark 1992], И. Ренкему [Renkema 1993], П. Дрю [Drew 1995], Н. Д. Арутюнову [Арутюнова, 1990, 1999].

Появление данного подхода обусловлено невозможностью в рамках антропоцентрической парадигмы изучать язык с позиций формализма, то есть только на основе установления внутритекстовых связей, без учета того, что язык дает системам, в которые входит в качестве подсистемы, – например, культурам, социальным сообществам.

М. Л. Макаров считает формальный и функциональный подходы частью *системного подхода*, исследующего внутренние и внешние связи единиц языка [Макаров 2003]. Е. А. Кожемякин также указывает на необходимость формального и функционального подходов к дискурсу. В рамках формального подхода дискурс – текстовая единица устной или письменной речи, и анализ дискурса заключается в лингвистическом анализе языковых явлений. При функциональном подходе рассматривается любой способ употребления языка в социальном контексте, и в рамках данного подхода дискурс изучается как основная форма функционирования институциональной коммуникации [Кожемякин 2006: 30].

Еще один подход к изучению дискурса – *деятельностно-ориентированный*, в рамках которого дискурс понимается как речевая деятельность, приводящая к созданию текстов [Богданов 1990]. В. З. Демьянков углубил основанное на функциональном представлении понятие дискурса и определил его как обычно концентрирующийся вокруг опорного концепта фрагмент текста, создающий общий контекст, где описываются, в частности, участники, объекты, обстоятельства, времена, поступки [Демьянков 1982: 7]. Дискурс рассматривается как деятельность, и уделяется внимание его социальным (коммуникативным) и когнитивным функциям. В рамках данного подхода дискурс понимается как целенаправленное социальное взаимодействие людей на основе когнитивных процессов.

В современной лингвистике, помимо перечисленных выше подходов к пониманию дискурса, выделяют структурно-стилистический и социально-прагматический подходы.

В рамках *структурно-стилистического подхода* дискурс рассматривается как нетекстовая организация разговорной речи с нечетким делением на части, доминированием ассоциативных связей, спонтанностью, ситуативностью и высокой контекстностью [Сиротинина 1994: 122].

С позиции же *социально-прагматического подхода* дискурс есть текст, погруженный в ситуацию общения, в жизнь [Арутюнова 1990], социально или идеологически ограниченный тип высказываний [Серио 1999: 26–27], «язык в языке», но в виде особой социальной данности со своими текстами [Степанов 1995: 38], то есть речевая деятельность, участниками которой являются определенные языковые личности в определенных обстоятельствах общения.

Т. Н. Хомутова развила и усовершенствовала *интегральный подход к дискурсу*. Она рассматривает дискурс как деятельностный аспект коммуникации, который представляет собой «интегральный рассредоточенный объект, процесс сопряжения коммуникативных деятельностей представителей определенного социума, в ходе которого вербализуются фрагменты знания, языка, национальной культуры и социального пространства в их глобальном единстве и взаимообусловленности и происходит управление неречевой деятельностью коммуникантов» [Хомутова 2014: 16].

Дискурс, по мнению Т. Н. Хомутовой, рассредоточен по четырем взаимосвязанным секторам: когнитивному, языковому, культурному и социальному. В когнитивном секторе дискурс представляет собой фрагмент знания в определенной сфере. В языковом – фрагмент языка, где через языковые средства и категории находят свое выражение знания, ценности культуры и социальные действия. В культурном секторе дискурс представлен как фрагмент культуры, базирующийся на национально-культурных ценностях. В социальном – как часть социального пространства.

Лингвистическое толкование дискурса рассматривает его как текст или набор связанных по смыслу предложений (В. Г. Борботько, В. А. Звегинцев, З. Харрис и др.), речевое произведение (Р. Барт и др.), язык в применении, то есть речь (Е. С. Кубрякова, G. Brown, R. Fasold, G. Yule и др.), коммуникативное действие и его продукт (Т. А. ван Дейк и др.), набор высказываний (Д. Шиффрин и др.). Все это говорит о сложности и неоднозначности данного феномена и его связи с понятиями текста, речи, высказывания.

Анализ толкований дискурса демонстрирует динамику развития данного понятия от текста к речи с последующим выделением его в качестве самостоятельного компонента. Таким образом, в оппозиции языка и речи Ф. де Соссюра появляется третий компонент – дискурс.

В разнообразии толкований дискурса фактически отражены различные аспекты этого комплексного понятия. С одной стороны, дискурс – это деятельность, процесс, а с другой – текст, продукт. Этим аспектам отвечают противопоставления «дискурс – текст», «динамика – статика», «функция – структура». Одна сторона противопоставления не исключает, а взаимодополняет другую, так как вместе они помогают «теоретически связать форму с функцией» [Макаров 2003: 89]. Такое диалектическое понимание дискурса, согласимся с И. С. Шевченко и Е. И. Морозовой, отвечает требованиям всех направлений, которые изучают дискурс: социологического, психологического, лингвистического, философского, – что позволяет говорить об интегральной теории дискурса, которая основана на общих методологических принципах и использует для анализа данные смежных наук [Шевченко, Морозова 2005: 16].

Если работы 1960–70-х годов характеризуются формальным представлением о дискурсе, то с начала XXI века – в связи со смещением интереса науки в целом и лингвистики в частности к человеку – *на первый план выходит функциональный аспект*. Термин «дискурс» уже не отождествляется с текстом, а рассматривается как сложное коммуникативное явление, включающее, помимо текста, еще и экстралингвистические факторы. Таким образом, понятия текста и дискурса разграничиваются, в частности, за счет

привлечения так называемой ситуации, которая совместно с текстом формирует дискурс, образуя формулу «дискурс = текст + ситуация» (Widdowson 1973; Östman, Virtanen 1995) [Цит. по: Макаров 2003: 57].

Первым понятия текста и дискурса разделил Т. А. ван Дейк – на основании оппозиций «процесс – результат» и «актуальность – виртуальность». Он видел в дискурсе актуально произнесенный текст, а текст определял как абстрактную грамматическую структуру произнесенного. Таким образом, понятие дискурса у этого автора относится к речи, а текста – к системе языка [Дейк URL]. Текст, с точки зрения Т. А. ван Дейка, является основной лингвистической единицей, проявляющейся в виде дискурса, а дискурс, в свою очередь, – речевой реализацией текста. Исследователь постулирует возможность понимания текста только при понимании ситуации, о которой идет речь [Дейк 1989: 9].

Е. С. Кубрякова, так же как и Т. А. ван Дейк, противопоставляет дискурс и текст как процесс и результат, не считая при этом понятия текста и дискурса взаимоисключающими. Текст, по ее мнению, – это продукт процесса речи, заверщенное произведение и порождается дискурсом. Если изучение дискурса возможно лишь с учетом социальных параметров и прагматических факторов, то текст может анализироваться как заверщенное языковое произведение [Кубрякова 2004: 526]. Таким образом, понимание этим автором дискурса, на наш взгляд, шире понятия текста, который является компонентом дискурса.

Аналогичной позиции в контексте *соотнесенности текста и дискурса* придерживается Т. Н. Хомутова. Она рассматривает текст как часть дискурса и предметно-знаковый аспект коммуникации, а дискурс – деятельностный аспект коммуникации – как текст и социокультурный контекст [Хомутова 2014: 18].

И. Ф. Ухванова-Шмыгова, напротив, считает понятие текста шире понятия дискурса, поскольку «в дискурсе деятельность сужена до ее социально ориентированных речевых проявлений» [Ухванова-Шмыгова 1998: 11]. Она определяет дискурс очень детально: «любой текст (устный и письменный, современный и исторический, реальный и искусственно сконструированный) во всей его полноте и многозначности, полифоничности

и полифункциональности, с учетом реального и потенциального, реального и „достраиваемого“, конструируемого. Его план содержания, помимо непосредственно коммуницируемого, включает в себя целый комплекс знаний о мире, социуме, коммуникантах, коммуникативных кодах и их взаимодействии» [Ухванова-Шмыгова 2002: 10]. Таким образом, дискурс рассматривается как оставленный деятельностью след, который может быть «прочитан» только с конкретных позиций, только в условиях существующего контекста [Там же].

В качестве более узкого по отношению к тексту понятия рассматривает дискурс и В. Г. Борботько. Он считает дискурс связной речью и, как следствие, частным случаем текста, который не всегда являет собой связную речь. То есть если дискурс – это всегда текст, то не всякий текст – это дискурс [Борботько 1981: 8].

Есть и другие точки зрения на проблему соотнесенности текста и дискурса.

Например, Т. М. Дридзе рассматривает текстовую деятельность в качестве личностной активности, включающей вербальные и невербальные интеллектуально-мыслительные операции, совершаемые для организации смыслов в ходе общения [Дридзе 1999]. Б. М. Гаспаров указывает на единство условий создания текста: «...всякий акт употребления языка... представляет собой частицу непрерывно движущегося потока человеческого опыта. В этом своем качестве он вбирает в себя и отражает в себе уникальное стечение обстоятельств, при которых и для которых он был создан» [Гаспаров 1996: 10]. На наш взгляд, такое широкое понимание текстовой деятельности отождествляет текст с понятием дискурса. В. И. Карасик, трактуя дискурс, акцентирует внимание на его подвижности и интерактивности в противовес статичному тексту, обычно принадлежащему одному автору [Карасик 2000: 5]. Ученый считает, что «дискурс представляет собой явление промежуточного порядка между речью, общением, языковым поведением, с одной стороны, и фиксируемым текстом, остающимся в сухом остатке общения, с другой стороны» [Карасик 2004: 231]. Н. Д. Арутюнова рассматривает дискурс и как связный текст в совокупности с целым рядом факторов, и как «речь, погруженную в жизнь», разделяя тем самым дискурс и

текст на том основании, что в древних и других текстах невозможно восстановить связь с живой речью [Арутюнова 1990: 136–137]. С позицией Н. Д. Арутюновой схожа точка зрения Е. Ф. Кирова, который понимает дискурс как совокупность письменных и устных текстов на определенном языке в определенной культуре за весь период их существования. Однако этот автор не ограничивает применения термина «дискурс» лишь к текстам настоящего, указывая на присутствие прошлого в настоящем и его способность определять настоящее и будущее [Киров 2004].

Как видим, большинство лингвистов различают понятия текста и дискурса, но не противопоставляют их, а скорее характеризуют как смежные, принадлежащие разным уровням. В нашей работе противопоставление данных понятий также не абсолютизируется. Они рассматриваются с позиций причинно-следственной связи: текст как результат дискурса. При изучении типов дискурса тексты рассматриваются как источники сведений, выходящих за пределы своего языкового содержания, источники данных об особых «ментальных мирах». Для восприятия текстов адресаты речи либо должны извлечь из своей памяти нечто об особенностях такого «ментального мира», либо выстраивать его с поступающим речевым потоком [Дискурс, речь, речевая деятельность... 2000: 11]. Приведенные трактовки дискурса говорят о том, что *дискурс – это линейная структура*. Линейностью обусловлены, в частности, такие взаимодополняющие свойства дискурса, как дискретность и длительность: дискурс, с одной стороны, может быть разделен на части (предложения, абзацы и пр.), с другой – организуется синтагматическими связями между фрагментами.

Речь традиционно понимается и как процесс говорения, и как результат этого процесса, то есть как речевая деятельность и как фиксируемые в памяти или на письме речевые произведения [Русский язык: энциклопедия 1979: 255]. Речевое произведение как связный знаковый комплекс являет собой текст, что указывает на тесную взаимосвязь этих понятий: в процессе речевой деятельности продуцируется текст. Дискурс, как и речь, проявляется в процессе, однако имеет системные признаки, свойственные языку. Язык, в отличие от дискурса, более

абстрактен. Кроме того, согласно функциональному подходу, дискурс отличается от языка и речи наличием экстралингвистических факторов, составляющих контекст.

Особое место в разработке феномена «дискурс» занимает постмодернистская теория, развитая французской школой дискурс-анализа. Основы утвердившегося в лингвистике постмодернистского понимания дискурса заложили французские структуралисты и постструктуралисты, прежде всего М. Фуко [Фуко 1994]. Значительный вклад внесли также А. Греймас [Greimas 1966], Ж. Деррида [Деррида 2000], М. Пеше [Pêcheux 1969, Пеше 1999] и др.

Представители данного направления считают, что дискурс – это «общая идея о том, что язык структурирован в соответствии с паттернами, обуславливающими высказывания людей в различных сферах социальной жизни» [Йоргенсен 2008: 17]. Такое *толкование дискурса называют социологическим*, поскольку дискурс предстает языковым выражением общественной практики, упорядоченным политическими, идеологическими, национальными, социокультурными и историческими факторами использования языка. Следовательно, под дискурсом понимается не речевой акт, а его модель, зависящая от различных факторов. Согласно данной теории, возможно говорить, например, о коммунистическом, медицинском, религиозном дискурсах. В рамках этого направления наиболее важными принято считать теорию дискурсивных формаций М. Фуко [Фуко 1996] и теорию «автоматического анализа дискурса» М. Пеше [Pêcheux 1969].

Теория дискурса М. Фуко, названная им археологией знания, – это теория исторической реконструкции условий возможности знаний. Суть ее в том, что освоение окружающей действительности происходит посредством речевой практики, в процессе которой «обговаривается» мир и формируются правила этого «обговаривания», правила речи, а значит, и мыслительные конструкции в силу языкового характера мышления. Для М. Фуко дискурс – это «множество высказываний, принадлежащих одной формации» [Фуко 1996: 118], то есть дискурс определяется и выражается высказываниями. При этом дискурсивное

высказывание – это не речевое высказывание, не последовательность знаков языка, а часть человеческого знания. Дискурсивная практика, по М. Фуко, есть «совокупность анонимных исторических правил, всегда определенных во времени и пространстве, которые установили в данную эпоху и для данного социального, экономического, географического или лингвистического пространства условия выполнения функции высказывания» [Фуко 1996: 118]. Это включает в себя как речевые, так и неречевые действия. М. Фуко старается отойти от языковой природы высказывания и отнести его к экстралингвистической области. По мнению этого автора, высказывание материально, как любой продукт социальной деятельности, однако, несмотря на специфичность этой материальности, она позволяет включить высказывание в сферу материального производства индивидов в качестве такого же продукта, как и прочие, которыми индивиды обмениваются, которые потребляют.

М. Фуко подчеркивает функциональный аспект высказывания и наделяет его двойным значением: с одной стороны, высказывание не зависимо от своего конкретного содержания и представляет собой общую модель с бесконечным количеством ситуативных вариантов, с другой – именно конкретное содержание обеспечивает высказыванию фиксированность во времени и пространстве дискурса.

Дискурс мыслится М. Фуко как постоянно движущаяся субстанция без четкого контура и объема. Анализ дискурса заключается в выявлении исторического места высказывания: осознании причин, по которым коммуниканты данной дискурсивной практики, ограниченные своими знаниями, говорят и думают определенным образом.

Дискурс – это система идей, знаний, взглядов в обществе или группе, влияющая на их участников. Дискурс охватывает все возможности для появления определенных высказываний, что порождает их регламентацию. Поскольку дискурс есть множество высказываний, которые, как отмечено выше, больше относятся к экстралингвистической сфере, при анализе дискурса М. Фуко выдвигает на первый план экстралингвистические факторы, рассматривая их

определяющими по отношению к лингвистическим. Таким образом, дискурс, согласно М. Фуко, представляет собой и процесс, и результат этого процесса, представленный особыми правилами «обговаривания» действительности.

Теория М. Фуко, зародившаяся в недрах философии, вполне применима и к лингвистической науке, как считает О. Г. Ревзина, которая вводит понятия *бессубъектного и субъектного дискурсов*. Под субъектным дискурсом понимается способ говорения, присущий конкретному человеку: у такого дискурса есть автор, этот дискурс линейный и производимый. Бессубъектный же дискурс «анонимен, нелинеен и воспроизводим» – он определяет характер языкового сознания целого этнокультурного коллектива. Поскольку анонимность, нелинейность и воспроизводимость – это характеристики языка, то, резюмирует О. Г. Ревзина, дискурс «сам занимает место языка» в дихотомии «язык – речь». Однако бессубъектный дискурс не является знаковой системой, это форма бытования языка на уровне этноязыкового сознания в виде речемыслительных стереотипов [Ревзина 1999: 25–26].

Поэтому, согласимся с Н. Ф. Алефиренко, бессубъектный дискурс все же являет собой промежуточное звено в трихотомии «язык – бессубъектный дискурс – речь». При таком понимании дискурс действительно можно назвать «языком в языке» [Алефиренко 2005: 10].

М. Фуко рассматривает дискурс как архив текстов, как «памятники» – сохранившиеся предметы культуры прошлого. Памятники ценны для исследователя сами по себе, без их соотнесения с традициями поколений, менталитетом и пр. Интроспективное описание памятника, по М. Фуко, и есть археология.

Для анализа дискурса, считает ученый, на первом этапе необходимо выявить единицы дискурса, то есть единицы, отображающие его прерывность, – дискурсивные формации. Под прерывностью М. Фуко понимает «то, что иногда всего лишь за несколько лет какая-то культура перестает мыслить на прежний лад и начинает мыслить иначе и иное» [Фуко 1994: 85]. Под мышлением культуры автор, очевидно, подразумевает то, как мыслят ученые, деятели культуры,

общественные деятели, обыватели. Таким образом, дискурсивные формации являются действительным контекстом, определяющим жизнь языка.

Второй этап – анализ разновидностей дискурсивных формаций, этих архивов высказываний, собранных в разное время культуры и на разных стадиях развития знаний. С одной стороны, дискурсивные формации объективны и не зависят от человека, с другой – их создает и контролирует социум.

Согласимся с основным выводом Е. А. Кожемякина относительно теории М. Фуко в контексте современных исследований дискурса: проблема дискурса заключается в выявлении того, что в культуре институционально допущено говорить, а что нет, как формируются и понимаются базовые аксиологические категории, кто наделяется «правом говорения», какова установившаяся в данной культуре технология речи и создания культурных текстов [Кожемякин 2008: 13].

На основе концепции дискурса, предложенной М. Фуко, сформировалась германо-австрийская школа дискурсивного анализа. Ее представители, например У. Маас [Maas 1984], Ю. Хабермас [Habermas 1981], Р. Водак [Водак 2006], рассматривают дискурс как языковое выражение определенной общественной практики, упорядоченное использование языка, за которым стоит идеологически и исторически обусловленная ментальность.

При понимании дискурса как закрепившегося в языке способа видения мира О. Л. Михалева приходит к логическому заключению о том, что выбор языковых средств может быть обусловлен либо мироощущением говорящего (субъекта), либо принятым в социуме способом осмысления некоего социального феномена (объекта). Следовательно, можно говорить о дискурсе субъекта и дискурсе объекта [Михалева 2007: 362].

Дискурс субъекта подразумевает использование языковых средств, согласующихся с мироощущением субъекта говорения, – способ речепроизводства, отражающий содержательные и формальные характеристики индивида, придающий уникальность генерируемому тексту [Там же]. Как следствие, дискурсивный подход для анализа языковых средств, используемых

субъектом, делает возможным выявление специфики ментального пространства говорящего, то есть реконструировать дискурс субъекта.

Дискурс объекта – это правила речевого взаимодействия в определенной социокультурной среде. О. Л. Михалева уточняет, что дискурс объекта подразумевает не предмет речи, а способ ее организации и выстраивает определенным образом не только речь, но и мысль, закладывает для этого выбор средств языка [Михалева 2007: 365].

Итак, анализ литературы показывает, что в современной лингвистике *дискурс понимается как коммуникативное событие в ситуативном, социальном, психологическом, культурном и историческом контекстах*, в зависимости от аспекта рассмотрения. Если в лингвистике дискурс понимается как текст в совокупности с экстралингвистическими факторами, то в философии дискурс выступает идеологией, выраженной в речи.

В любом случае свое материальное воплощение дискурс находит в тексте. Концепция дискурса, принимающая во внимание экстралингвистические факторы, существенно расширяет пределы описания текста. «Дискурс не ограничивается только рамками языка, а изучает также все содержание коммуникации: кто общается, с кем, почему, в каком социальном статусе и общественно-исторической ситуации, посредством каких каналов, как взаимодействуют различные типы коммуникации в акте общения» [Bell 2001: 3].

Сетевое общение породило *интернет-дискурс* – «сложную семиотическую систему, представленную в виде текстов, изображений и звуков, структурно организованных для вовлечения пользователя в различные виды дискурса» [Распопина 2010: 44]. Интернет детерминирует использование особого репертуара языковых и речевых средств, следование определенным правилам коммуникации, бытование новых жанров и жанровых форм. Сетевое общение, таким образом, привело к изменениям в коммуникативной деятельности.

В нашей работе проводится аксиологическое исследование интернет-дискурса популярной психологии, под которым подразумевается институциональный тип коммуникации, гибрид терапевтического и массово-

информационного (медийного) дискурсов, репрезентированный в публикациях на сайтах для читателей – непрофессионалов в области психологии, носителей наивно-психологической картины мира.

Популярной психологией называют системы психологических знаний и практик, транслируемых self-help-литературой и средствами медиа. Примеры таких систем и практик: бихевиоризм, гештальтпсихология, психоанализ, нейролингвистическое программирование (НЛП) и пр. Зарождение популярной психологии на западе связывают с выходом книги З. Фрейда «Толкование снов» (1899), знакомящей читателей с теорией психоанализа. Отечественная популярная психология зародилась в советское время и двигалась в двух направлениях:

1) как прикладное развитие научной психологии, разрабатывая основы и ключевые термины конфликтологии, представленное работами следующих ученых: Л. А. Петровская [Петровская 1977], А. Я. Анцупов и А. И. Шипилов [Анцупов 2023], А. П. Егидес [2006, 2013] и др., педагогической психологии в трудах Л. И. Божович [Божович 1968, 1972], Л. В. Занкова [Занков 1990], А. В. Запорожца [Запорожец 1986], Р. Е. Левиной [Левина 1958], А. Н. Леонтьева [Леонтьев 1975], А. Р. Лурия [Лурия 1975], Д. Б. Эльконина [Эльконин 1989] и др.); профессиональной психологии, гуманистической психологии в работах В. М. Бехтерев [Бехтерев 1991, 2024], П. П. Блонский [Блонский 1964], Л. С. Выготский [Выготский 1984], С. Л. Рубинштейн [Рубинштейн 1997, 2018].

Конфликтология – отрасль знаний, изучающая возникновение, развитие, разрешение и прекращение конфликтов. Л. А. Петровской структурировано понятие конфликта, в которое включены стороны (участники), условия протекания, образы конфликтной ситуации, возможные действия участников и исходы конфликта. Также рассмотрены динамика конфликта (его стадии) и его функции, отмечается помимо деструктивной, его конструктивная роль. [Петровская 1977]. А. П. Егидесом представлены определение и классификация конфликта, его причины и психологические механизмы, раскрыто значение конфликтов, предложены меры деконфликтизации межличностных отношений и общения [Егидес 2013]. Кроме того, автором разработана теория психотипов

[Егидес 2006]. А. Я. Анцуповым и А. И. Шпиловым рассмотрены методология, методы и методики изучения конфликтов, их особенности в различных сферах взаимодействия, а также условия и способы конструктивного регулирования конфликтов [Анцупов 2023].

Идеи Л. С. Выготского о культурном развитии ребёнка и роли обучения в умственном развитии заложили основы многих психолого-педагогических исследований. Так, Д. Б. Эльконин и А. Н. Леонтьев развивали идеи Л. С. Выготского, сосредоточившись на теории деятельности, что привело к развитию новых подходов к пониманию обучения и развития [Эльконин 1989, Леонтьев 1975]. Работы Л. В. Божович посвящены психологии личности и мотивации, изучению психических новообразований в процессе обучения, анализу личностных конфликтов детей [Божович 1968, 1972]. А. В. Запорожец и Р. Е. Левина занимались исследованиями в области детской психологии и развития ребенка [Запорожец 1986, Левина 1958]. Вклад А. Р. Лурии заключается в изучении высших психических функций и нейропсихологии, что позволило глубже понять связь мозга и психического развития в процессе обучения [Лурия 1975]. Л. В. Занковым рассмотрены факторы обучения и развития учащихся, в частности взаимодействия слова и наглядности в обучении, разработана авторская развивающая методика обучения [Занков 1990].

Отечественная профессиональная психология изучает механизмы и закономерности психической деятельности человека в профессиональной сфере, а также занимается разработкой принципов управления ею. Значительный вклад в ее развитие внесен В. М. Бехтеревым, поскольку его работы по объективной психологии и рефлексологии заложили основы для изучения психических явлений с материалистических позиций и тем самым внесли весомый вклад в развитие отрасли [Бехтерев 1991]. С. Л. Рубинштейн сформулирован принцип единства сознания и деятельности, положившему начало деятельностному подходу в психологии [Рубинштейн 1997].

2) как направление собственно практической психологии, психотерапии и гипнотерапии. Среди ученых, развивших практическую психологию и

психотерапию отметим Б. Д. Карвасарского (автор концепции личностно-ориентированной (реконструктивной) психотерапии) [Карвасарский 2000], Ф. Е. Василюка (создатель теории переживания) [Василюк 1984], Э. Г. Эйдемиллера и В. В. Юстицкиса (авторы семейной психотерапии) [Эйдемиллер 2008], В. Н. Мясищева (создатель патогенетической психотерапии) [Мясищев 1960]. На их основе сформировались известные современные психологи-практики Н. И. Козлов, Т. В. Гагин, А. Г. Свияш, И. О. Вагин и др. Отечественную гипнотерапию развивали такие выдающиеся ученые, как В. М. Бехтерев, К. И. Платонов и основатель первой в стране школы гипноза М. П. Кутанин.

С появлением всемирной сети идеи западной популярной психологии начали активно проникать в российскую культуру, различные интернет-платформы становятся важным каналом для продвижения психологического контента. Онлайн-формат позволил сделать психологические знания и помощь более доступными для широкой аудитории, что способствовало росту популярности психологии.

Терапевтический дискурс, популяризованный в медиасреде, лишь частично можно соотносить с психотерапевтическим дискурсом, на теоретической базе которого частично производится настоящее исследование. Интернет-дискурс популярной психологии, включающий взаимодействие психотерапевта с клиентом, в широком социетальном контексте понимается как текущее состояние общества, которое определяет организацию этого дискурса. Однако в данном исследовании популярно-психологический дискурс, или дискурс популярной психологии, понимается в узком смысле – как совокупность текстов, представляющих собой продукт речевой деятельности в сфере популярной психологии. Авторы популярно-психологических текстов – практические психологи и психотерапевты. Это отличает популярную психологию от так называемой поп-психологии, где трансляторами знаний зачастую выступают неспециалисты в области психологии (например, Елена Блиновская, Ярослав Самойлов, Сатья Дас и др.), уподобляющие вненаучные измышления научному

знанию [Мироненко 2008]. С. С. Степанов – российский писатель и журналист, переводчик трудов по психологии, доцент кафедры педагогической психологии Московского государственного психолого-педагогического университета – осветил проблему массовой пропаганды псевдонаучных идей в своей книге «Мифы и тупики поп-психологии», определяя поп-психологию как «набор псевдонаучных предрассудков, неоправданных обобщений и преувеличений, которые от лица «эксперта» ... выдаются за психологическое откровение» [Степанов 2006].

Наше исследование посвящено особенностям речевого взаимодействия психологов и психотерапевтов с читателями посредством интернет-коммуникации. Дискурс популярной психологии интересен тем, что его центр – это априори человек, а медиаплатформы для генерирования нарративов предоставляют свободный доступ к изучению данного дискурса.

Современное дискурсивное пространство, особенно в его массмедийной разновидности, характеризуется повышенной чувствительностью к личностным переживаниям, что сегодня именуется «новой чувствительностью» или «новой эмоциональностью» и формирует новую аксиосферу, где размываются границы личного и публичного. С позиции социолингвистического подхода к дискурсу можно говорить о формировании в результате терапевтического поворота новой дискурсивной формации – дискурса новой чувствительности или дискурса новой эмоциональности. Термин «новая чувствительность» появился в рамках теории метамодернизма и обусловлен выходом на первый план в различных сферах жизни и в обществе в целом переживаний и эмоций. Термин «метамодернизм» был введен в научный оборот в начале XXI века нидерландскими философами Т. Вермеленом и Р. Ван ден Акером. Теория метамодернизма сформировалась в результате несопоставимости современных тенденций в культуре с дискурсивными системами прошлого (модернизмом и постмодернизмом) [Vermeulen 2010] и необходимости в новой теоретической системе. Теория метамодернизма, сочетая в себе идеи модернизма и постмодернизма, стремится к объединению противоположностей. В метамодернизме делается акцент на

возвращении трех взаимосвязанных моментов отношения «человек – мир», которые игнорировались постмодернизмом: метод историзма, модальность аффекта и форма глубины познавательных интенций. Чувственные впечатления признаются важным источником подлинного знания и призваны противодействовать шаблонам идеологических устоев в освоении реальности и в то же время доверять классическим ценностям. «Эмоциональную структуру» метамодернизма Т. Вермюлен и Р. Ван ден Аккер сравнивают с маятником, который постоянно качается от искренней серьезности модернизма к иронической игривости постмодернизма.

Дискурс новой эмоциональности изучается лингвистами как новая модель общения в аспекте жанрово-стилистических и лингвопрагматических характеристик [Кошкарова 2019], а также как область реализации эмоционально-чувственного значения слова без экспликации самого термина, обозначающего ранее не существовавший тип коммуникации [Мягкова 2014, 2020, 2022]. Наиболее ярко интеграция стилевых, жанровых и аксиологических характеристик разных типов дискурса происходит в средствах массовой информации, что влечет за собой возрастание «веса относительных оценок, ситуативности и контекстности общения» [Ионова 2022: 43]. Современная медиасреда отчетливо демонстрирует усиление эмоций, аутентичных индивидуальному опыту освоения мира, в коллективных переживаниях [Мурейко 2023]. Проникновение языковых единиц из сферы психотерапии в прочие дискурсы свидетельствует о культурной значимости ее концептосферы.

1.2. Модель интернет-дискурса популярной психологии

Дискурс – понятие очень широкое, многогранное и неоднозначно понимаемое, о чем свидетельствуют и его многочисленные классификации. Множатся основания для выделения типов дискурсов, и, как следствие, возрастает разнообразие описываемых дискурсов. По каналу передачи информации выделяют письменный и устный дискурсы. Согласно такой классификации, интернет-дискурс популярной психологии относится к *письменным видам*

дискурса. В. В. Красных предлагает классифицировать дискурс в первую очередь по национальному признаку, считая, что только после такой предварительной классификации возможно дальнейшее подразделение дискурсов [Красных 1999].

В. И. Карасик классифицирует дискурсы по верифицируемости содержащейся в них информации, выделяя перформативный, информацию которого можно верифицировать, и противоположный ему неперформативный. Дискурс популярной психологии относится к *перформативному типу*, поскольку ему присущи такие характеристики, как сообщение о достоверных фактах, установление норм поведения, связь с жизненно важными ориентирами поведения и ценностной картиной мира людей, актуальность информации, которая зависит от ее релевантности для людей и соотнесения с их культурной доминантой поведения [Карасик 2009: 298–303]. Кроме того, В. И. Карасик предлагает типологию дискурса с позиции социолингвистики, выделяя два основных типа дискурса: персональный (лично-ориентированный) и институциональный. Если в персональном дискурсе говорящий представлен исключительно как личность со своим внутренним миром, то в институциональном – как представитель определенного социального института. Персональный дискурс, в свою очередь, подразделяется на бытовое общение между хорошо знакомыми людьми для поддержания контакта и решения обиходных проблем и бытийное монологичное, нацеленное на раскрытие внутреннего мира говорящего.

Институциональный дискурс – это общение, ограниченное *статусно-ролевыми отношениями*: агентов (представителей социальных институтов) и клиентов (людей, не связанных в данной коммуникации с социальным институтом). Следует отметить, что количество клиентов по причине медийности исследуемого дискурса не ограничено и они неизвестны агенту.

В нашей работе *дискурс понимается именно как вербально опосредованная деятельность в специальной сфере*. Помимо наличия агента и клиента, структура институционального дискурса в его социально-прагматической интерпретации включает цели, ценности, хронотоп, материал (тематику), разновидности и

жанры, прецедентные тексты, дискурсивные формулы [Карасик 2002: 189]. В предложенной типологии *терапевтический дискурс является разновидностью медицинского*. Действительно, эти виды дискурса, объединенные близкими целями, в генезисе имеют бытийный дискурс, их агенты, будучи представителями помогающих профессий, воспринимаются как «носители истины» [Шугайло 2023] и профессиональной этики.

Отметим, что интернет-дискурс популярной психологии как разновидность терапевтического дискурса представляет собой не механическую сумму характеристик терапевтического дискурса и интернет-дискурса, а их синтез и, соответственно, с позиции социолингвистики относится к *институциональному типу*. Для него характерны признаки, выделенные В. И. Карасиком. Их логично рассмотреть в виде модели.

Моделирование в современной лингвистике позволяет синтезировать научные изыскания при анализе того или иного типа дискурсивного взаимодействия и реальные данные, воплощенные в виде речевых практик носителей языка.

Цель дискурса – предоставление профессиональной специализированной помощи, кроме того, по причине его медийности – популяризация и внедрение идей, связанных с вопросами практической психологии. Ценности связаны с поддержанием душевного благополучия и возможностью личностного роста; их детальному рассмотрению посвящена глава II настоящего исследования.

Следующим признаком институционального дискурса является *хронотон*, то есть пространственно-временная репрезентация дискурса. В силу специфической природы интернет-дискурса хотя дискурсивные практики медиа существуют в физической реальности, в нашем случае – в виде текстов на специализированных сайтах (медиаканал как пространство), однако вне линейного времени, поскольку время в интернете отличается обратимостью.

В. И. Карасик выделяет такую особенность институционального дискурса, как прецедентные тексты [Карасик 2002], например, теории и труды известных

психотерапевтов. *Прецедентность* широко используется в лексических номинациях анализируемого дискурса.

Одной из составляющих институционального дискурса В. И. Карасик называет материал, или тематику. В рассматриваемом дискурсе тематика ограничена *частной жизнью и межличностными отношениями* клиента.

Среди характеристик институционального дискурса В. И. Карасик выделяет наличие жанров [Карасик 2002]. Исследователи медиадискурса определяют жанры институционального дискурса как «формализованные конструкты стереотипных практик, получающие свое выражение в ритуальных актах, административных процедурах, речевых и письменных формах» [Матвеева 2015: 61].

Жанрами изучаемого дискурса являются *посты на специализированных форумах, статьи, авторские колонки и интервью* на популярных и научно-популярных интернет-площадках. Е. В. Шелестюк относит тексты популярной психологии к *специальному жанру научно-популярной литературы*, состоящему, в свою очередь, из ряда поджанров, определяемых по тематическому признаку: искусство общения; отношение к себе, к другим, к различным аспектам жизни; терапия конкретных психологических проблем; достижение личного успеха в различных областях; самосовершенствование, самоактуализация, личностный рост, тренировка отдельных способностей; решение проблем здоровья и его укрепление с помощью психотехник [Шелестюк 2008].

В. И. Карасик выделяет и такую характеристику институционального дискурса, как *дискурсивные формулы* [Карасик 2002], под которыми понимаются фразеологические и лексические единицы, а также ситуативно-обусловленные высказывания, характерные для того или иного дискурса [Хакиева 2019: 167]. Это могут быть профессионально маркированные высказывания (профессиональные фразеологизмы), а также лексические единицы (термины, терминоиды и профессионализмы), которые указывают на определенную область общения. В рассматриваемом дискурсе агенты сокращают количество профессиональных фразеологизмов и научных терминов и используют понятные, в том числе сконструированные так, что обеспечивается их понимание для носителей наивно-

психологической картины мира. Такое «адаптированное» общение с клиентами в интернете привело к формированию терминологического аппарата популярной психологии, образованию специфических дискурсивных формул интернет-дискурса популярной психологии.

В Таблице 1 представлены модели и сравнительные характеристики терапевтического, медийного дискурсов и интернет-дискурса популярной психологии. Использовались критерии институциональности терапевтического и медийного дискурсов, выявленные М. С. Гриневой [Гринева 2018], Т. М. Громовой [Громова 2020].

Таблица 1 – Модели и сравнительные характеристики терапевтического, медийного дискурсов и интернет-дискурса популярной психологии

Институциональный признак	Терапевтический дискурс	Медийный дискурс	Интернет-дискурс популярной психологии
участники	психотерапевт – клиент (группа клиентов)	журналист/ведущий/блогер – неограниченное количество читателей/зрителей/слушателей	психотерапевт – неограниченное количество клиентов
цель	предоставление профессиональной специализированной помощи	зависит от содержания дискурса	предоставление профессиональной специализированной помощи; популяризация и внедрение идей, связанных с вопросами практической психологии
ценности	поддержание душевного благополучия; возможность личностного роста	признание законов общественной жизни; привнесение образов власти в область жизнедеятельности индивидов	поддержание душевного благополучия; возможность личностного роста

хронотоп	кабинет психотерапевта, время сеанса психотерапии	студия и время теле-/радиопередачи; тексты вне линейного времени	тексты вне линейного времени
прецедентные тексты	научные труды по психологии	зависят от содержания дискурса	научные труды по психологии
тематика	частная жизнь; межличностные отношения клиента	зависит от содержания дискурса	частная жизнь; межличностные отношения клиента
жанр	консультация	интервью, очерк, беседа, новости, реклама и проч.	посты на специализированных форумах, статьи, авторские колонки и интервью
дискурсивные формулы	профессионально маркированные высказывания; психологические термины	профессионально маркированные высказывания и лексика	профессионально маркированные высказывания; психологические термины, терминоиды и профессионализмы

А. В. Олянич предложил *классификацию дискурсов с позиции прагматики* – в соответствии с потребностями адресанта во всем их многообразии. Такие потребности модифицируются в зависимости от культурных, социальных, ситуативных и личностных обстоятельств общения: биологические, социальные и идеальные [Олянич 2004: 40]. Потребностям свойственны трансформация, переход на более высокие уровни и увеличение количества. Как следствие, трансформируется и речь, происходит взаимопроникновение различных типов дискурсов, и их становится больше [Там же: 51–52]. Поскольку потребность психотерапевта включает в себя охрану здоровья клиента, передачу знаний, самопрезентацию, получение материальных благ, рассматриваемый нами дискурс

представляет собой смешение таких его видов, как *медицинский, научно-презентационный и деловой*.

Т. Н. Хомутова интегрирует различные подходы к классификации дискурсов и типологизирует их в виде сложной системы взаимообусловленных классификаций. Это основано на предложенных ею четырех секторах интегральной модели дискурса. В *когнитивном секторе* Т. Н. Хомутова выделяет классификацию на основании декларативности и процедурности знания. На базе декларативного знания дискурсы делятся по предметным областям (по темам «Семья», «Школа» и т. д.) и по типу знания («свое – чужое»). В последнем выделяются дискурсы первичные (монография, статья и др.) и вторичные (рецензия, аннотация, реферат и др.). В процедурном знании дискурсы классифицированы по способу получения знания (научные и ненаучные) и по дискурсивным стратегиям (культурные, социальные, интерактивные и пр.) [Хомутова 2014: 17]. Популярно-психологический интернет-дискурс, таким образом, относится к *первичному научному интерактивному дискурсу*, а его тематикой является *обсуждение психологических проблем*.

В *социальном секторе* Т. Н. Хомутова классифицирует дискурсы по коммуникантам и отношениям между ними [Хомутова 2014]. На основании количества участников исследуемый дискурс квазидialogичен. По социальным параметрам выделены гендерные и возрастные дискурсы. Однако такое разделение невозможно для описываемого нами типа дискурса, поскольку он не характеризуется смешанной гендерной и возрастной принадлежностью адресантов.

Выделяются, кроме того, дискурсы по географической и этнической принадлежности участников, что также не может быть применено к дискурсу популярной психологии. По целевой аудитории дискурсы подразделяются на специальный (адресат и адресант – специалисты в данной области), учебный (адресант – специалист, адресат – будущий специалист), популярный (адресант – специалист, адресат – неспециалист) и неспециальный (адресат и адресант – неспециалисты). В нашем случае речь идет о *популярной разновидности дискурса*.

В *языковом секторе* дискурса Т. Н. Хомутова классифицирует дискурсы на вербальные с учетом языка и невербальные, по форме представления дискурсов – на устные, письменные и смешанные/мультимедийные, по грамматической структуре – на описания, повествования, рассуждения [Хомутова 2014]. Согласно такой классификации дискурс популярной психологии относится к *русскоязычному вербальному интернет-дискурсу в формате рассуждения*. По С. И. Гиндину, внутренняя организация текста происходит либо по жесткому сценарию – задается заранее извне, либо по гибкому, либо посредством совмещения этих двух способов организации текста [Гиндин 1971]. На основании этих выводов Т. Н. Хомутова классифицирует дискурсы по степени их стереотипизации и выделяет три типа: жесткие, полужесткие и гибкие дискурсы. На наш взгляд, дискурс популярной психологии относится к *гибким*, поскольку построение его текстов не задано заранее и основано на структурно-семантическом сцеплении предложений.

В *культурном секторе* на основании принадлежности дискурса к той или иной культуре и культурным ценностям Т. Н. Хомутова выделяет универсальные и культурно-специфичные дискурсы [Хомутова 2014: 18]. Специфику дискурса в национально-культурном аспекте определяют, в частности, его национально-прецедентные феномены: прецедентное имя и высказывание, прецедентная ситуация и текст [Красных 2002], – известные любому среднему представителю национально-лингвокультурного сообщества и включенные в национальную когнитивную базу [Там же: 42–50]. Результаты исследования текстов популярной психологии демонстрируют присутствие в них значительного количества национально-культурных прецедентных феноменов всех типов, что указывает на *национально-культурную маркированность интернет-дискурса популярной психологии* [Истомина 2024]. Можно смело утверждать, что популярная психология в российской культуре имеет национальную специфику.

1.3. Исследования психотерапевтического дискурса

Первыми психотерапевтами и авторами терапевтического дискурса были античные философы. Они пытались разобраться в себе через анализ собственных отношений с богами и миром методом интроспекции. В эпоху романтизма предметом нового знания о человеке становится область чувств и глубинных переживаний, значимыми темами – любовь и смерть. Новое время характеризуется стремлением человечества рационально познать сферу бессознательного. В наши дни наблюдается стремительная популяризация психологических знаний и практик, выход терапевтического дискурса за границы кабинета психотерапевта и, более того, его проникновение в иные дискурсы.

Описанием терапевтического дискурса занимались социологи и культурологи, лингвисты и, в силу центральной роли языка в психотерапии, психотерапевты. Первые исследования терапевтического дискурса с позиции лингвистики относятся ко второй половине XX века. Терапевтический дискурс находился в центре внимания в различных клинических условиях, включая психотерапию [См., напр.: Labov, Fanshel 1977] и медицину [См., напр.: Byrne, Long 1976; Morris, Chenail 1995].

1.3.1. Исследование терапевтического дискурса психотерапевтами

В психотерапии терапевтический дискурс – беседа при взаимодействии психотерапевта и клиента, направленная на улучшение психического здоровья последнего, – является ключевым видом деятельности. Язык в ходе такой беседы выступает и инструментом диагностики, и «лекарственным средством». Именно по этой причине терапевтический дискурс стал предметом изучения многих специалистов в области психологии.

Психолог К. Пруттинг с коллегами исследовали терапевтический дискурс логопедов посредством анализа терапевтических речевых актов [Clinician-child discourse... 1978]. Д. Коварский, Д. Духан и М. Максвелл своей работой

Constructing (In)Competence внесли значительный вклад в анализ значения «дискурсивных маркеров» в терапевтическом дискурсе [Kovarksy, Duchan, Maxwell 1999]. Р. Питтинджер с коллегами занимались изучением имплицитных значений, передаваемых лексическим и просодическим выбором участников психотерапевтической беседы [Pittinger, Hockett, Danehy 1961].

Важной вехой в исследовании терапевтического дискурса стала книга В. Лабова и Д. Фэншеля «Терапевтический дискурс», в которой анализируется психотерапевтическое взаимодействие на основе теории речевых актов. Авторы выделили четыре основных типа действий: металингвистическое действие (иницирование, продолжение или завершение действия), представление, просьба и вызов. Анализируя эти действия, авторы обращаются к темам, которые имеют отношение и к клиническому пониманию психотерапии, таким как эмоции и подавление эмоций [Labov, Fanshel 1977].

Вопросам изучения речевого психотерапевтического взаимодействия немало внимания уделяли и отечественные специалисты в области психологии.

А. Ф. Бондаренко, исследуя структуру и содержание русского и англо-американского терапевтического дискурса методами структурного и контент-анализа, выявил различия в ценностно-смысловых детерминантах высказываний психотерапевтов в зависимости от их культурной принадлежности. Отличительные характеристики отечественного психотерапевтического дискурса: сопричастность, метафоричность, ориентированность на такие экзистенциальные концепты, как жизнь, смысл, ценность, подлинность. Психосемантическое исследование позволило установить сформировавшийся на основе русских социокультурных традиций *терапевтический подход – этический персонализм*. К его ключевым этическим ценностям исследователь относит духовность, созерцательность, любовь, долг [Бондаренко 1996, 1999].

В. Л. Измагурова изучала внутреннедиалогический и внутреннемонологический текст на примерах письменных транскриптов психоаналитических сессий. Выявлены механизмы и результаты функционирования внутреннего диалога, взаимосвязь внутреннего диалога

и рефлексии, разработана методика анализа внутренидиалогического и внутренимонологического текста [Измагурова 2006].

Создателю направления лингвистической психотерапии профессору психологии Н. Ф. Калиной принадлежат теоретические положения лингвистической парадигмы в психотерапии, которая (парадигма) рассматривается как система дискурсивных практик. В результате исследования проблем языка и субъекта сделан вывод о том, что психическая активность последнего взаимно детерминирована лингвистическими характеристиками и способностью к структурированию и пользованию речью [Калина 1999].

Т. А. Кубрак представила интенциональную структуру психотерапевтического дискурса и место в ней интенции самопрезентации, ее характерное выражение и роль в организации дискурса. Автор развивает представление о направленности на самопрезентацию как на сложную интенциональную структуру. Самопрезентации отведено центральное место в интенциональной структуре дискурса клиента [Кубрак 2007].

Авторы таких работ используют концепции и инструменты лингвистики и социологии, а для понимания терапевтического дискурса активно изучают психотерапевтический процесс. Сформирована богатая исследовательская традиция процессов, способствующих психологическим изменениям клиента в результате психотерапевтического воздействия. В этих исследованиях аспекты терапевтического дискурса являются важными факторами, способствующими изменениям.

Оцениваются главным образом связи между процессами психотерапевтического сеанса и результатами терапии с позиции клиента, терапевта и наблюдателя. Переменные процесса, призванные объяснить результат, связывают с терапевтическим дискурсом: они могут представлять собой различные виды терапевтических техник (например, интерпретация) или аспекты терапевтических отношений (например, эмпатия).

Исследуются результаты терапевтического процесса – изменения, происходящие с клиентом. В качестве данных в большинстве подходов используется язык терапевтических сеансов без фокуса на дискурсе как таковом.

Однако выделим и два *дискурс-ориентированных подхода*: режим вербального ответа и модель терапевтических циклов. Режим вербального ответа основан на схеме кодирования, которая различает восемь типов высказываний терапевта и клиента (раскрытие, совет, назидание, подтверждение, вопрос, интерпретация, признание и размышление) [Stiles 1992]. Модель терапевтических циклов включает ключевые моменты терапевтического взаимодействия при описании различных фаз психотерапевтического процесса [Mergenthaler 1996].

Новый этап в изучении психотерапевтического дискурса в ходе консультаций связан с их *онлайн-форматом*. *Дистанционное общение* меняет ситуацию консультации, дискурс терапевта и дискурс клиента. Высказывания терапевта становятся более распространенными, включают больше повторений и вопросов, уточнений. Дискурс клиента – более повествовательный и связный, в речи фиксируется больше пауз, односложных ответов, смена тем, а также ненормативная лексика [Чвилева 2023].

Многие исследования в области психотерапии посвящены *метафоре* [McMullen 2008; Mould, Oades, Crowe 2010] и подчеркивают ее преимущества как инструмента, который упрощает общение между терапевтом и клиентом.

1.3.2. Исследование терапевтического дискурса социологами и культурологами

Изучением терапевтического дискурса активно занимаются социологи и культурологи, которые утверждают факт «терапевтического поворота» в культуре [Illouz 2008; Лернер 2011; Furedi 2004 и др.] и «эмоционального детерминизма» [Scheff 2011]. Речь идет о культурном сдвиге, в результате которого терапевтический способ мышления выходит за пределы отношений между психотерапевтом и клиентом, определяет общественные взгляды и мнения по вопросам, выходящим за рамки психотерапии [Furedi 2004].

Терапевтическая культура стала неотъемлемой частью социальной и культурной жизни и оказала существенное влияние на социальные нормы, ценности и поведение в обществе [Furedi 2004; Illouz 2007].

Социолог Е. Иллуз описала, как постфрейдистский (эмоциональный) дискурс проник в экономические институты США, как интимная, приватная и житейская сфера подвергается рационализации и объективизации. Е. Иллуз вводит понятие «эмоциональный капитализм», подразумевающее интерпретацию интимных отношений через призму рыночной логики и обогащение экономических отношений эмоциональным измерением. Не случайно наше время называют «эпохой быстрого дофамина» [Illouz 2007].

Дискурс эмоционального капитализма – это self-help-дискурс – представление о том, что все в жизни является результатом индивидуальных устремлений и рекомендаций «инвестировать в отношения», «создать лучшую версию себя», «продавать свой образ». В результате развивается единый язык, используемый для описания всех сфер жизни, и возникает современная терапевтическая *модель самости*, которая представляет собой продукт психологического знания и дискурса, встроенного в институты капитализма [Лернер 2011: 78].

В России появление терапевтической культуры связывают с переходом страны к капиталистическому строю, логика которого заключается в необходимости экономической эффективности и получения выгоды во всех сферах человеческой жизни, в том числе эмоциональной [Аронсон 2020]. Вот пример из статьи отечественного терапевта, где речь идет о том, что любые отношения держатся на выгодах, таких как общие ценности, интересы, спокойствие и благополучие, обеспечиваемые партнером: «...,правило“ безусловной любви распространяется только на детей (иногда на родителей и других родственников), и то – пока дети не вырастут. Мы не любим других людей просто так. Мы всегда любим их за что-то – точнее, за то хорошее, что от них получаем» [Любовь или выгода... URL]. Марина Комиссарова, ведущая блога «Evo_lutio» является примером блогера-психотерапевта, продвигающего идеи

эмоционального капитализма: она учит не искать компромисс в отношениях, а максимально использовать ресурсы партнера, а когда они исчерпаны – искать нового.

Однако, стоит отметить, что богатая психологическая традиция советского времени, из которой, по сути, выросли все «звезды» российской практической и популярной психологии (Михаил Лабковский, Макс Бартон, Николай Дмитриевич Линде и др.), в 1970-1980 гг. породила массовые популярно-психологические направления и клубы, популярно-психологическую литературу (В. Л. Леви, Ю. Р. Вагин, А. Г. Свияш и др.). Как результат, не все отечественные психотерапевты разделяют логику выгоды. Многие (особенно в гуманистической, экзистенциальной, психодинамической традициях) критикуют редукцию отношений до «обмена выгодами». Например, Ф. Е. Василюк писал о смысле страдания [Василюк 1984], В. Л. Леви — о любви как даре [Леви 2002], Э. Г. Эйдемиллер – о семье как ценности [Эйдемиллер 2008], а не контракте. Утилитарная точка зрения, таким образом, характерна лишь для определенных направлений (например, когнитивно-поведенческого, системного, коучингового), но не для всей отечественной психотерапии.

По утверждениям социологов, терапевтическая культура, с одной стороны, помогает лучше понять свои эмоции, с другой – насаждает чувства бессилия и уязвимости [Furedi 2004]. Также в рамках терапевтической культуры человек может и должен осуществлять полный контроль над своими эмоциональными состояниями и реакциями.

В результате терапевтизации формируется убеждение, что источники социальных проблем заключены во внутреннем мире человека. Решение проблем осуществляется путем саморегуляции, так как «я – единственный источник своего счастья или несчастья» и «только я несу ответственность за свое состояние».

Культуролог Ю. Лернер также видит в этом симптом процесса индивидуализации, в результате которого «социальные проблемы все более воспринимаются в терминах психологических установок: как личная неадекватность, чувство вины, тревоги, конфликты и неврозы» [Лернер 2011: 5].

Автор утверждает, что эта американизированная постфрейдистская психология и ее терапевтический язык распространились на институты повседневной культуры, прежде всего массовой культуры потребления, социальной интеракции и медиасреды [Там же: 74].

Медиасреда содействует популяризации терапевтического дискурса, а медиаплатформы для генерирования нарративов способствуют освоению данного дискурса, осмыслению и манифестации крайне важной, по утверждению М. В. Добровольского, для человека позднего модерна самости [Добровольский 2019: 243]. Наблюдения показывают, что манифестация производится в терминах терапии, поскольку «научная и практическая психология, психотерапия оказываются одним из доступных языков говорения об эмоциях на обыденном уровне» [Симонова 2018: 371].

1.3.3. Исследование терапевтического дискурса лингвистами

Терапевтический дискурс получил разностороннее рассмотрение в лингвистике. Выделим два основных подхода к его анализу – коммуникативно-прагматический и социолингвистический.

Детальное исследование особенностей речевого поведения в терапевтическом дискурсе представлено в книге У. Лабова и Д. Фэншеля «Терапевтический дискурс. Психотерапия как общение». На материале бесед психотерапевта с клиентами показаны общие правила речевой тактики участников, ее вербальная и невербальная реализация [Labov, Fanshel 1977].

У. Снайдер разработал типологию речевых действий психотерапевта (структурирование, директивные вопросы, недирективные направления и вопросы, интерпретация, одобрение и ободрение, убеждение и др.) и клиента (заявление о проблеме, обращение за советом, ответы на вопросы, несогласие с интерпретацией и др.) [Snyder 1987]. Аналогичная типология обнаруживается у У. Стайлза [Stiles 1992].

Дж. Миллер и К. Герген разработали модель коммуникации на онлайн-платформах по предупреждению суицида, куда вошли: 1) обращение за помощью, 2) информирование, 3) поддержка, 4) стимулирование личностного роста, 5) пунитивность [Miller, Gergen 1998].

Анализ реализации принципа вежливости в терапевтическом общении, проведенный Р. Лакофф, выявил систематические нарушения, проявляющиеся в неравномерном объеме речевых вкладов терапевта и клиента, односторонней интерпретации, одностороннем самораскрытии, несоблюдении принципа равноправия при распределении коммуникативной инициативы, выборе темы разговора [Lakoff 1989: 105–106].

Анализу вербальной деятельности врача-психотерапевта, ориентированной на прагматические цели, посвящена коллективная монография филологов и психотерапевтов А. Б. Бушева, А. К. Зиньковского и М. Г. Агкацевой. Авторами рассматривается трихотомия видов психотерапевтической риторики: 1) речевое воздействие, имеющее своей целью внушение; 2) речевое воздействие, направленное на рациональное воздействие на пациента; 3) проблематика художественного воздействия в психотерапевтических целях. В работе осуществлена типологизация текстов, применяемых в психотерапевтической практике, с выделением 1) устных тестов, ориентированных на внушение, используемых при гипнозе и аутосуггестивном монологе; 2) устных текстов, ориентированных на переубеждение, применяемых в клинически ясном состоянии сознания пациента, с их подразделением на: а) позитивный диалог, б) диалог по методике нейролингвистического программирования, в) “психотерапевтическую метафору” (притча, басня, анекдот, цитата и проч.); 3) художественных текстов, нацеленных на эстетическое воздействие. Авторами подробно рассматривается языковая характеристика позитивного диалога и терапевтическая метафора. Отмечается, что последняя относится к одному из ведущих средств осуществления психотерапевтической деятельности и присутствует во всех жанрах психотерапевтических текстов, поскольку способствует апелляции к рефлексивности пациента и выведению его в

рефлексивную позицию, пробуждению индивидуального начала в его мышлении. Однако, исследователями делается акцент на необходимость строгого соблюдения риторического принципа уместности метафоры [Бушев 2013].

Среди отечественных лингвистов, занимающихся изучением терапевтического дискурса, отметим также М. С. Гринева, которая выявила его конститутивные признаки с позиций социолингвистического похода: общие дискурсивные, общие институциональные и частные институциональные. К общим дискурсивным признакам терапевтического дискурса автор причисляет адресатность, ситуативную обусловленность и жанровую специфику. К общим институциональным – статусное позиционирование коммуникантов, тематическое ограничение общения частной жизнью и межличностными отношениями клиента и эксплицитную стратегичность. Частные институциональные признаки – профильные (профессиональный инструментарий) и предметные (конкретизация профессиональных целей и задач).

В результате сопоставительного анализа терапевтического, медицинского и разговорно-бытового дискурсов М. С. Гринева характеризует терапевтический дискурс как персональное, полуофициальное, не жестко ритуализованное и главным образом фатическое общение [Гринева 2018: 7–8].

Проведя анализ содержательных особенностей терапевтического дискурса, М. С. Гринева составила речевой портрет практического психолога на вербальном и мотивационно-прагматическом уровнях. При помощи тактико-стратегического анализа она выявила речевоздействующие (интерпретативно-оценочные и модальные) и вспомогательные (риторические, прагматические, диалоговые) стратегии, представила количественное и качественное описание тактик их реализации [Там же: 8–16].

Языковой экспликации душевных состояний посвящены труды В. И. Шаховского, который выделил три разновидности эмотивной лексики: номинативы (прямые номинации душевных состояний, например «ревность» или «ревную»), дескриптивы (описательная передача эмотивной семантики, например

«сердце выпрыгивает») и экспликанты (слова с яркой коннотацией, например «мерзавец!» или «умница!») [Шаховский 2008].

На основе данной классификации Л. Р. Ахмерова исследовала номинации душевных состояний психологического дискурса, который подразделила на научно-психологический, психотерапевтический и обиходный психологический. В психотерапевтическом дискурсе задействованы только номинативы и дескриптивы [Ахмерова 2015].

Некоторые труды лингвистов, занимающихся терапевтическим дискурсом, посвящены метафорам. Если исследователи психического здоровья применяют функциональный подход и сосредоточивают свое внимание на эффективности метафоры в содействии положительной динамики в процессе терапии, то исследователей-лингвистов больше занимает развитие теории метафоры, а их главная цель – описать частотность и контекстуальное богатство метафор в психотерапии, но не их диагностическую и терапевтическую функции [См., напр.: Oxford guide to metaphors in CBT... 2010; Nailing Down Metaphors in CBT... 2016].

Некоторые исследования лингвистов включают рекомендации для профессиональной практики. Например, М. Колл-Флорит, С. Климент, М. Санфилиппо и Э. Эрнандес-Энкуэнтра в коллективной работе проводят анализ исследований в области метафорической концептуализации заболеваний и расстройств на материале корпуса англоязычных текстов. При помощи компаративного анализа и в условиях нарратива от первого лица на каталонском языке проверяется валидность выявленных и описанных концептуальных метафор депрессии. Отмечается совпадение полученных результатов с уже имеющимися. Обнаружены новые типы метафор, в которых нашли отражение психосоциальные факторы и опыт пациентов. Авторы также рассуждают о возможности использования метафор в качестве «маркеров прогресса» в лечении [Metaphors of depression... 2021].

1.4. Лингвистические исследования дискурса популярной психологии

Дискурс популярной психологии получил освещение в работах лингвистов. Но таких исследований немного, и материалом для них послужили исключительно книжные издания. Дискурс популярной психологии описывается с позиции дискурсивного, лингвопрагматического и лингвокогнитивного (лингвоконцептуального) подходов. Е. В. Шелестюк раскрывает стилистические и жанровые особенности текстов книг по популярной психологии отечественных и зарубежных психологов и психотерапевтов. Стиль текстов популярной психологии определен как научно-популярный подстиль научного функционального стиля, сочетающий научный, публицистический, художественный и разговорный стили. Жанр состоит из ряда поджанров, определяемых тематикой. К поджанрам научно-популярной литературы по психологии Е. В. Шелестюк относит: искусство общения; отношение к себе, к другим, к различным аспектам жизни; терапию конкретных психологических проблем; достижение личного успеха в различных областях; самосовершенствование, самоактуализацию, личностный рост, тренировку отдельных способностей; решение проблем здоровья и его укрепление с помощью психотехник [Шелестюк 2008].

Изучению функционально-стилевой классификации популярно-психологических текстов на материале книг американских психологов-метафизиков также посвящено исследование Ю. В. Гилясева. Проанализировав структурную, содержательную и лингвистическую составляющие англоязычных текстов книг, автор отмечает присутствие в них характеристик научного, публицистического и художественного стилей. В текстах исследуемого дискурса выявлена тенденция к прикладной простоте, прозрачности смыслов и красноречию. Фиксируется отрыв мотивационной литературы от научного знания и развитие в качестве самостоятельного направления, задающего тон научно-популярным жанрам [Гилясев 2015].

М. И. Абдыжапарова и Т. Ю. Сомикова провели исследование метафор в научно-популярном дискурсе социальной психологии. Количественный анализ англоязычных текстов по социальной психологии выявил максимальную частотность социоморфной, натуроморфной и артефактной метафор, которые описаны с точки зрения их функций и источников [Абдыжапарова 2021].

Е. В. Шелестюк в рамках лингвокогнитивного или лингвоконцептуального подхода проанализировала фрейм-концептуальную структуру и используемые средства речевого воздействия американского популярно-психологического дискурса. Среди основных фреймов выделены психологическое благополучие, эффективность, успех, преодоление неблагоприятных обстоятельств. В качестве характеристик популярно-психологического дискурса отмечены смешение стилей, множественная адресатность, публичность, нарративность, квазидialog с реципиентами, эмпирические экзemplификации, применимость к повседневной жизни [Shelestyuk 2023].

Вопросом лингвистической безопасности научно-популярных текстов по психологии, переведенных с английского языка на русский, посвящено исследование Т. В. Косолаповой. В результате сопоставительного анализа текстов русскоязычного перевода и англоязычного оригинала сделан вывод о присутствии в переводах значительного количества лингвотоксинов – языковых элементов, наносящих вред коммуникативной системе и языковому сознанию носителей языка. Выявлены «токсичные» элементы языка в исследуемых текстах: неоправданные лексические заимствования, неперевоенные с английского языка слова, токсичное словотворчество [Косолапова 2024].

Таким образом, в основе дискурса популярной психологии лежит психотерапевтический дискурс, который зародился еще в античные времена. Психотерапевтический дискурс могут изучать, психотерапевты, социологи и культурологи, лингвисты. Теоретические и практические изыскания в области психотерапевтического дискурса заложили прочный дискурсивный фундамент для анализа и описания дискурса популярной психологии, так как этот тип интеракции стал сегодня одной из самых востребованных психологических практик.

Выводы по главе I

Будучи сложным явлением социально-гуманитарного порядка, дискурс находит различное понимание в исследующих его науках, интерпретируется в зависимости от научных школ и подходов. В настоящем исследовании дискурс описывается с позиции социолингвистики как институциональное общение. Под терапевтическим дискурсом понимается совокупность текстов, представляющих собой продукт речевой деятельности в области психологии, где агентами являются профессионалы. Интернет-дискурс популярной психологии обладает всеми параметрами институциональности и представлен медиатекстами психотерапевтов, адресованных клиентам – носителям наивной картины мира. В соответствии с многочисленными классификациями исследуемый дискурс относится, в частности, к письменным, перформативным, первичным (но вторичным в формате бытования некоторых жанров, например, рецензия), научным, интерактивным, культурно-специфическим видам дискурса. Описанием терапевтического дискурса, разновидностью которого является интернет-дискурс популярной психологии, занимаются психотерапевты, социологи, культурологи, лингвисты.

Психотерапевты исследуют терапевтический дискурс, поскольку язык, опосредующий речевую деятельность во время сеансов психотерапии, выступает и средством диагностики, и способом лечения психических расстройств. Изучаются как терапевтические процессы, так и факторы, содействующие психологическим изменениям в результате этих процессов. Особое место в психотерапевтических исследованиях отводится метафоре, она значительно упрощает общение между терапевтом и клиентом. Социологам и культурологам терапевтический дискурс интересен по причине выхода терапевтического способа мышления за пределы терапевтического общения и произошедшего терапевтического поворота. Сформировавшаяся терапевтическая культура оказывает существенное влияние на социальные нормы, ценности и поведение в обществе.

В лингвистических исследованиях терапевтического дискурса выделяются несколько подходов к его анализу: коммуникативно-прагматический и социолингвистический. В рамках коммуникативно-прагматического подхода рассматриваются речевая тактика участников, типология речевых действий, реализация принципа вежливости; изучаются языковые номинации душевных состояний, частотность и разнообразие метафор в дискурсе. С позиции социолингвистического подхода исследуются конститутивные признаки и содержательные особенности терапевтического дискурса, типы общения в нем.

Дискурс популярной психологии не получил достаточного освещения в лингвистических исследованиях, а материалом для них послужили исключительно книжные издания. В американском дискурсе популярной психологии выделены основные фреймы и средства речевого воздействия на адресата. Определены стилистические и жанровые особенности книг отечественных и зарубежных психотерапевтов. Переводы англоязычных текстов на русский язык исследованы на предмет токсичности. Изучаются природа и функции метафор в ряде англоязычных книжных изданий.

Интернет-дискурс популярной психологии пока не стал объектом лингвистических исследований, несмотря на свою популярность и доступность материала. Интернет-дискурс популярной психологии определяется нами как институциональный тип коммуникации, гибрид терапевтического и массово-информационного (медийного) дискурсов, репрезентированный в публикациях на сайтах для читателей – непрофессионалов в области психологии, носителей наивно-психологической картины мира. Наиболее востребованным методом изучения интернет-дискурса популярной психологии является моделирование. Модель дискурса популярной психологии включает в себя следующие компоненты: субъекты, цель, ценности, хронотоп, наличие прецедентных текстов, тематика, жанры, дискурсивные формулы.

Субъектами интернет-дискурса популярной психологии являются агент, то есть практикующий психолог или психотерапевт, и клиент. Число клиентов может быть неограниченным ввиду медийного характера дискурса. Цель

интернет-дискурса популярной психологии – предоставление профессиональной специализированной помощи, популяризация и внедрение идей, связанных с вопросами практической психологии. Ценность интернет-дискурса популярной психологии может быть описана как поддержание душевного благополучия и стабильности в жизни его клиентов. С точки зрения хронотопа интернет-дискурс популярной психологии существует вне линейного времени в медиапространстве.

Для интернет-дискурса характерно наличие прецедентных текстов, что проявляется в использовании известных имен, высказываний, ситуаций в процессе решения проблем клиентов и номинаций феноменов. Тематика интернет-дискурса популярной психологии связана с обсуждением частной жизни и межличностных отношений клиента. Жанры – публикации на сайтах и в популярных интернет-изданиях, специализированные форумы, статьи, авторские колонки и интервью на популярных и научно-популярных площадках. Дискурсивные формулы интернет-дискурса популярной психологии реализуются в наборе профессионально-маркированных лексических единиц и высказываний.

ГЛАВА II. ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА ПОПУЛЯРНОЙ ПСИХОЛОГИИ

2.1. Ценности с лингвокогнитивной точки зрения

В наши дни категорию «ценности», зародившуюся в недрах античной философии, изучают многие гуманитарные науки, в том числе лингвистика. Существование и распространение ценностей невозможно без их вербализации, что указывает на их отнесенность к языковой картине мира человека. Воплощение ценностей в языке невозможно исключить из коммуникации, оно может быть как случайным, так и намеренным. Таким образом, лингвистический интерес к ценностям обусловлен, во-первых, их представленностью в языке. Во-вторых, категория «ценности» относится к лингвистике, поскольку соответствует когнитивному, лексико-семантическому, социальному и лингвокультурному параметрам, позволяющим причислять языковое явление к категории лингвистики [Аракелова 2017].

Проблемами отражения ценностей и антиценностей в языке занимается направление лингвокультурологии *аксиологическая лингвистика*. К основным понятиям аксиологической лингвистики относятся «ценность» и «оценка».

В своей работе мы опираемся на понимание ценностей как «социально-психологических идей и взглядов, разделяемых народом, наследуемых каждым новым поколением» и воспринимаемых как эталон [Стернин 1996: 108]. Ценности выявляются через оценку, то есть сравнение с эталоном. Таким образом, ценность ориентирована на эталон, а оценка – это результат сравнения с эталоном [Гибатова 2011: 131].

Изменения в ценностных и оценочных представлениях социума обусловлены изменениями в культуре. Язык опосредованно фиксирует и отражает как универсальные ценности для данной культуры, так и трансформации оценок и ценностей. Специфические ценности и оценки демонстрируются отдельными дискурсами, в том числе и интернет-дискурсом популярной психологии. Его

аксиологический анализ представляется нам крайне важным, поскольку институт популярной психологии, выходя за пределы кабинета терапевта в общественное коммуникативное пространство и проникая в другие сферы коммуникации, оказывает значительное воздействие на способы мышления, модели речевого поведения и ценностные ориентации членов социума.

Наше исследование аксиологических характеристик интернет-дискурса популярной психологии основано на двух подходах: когнитивно-дискурсивном, подразумевающим симбиоз когнитивного анализа, то есть анализа познавательно-мыслительной и эмоциональной деятельности человека, и дискурсивном, когда на первый план выходит экспликация ценностей в исследуемом дискурсе.

Потребности и жизненные ориентиры, продвигаемые институтом популярной психологии через соответствующий дискурс, воплощаются в виде аксиологических концептов. Подобные компоненты институционального общения включают специфичные для данного института ценности, а значит, могут выступать основанием для разграничения интернет-дискурса популярной психологии и других типов дискурсов. Аксиосфера современного интернет-дискурса популярной психологии определяется нами как концептуальное пространство, включающее в себя ценностно нагруженные концепты, репрезентируемые посредством лексических единиц в языке соответствующего социального института.

Важно отметить, что аксиологический потенциал компонентов концептосферы реализуется именно в рамках интернет-дискурса популярной психологии, а явления, лежащие в их основе, наделяются ценностными характеристиками в контексте анализируемого типа интеракции.

2.2. Неологизмы как средство выражения ценностей

Одно из средств репрезентации ценностей в языке – неологизмы: их создание уже является актом придания ценности отражаемым ими объектам [Катермина 2022 б: 36]. Аналогичной позиции придерживается В. А. Марьянчик,

которая рассматривает неологизацию как важнейшую часть процесса включения явления в ценностную систему участников коммуникации [Марьянчик 2005]. Ценностная составляющая неологизмов выделена даже в отдельное направление неологических исследований [Катермина 2022]. Аксиологическая нагруженность неологизмов в рамках когнитивно-дискурсивного подхода объясняется тем, что в них находят свое отражение национальные особенности жизни социума в определенных понятийных сферах, репрезентирующих ценностные приоритеты общества.

Неологизмы как средство выражения новых ценностей, возникающих в результате изменений в социуме, раскрывают его ценностные доминанты, позволяя выявить значимость области человеческой деятельности по количеству посвященных ей неологизмов: «В неологизации отражаются национально-специфические особенности категоризации и вербализации жизни социума в определенных понятийных сферах, репрезентирующих ценностные приоритеты данного социума; неологизмы кодифицируют новый культурный опыт и характеризуют динамику развития языковой системы. Особенности взаимодействия языка, культуры и социума обуславливают распределение неологизмов по различным понятийным сферам. Доминирование определенной сферы является показателем ее значимости для лексикона и аксиологической ценности для соответствующего социума» [Рец 2014: 6].

Неологизмы активно развиваются в различных видах институциональных дискурсов, являясь как результатом, так и причиной развития дискурсов: чем активнее развивается дискурс, тем больше в нем появляется неологизмов, возникновение же неологизмов стимулирует развитие дискурса [Катермина 2022, а].

Дискурс популярной психологии характеризуется чрезвычайно динамичным развитием в XXI веке, в том числе в нашей стране. Появление в дискурсе неологизмов, их функционирование и воздействие на сознание адресата, таким образом, представляется особенно важным в силу возрастающей роли медиа как средства формирования и распространения терапевтической культуры в современном российском социуме. В интернет-дискурсе популярной

психологии репрезентируется ценностное отношение ко всему, что связано с этой культурой.

Неологизмы популярной психологии – активно развивающаяся область современной лексики русского языка. Поскольку интернет-дискурс популярной психологии характеризуется переходом коммуникации из приватной сферы в публичную медийную, в лексике наблюдается расширение некоторых сегментов и смена акцентов в восприятии терминов и понятий дискурса. В. В. Катермина отдельно отмечает аксиологический потенциал медийных неологизмов, обладающих оценкой, которая соотносится с системой ценностей социума. Оценочный знак неологизма эксплицитно или имплицитно демонстрирует отношение социума к обозначенному знаком явлению или же вызывает провоцируемую автором неологизма реакцию [Катермина 2019: 104].

Исследованиям аксиологических характеристик неологизмов на материалах различных дискурсов посвящены, в частности, работы А. Р. Аракеловой [Аракелова 2017], В. В. Катерминой [Катермина 2019, 2022 а, б], И. С. Криворучко [Криворучко 2023], С. Х. Липириди [Липириди 2021]. А. Р. Аракелова рассматривает аксиологические и архетипические концепты в качестве основы аксиосферы институциональной коммуникации, а также вопрос моделирования аксиосферы дискурса моды [Аракелова 2017]. И. С. Криворучко через анализ морфологических признаков и структуры неологизмов выявляет их оценочные характеристики для последующей экспликации ценностей и антиценностей делового дискурса [Криворучко 2023]. В. В. Катермина и Н. С. Соловьева исследуют ценностные аспекты гастрономического дискурса на основе анализа английских неологизмов-гастронимов, обладающих оценкой [Катермина 2022, а]. В диссертационном исследовании С. Х. Липириди изучены когнитивно-прагматические особенности неологизмов туристического дискурса и определен их семантико-аксиологический потенциал [Липириди 2021].

Процесс создания неологизмов запускает продуцирование новых концептов и переосмысление старых. Пополнение лексического состава языка неологизмами происходит за счет заимствований из других языков и внутриязыкового

словотворчества в силу необходимости номинации новых концептов, устранения омонимичных форм и обновления языковых форм для повышения экспрессивности, новизны, привлекательности остроумной речи, языковой фиксации новых ассоциаций [Заботкина 1989; Липилина 2006]. Это обусловлено потребностями когнитивного и прагматического характера. При таком подходе к пониманию термина выделяются собственно неологизмы (новые форма и содержание); трансноминатии (новая форма, содержание – нет); семантические инновации или переосмысления (новое содержание обозначается уже имеющейся в языке формой) [Заботкина 1989: 7].

Для выявления неологизмов нам видится правомерным использование следующих параметров конкретизации, выделенных Н. З. Котеловой [Котелова 1990: 330]:

1) по времени возникновения слова (в нашем случае исследуемые лексические единицы выбраны из корпуса текстов, опубликованных не ранее 2013 года);

2) по «языковому пространству» (отбор лексики, новой для подязыка психологии в ее популярном жанре);

3) по типу новизны (что представляет новизну – форма и (или) значение);

4) по новизне структурных признаков слова с позиции заданности или незаданности его системой.

Как указывает Н. З. Котелова, слово может считаться неологизмом, если оно отвечает изложенным выше параметрам. Учет этих данных, на наш взгляд, позволяет выделять неологизмы достаточно корректно и объективно. Так, существительное *харрасмент*, появившееся в русском языке с 2017 года, не было неологизмом в английском языке, из которого оно заимствовано; *пограничник* – новый термин популярной психологии, но обычное слово для русского литературного языка.

К неологизмам исследовательница относит не только слова, но и сочетания слов, образующиеся на основе стереотипизации цитат, превращения речевого

отрезка в составной термин, идиому, переосмысления сочетания слов, в результате терминологизации и детерминологизации [Там же]

Определение Н. З. Котеловой, понимающей под неологизмами «как собственно новые, впервые образованные или заимствованные из других языков слова, так и слова, известные в русском языке и ранее, но или употреблявшиеся ограниченно, за пределами литературного языка, или ушедшие на какое-то время из активного употребления, а сейчас ставшие широко употребительными», а также «производные слова, которые как бы существовали в языке потенциально и были образованы от давно образовавшихся слов по известным моделям лишь в последние годы (их регистрируют письменные источники только последних лет)» [Котелова 1971: 7], представляется нам достаточно полным. В данной работе к неологизмам, таким образом, относим непосредственно новые слова и словосочетания, функционирующие в русском языке в сфере психологии и подъязыке психологии в ее популярном жанре, не существовавшие в предшествующий период в русском языке и подъязыке психологии (собственно *неологизмы* и *трансноминации*), а также зафиксированные в русском языке в обыденной и научной сфере слова и словосочетания, получившие новый смысл в подъязыке психологии в ее популярном жанре (*семантические инновации* или *переосмысления*).

Показатели новизны лексической единицы – кавычки, примечания, толкования значений, перевод. Автором терминов, обозначающих разновидности неологизмов и способов их образования (собственно неологизмы, трансноминации, семантические инновации), является В. И. Заботкина [Заботкина 1982]. Важным критерием, позволяющим судить о новизне слова или значения, является метаязыковая рефлексия, выраженная в рефлексивах – метаязыковых высказываниях, комментирующих неологизм. В создании неологизмов в соответствии с классификацией И. С. Улуханова выделяют три направления: словообразовательное, семантическое и посредством заимствований из других языков [Улуханов 2015: 112].

В популярно-психологической терминологии можно выделить следующие типы неологизмов на основе классификации В. И. Заботкиной с указанием способа создания неологизма по И. С. Улуханову:

1. Новые по форме и содержанию неологизмы, в которых формулируются новые знания в области психологии, например: *прокрастинация, газлайтинг, слатшейминг, руминация, хоардинг, созависимость, моббинг, овершеринг, номофобия* – в основном заимствования из английского языка различной степени ассимиляции транскрипционным и транслитерационным способами и словообразование.

2. Лексика, которая использовалась ранее и актуализировалась в языке популярной психологии, но приобрела новое содержание. К таким семантическим инновациям (переосмыслениям) относятся, например: *токсичный, защитный механизм, триггер, автономность, комфортный, нарушать границы, тиран*.

3. Англицизмы, аналоги которых имеются в русском языке, но которые вошли в терминологию популярной психологии из английского языка и выделяются на фоне других лексических единиц анализируемого дискурса в языке-реципиенте: *буллинг* (травля), *харрасмент* (приставания), *аддикция* (склонность), *сепарация* (отделение). Однако такие трансноминации не всегда являются полными аналогами, в чем можно удостовериться с помощью дефиниционного анализа. Так, например, процесс *отделения* в Большом толковом словаре русского языка С. А. Кузнецова объясняется как существительное, производное от глагола *отделиться* – «*отстать, отпасть от целого или того, с чем соединено*» [Толковый словарь Кузнецова URL], то есть не несет в себе однозначную оценку. Аналог *сепарация* определяется в популярной психологии как «*отделение взрослого ребенка от родительской семьи, его становление как самостоятельной личности. К тому же взаимоотношения ребенка с родителями трансформируются в сторону большего равенства – в полноправные взаимоотношения взрослых со взрослым*» [Сепарация URL], что указывает, во-первых, на наличие коннотативной положительной оценки в семантике и, во-вторых, на уменьшение семантического объема понятия, так как слово приобрело

узкое, специальное значение, перейдя из общей сферы коммуникации в специальную. Данный тип неологизмов относится к трансминациям и включает заимствования способами транскрипции и транслитерации, а также ассимилированные с помощью словообразовательных моделей.

4. Неологизмы, которые функционируют в популярно-психологическом дискурсе как устойчивые сочетания. Здесь имеет место ассоциативное взаимодействие концептосферы психологической науки с концептосферами прочих наук и обыденной концептосферой. Примеры: *насилие* в сочетании с прилагательными *эмоциональное, психологическое*; *любовь* с прилагательными *дефицитная, безусловная, зрелая*; *эмоциональный* в сочетании с существительными *качели, буря, вызов, раскачка, выгорание, здоровье, отдача, потребность, расставание*. В создании таких неологизмов задействованы словообразование и семантическая инновация.

В последующих разделах диссертационного исследования рассматриваются особенности функционирования неологизмов в интернет-дискурсе популярной психологии с точки зрения их семантики и транслируемых ценностей.

2.3. Методика лингвоаксиологического анализа интернет-дискурса популярной психологии

Попадая в ценностное поле языка, неологизмы выступают маркерами ценностных изменений и способствуют адаптации общественной системы ценностей к новым реалиям. Лингвоаксиологический анализ неологизмов интернет-дискурса популярной психологии позволит выделить ценности и антиценности популярной психологии, дать характеристику доминирующим общественным установкам на современном этапе ее развития: в неологизмах, наделенных положительной оценкой, отражаются поощряемые обществом явления и стратегии поведения, в неологизмах с отрицательной оценкой – неприемлемые в обществе стандарты.

Важный аспект изучения аксиологического плана неологизмов – их восприятие и истолкование агентами дискурса посредством метаязыковых комментариев. Поскольку «любое метаязыковое описание ментальной единицы представляет собой интерпретацию этой ментальной единицы исследователем или реципиентом» [Стернин 2012: 10], метаязыковые описания одной и той же единицы различаются. В метаязыковой комментарии могут раскрываться обстоятельства появления и функционирования слова, по-новому осмысливаться значения слов, проявляться авторское отношение. С позиции лингвистики такие комментарии, безусловно, наивны, поскольку продуцируются не лингвистами, однако в них максимально точно отражается ценностное отношение к новой лексической единице и (или) новому концепту агентов дискурса.

И. А. Стернин предложил выявлять оценку лексемы методом анализа ее дефиниции. Оценка может содержаться в денотативном и (или) коннотативном компоненте значения лексемы, то есть может быть денотативной или коннотативной. Разграничение денотативной и коннотативной оценок предлагается выполнять следующим образом: если невозможно сформулировать значение слова без оценочных слов, то оценка денотативна, в противном случае – выражена коннотативно или является нейтральной. Если формулировка без оценочных слов возможна, автор предлагает использовать метод трансформации дефиниции: трансформировать в условную фразу, завершающуюся компонентом «и это хорошо/плохо». В случае, когда такая процедура возможна, говорят о наличии коннотативной оценки [Стернин 2011: 55]. Знак коннотативной оценки проявляется только в речи с учетом всех определяющих факторов, что указывает на необходимость привлечения контекстуального анализа. Если оценку слову дать невозможно и после трансформации дефиниции, говорят о нейтральной оценке слова.

Методика лингвоаксиологического анализа интернет-дискурса популярной психологии, используемая в настоящем исследовании, сочетает в себе идеографический, дефиниционный и контекстуальный анализ его неологизмов. Алгоритм действий, направленных на выявление лингвоаксиологических

характеристик неологизмов интернет-дискурса популярной психологии, включает в себя следующие этапы:

1. Выявление потенциальных неологизмов методом сплошной выборки из корпуса текстов популярной психологии без применения автоматизированных методов.

2. Поиск потенциального неологизма в автоматизированной поисковой системе Google с ограничением до 2013 года. В случае обнаружения соответствующих ссылок слово автоматически включалось в список для анализа. При наличии слова в языке, оно изучалось на предмет принадлежности подязыку психологии. Отсутствующие в подязыке психологии слова также включались в анализ.

3. Анализ дефиниции на предмет денотативно выраженной оценки.

4. Трансформация дефиниции в случае отсутствия оценочных слов в определении в условные фразы, выражающие социально одобряемые или неодобряемые модели поведения и отношений с учетом контекста, в котором данная лексическая единица употреблена, для выявления коннотативно выраженной оценки.

2.4. Особенности функционирования неологизмов в системе интернет-дискурса популярной психологии

Новый язык популярной психологии требует подробной классификации и тщательного лингвоаксиологического анализа для выявления ценностей этой сферы и доминирующих общественных установок, поскольку изменения в человеческой деятельности, в том числе в профессиональной, проявляются в языке. Изменение способа коммуникации психотерапевтов с клиентами, а именно выход коммуникации за пределы психотерапевтического кабинета в медийное пространство, привело к формированию ее новых форм, стилей и жанров, адаптации языка терапии к медийной коммуникации.

Приближенность языка терапевтической коммуникации к массовой аудитории указывает на сдвиг в коммуникативных практиках в сторону максимальной ясности и доступности информации. Как результат, научно-популярный текст представляет собой конгломерат научного, публицистического и художественного стилей [Шелестюк 2008]. Главной задачей такого стиля, помимо информирования адресатов, является повышение доступности восприятия неспециалистами и популяризация научных знаний, в отличие от собственно научного стиля, цель которого – сообщить новую информацию специалистам. Исходя из этого, к такой функции научного стиля, как информирование, в научно-популярном стиле добавляется функция воздействия на адресата [Маевский 1979: 11]. Характеристики научно-популярных текстов: образность, экспрессия и публицистичность (публицистические приемы). Важнейшая роль в доступности объяснений, создании образности и экспрессии в интернет-дискурсе популярной психологии отведена неологизмам.

Компонентный анализ неологического материала позволяет упорядочить новые термины и понятия популярной психологии по тематическим группам, каждая из которых включает неологизмы, связанные с определенной сферой:

1) функционирование психики, – названия расстройств и людей с этими нарушениями, состояний людей при наличии и отсутствии нарушений со стороны психики, а также специалистов, методов и тактик для восстановления и поддержания психического здоровья;

2) эмоциональная сфера, – названия эмоций и их источников, возможные действия с эмоциями;

3) отношения между людьми, – наименования типов отношений и действий с отношениями;

4) поведение – наименования поведенческих моделей и людей с соответствующим поведением;

5) когнитивная деятельность – наименования когнитивных процессов;

6) неологизмы, связанные с психологическими состояниями.

Выделенные группы определены на основании выделения их ядерных сем, включающих в себя архисемы, которые относят называемые предметы к тематической группе (*психическое здоровье, эмоции, взаимодействие, реакция, деятельность мозга, режим жизнедеятельности*) и дифференциальные семы, которые конкретизируют архисему и относят предмет номинации к тематической подгруппе.

Единицы из тематических групп на предмет заложенной в них оценки и передаваемых ими ценностей исследуются на основе анализа авторских метаязыковых комментариев, содержащихся в них авторских дефиниций неологизмов, словарных дефиниций и контекста.

Тематическая категоризация неологизмов в дальнейшем использована нами для лексикографических целей, а именно для создания проекта идеографического словаря интернет-дискурса популярной психологии.

2.4.1. Неологизмы, связанные с психическим здоровьем

Состав данной тематической группы чрезвычайно обширен. Появление в ней новых понятий обусловлено, во-первых, развитием психологической науки: познаваемые человеком новые явления обретают свое словесное выражение. А во-вторых, вызвано необходимостью более доступно представлять научную информацию адресатам дискурса – носителям наивной картины мира.

Наименования расстройств психики

Самую многочисленную группу образуют названия расстройств психики как показатели психического нездоровья, включающие неологизмы-словосочетания, среди которых новые по содержанию и форме, а также трансноминативные и переосмысления. Под расстройствами понимаются отклоняющиеся от нормы состояния психики и поведение – синдромы, комплексы, фобии, мании.

Как известно, наименования заболеваний, расстройств и патологических клинических состояний в общей медицине, психологии и психиатрии образуются на основе латинских и латинизированных греческих частей слов с устойчивым значением. Благодаря универсальному характеру терминов в медицине они понятны всем профессионалам независимо от их языковой принадлежности. Однако распознавание медицинской терминологии представляет сложность для неспециалистов – клиентов интернет-дискурса популярной психологии. Как результат, новая терминологическая лексика изучаемого дискурса включает в себя преобразованный терминологический аппарат психологии и психиатрии: термины иногда снабжаются метаязыковыми комментариями и по возможности заменяются более понятными для неспециалиста эквивалентами.

В качестве аналогов используются словосочетания и словосложения, в которых ключевым элементом является медицинский термин и присутствует лексика обыденной концептосферы. К первой группе относим, например: *синдром долгого горевания*, *синдром хронической усталости*, *синдром опустевшего гнезда*, *синдром отложенной жизни* (от греч. *syndromē* – стечение, соединение многих); разновидности *пограничного расстройства личности (ПРЛ)*: *унылое ПРЛ*, *обидчивое ПРЛ*, *импульсивное ПРЛ*, *самоповреждающее ПРЛ*; *игровую зависимость* или *патологический гэмблинг* (от англ. *gambling* – игра на деньги). Примеры словосложений: *игромания*, где соединилось слово, обозначающее концепт обыденного дискурса и медицинский термин *мания* (греч. *-man* – влечение и греч. суф. *-ia* – патологический процесс); эквивалент – словосложение *лудомания* (от лат. *ludo* – играю); *социофобия* или *социопатия* вместо *диссоциального расстройства личности*; *лайкозависимость*.

Многие расстройства психики приобрели в интернет-дискурсе популярной психологии названия по именам личностей, выступающих в данном случае в качестве прецедентных имен (ПИ). В текстах популярной психологии нами выявлено 59 наименований расстройств психики, образованных на базе ПИ. Данные расстройства, их суть и дифференциальные признаки (ДП) входящих в них ПИ представлены в Приложении.

По результатам исследования наименований расстройств психики, включающих ПИ, во-первых, в структурном плане выделены две группы терминов: образованные словосложением двух элементов и словосочетания. Во-вторых, установлено, что в качестве прецедентных феноменов используются как ПИ, так и прецедентные ситуации, вербализованные посредством ПИ.

ПИ включают имена выдающихся исторических личностей, героев широко известных произведений мировой литературы, мифов, комиксов и мультфильмов, топонимы и даже имена из религиозной сферы, которые хранятся в когнитивной базе большинства людей. Использование таких универсально-прецедентных имен обеспечивает правильное декодирование феномена и, как следствие, успешную коммуникацию, поскольку повышается вероятность наличия необходимых фоновых знаний и совпадения пресуппозиций участников коммуникации.

Прецедентный антропоним или топоним зачастую апеллирует к какому-то определенному признаку, который хранится в лингвокультурной базе сообщества.

С помощью дискурсивного метода и метода анализа дефиниций выявлено, что большинство ПИ в названиях расстройств апеллируют к признакам и ситуациям, совпадающим с теми, что хранятся в представлениях российского лингвокультурного сообщества. Так, психологический термин *дисморфофобия* – навязчивая озабоченность индивида по поводу физического недостатка, воспринимаемого им безобразным, – в популярной психологии именуется *комплексом Квазимодо*, *психотический тип бреда ревности* – *синдромом Отелло*, а *силлогомания*, то есть патологическая тяга к накопительству, – *синдромом Плюшкина*.

ПИ Каин хранится в когнитивной базе и апеллирует к прецедентной ситуации, когда человек, погубивший родственника, обрекается за это на вечные страдания. *Комплекс Каина* заключается в чрезмерном чувстве вины (вплоть до депрессии) у изменившего партнера, которое возникает в результате переоценки своего поступка.

Синдромом Алисы в Стране чудес называют неврологическое состояние, при котором человек искаженно воспринимает реальность: видит окружающие

предметы в искаженном размере вплоть до потери контроля над реальностью, то есть в ПИ происходит апелляция к прецедентной ситуации из прецедентного текста.

Кроме того, выявлены ПИ, апеллирующие к признакам и ситуациям, отличным от общепринятых представлений в национально-культурной базе, о чем пойдет речь ниже.

По соотнесенности денотатов прецедентных имен с объектами действительности самой многочисленной является группа ПИ с вымышленными денотатами – 50 единиц. Лишь 9 наименований апеллируют к реальным личностям и ситуациям. Среди реальных личностей выделяются представители различных сфер деятельности: Диоген – философ, Ван Гог – художник, Поликрат и Наполеон – политические деятели, последний прославился еще и как полководец, Казанова – известный авантюрист, подробно описавший свои подвиги, Иона – проповедник христианской религии. В силу разрозненности данных ПИ мы относим их к сфере-источнику «Реальные личности».

К ПИ, апеллирующим к реальным прецедентным ситуациям, относятся *чеченский синдром* и *афганский синдром*. В интернет-дискурсе популярной психологии они заменяют термин психологической науки, включенный в Международную классификацию болезней Всемирной организации здравоохранения только в 2018 году как диагноз *комплексное посттравматическое стрессовое расстройство* (КПТСР). Кроме того, в эту группу относим *стокгольмский синдром*, официально не причисляемый в психологии к расстройствам, поскольку научные исследования показали, что такое поведение – вполне нормальная реакция человека на сильно травмирующее психику происшествие; *стокгольмский синдром* не включен ни в одну классификацию психических расстройств.

Стоит отметить, что в современном понимании термины *комплекс* и *синдром* часто используются синонимично и подразумевают чувственно окрашенные воспоминания, связанные между собой ассоциации и переживания, которые влияют на поведение и ощущения человека. Например, в текстах

популярной психологии можно встретить как *синдром*, так и *комплекс* Золушки и Отелло.

Однако выявлено и расхождение в сути расстройств в *синдроме* и *комплексе*, образованных на основе ПИ *Дон Кихот*: апелляция к разным дифференциальным признакам. В названии синдрома данное ПИ обладает дифференциальным признаком с отрицательной оценкой «человек, занимающийся ненужными вещами», хранимым в когнитивной базе носителей германоязычных культур [Красных 2002: 90]: «*Он игнорирует реальность, творчески ее преобразяя, погружается в ирреальный мир злобных колдунов и заклинаний и сражается с ними*» [Портрет современного клиента URL]. В когнитивной базе представителей отечественной лингвокультуры *Дон Кихот* – это доблестный, бескорыстный, зачастую наивный борец за справедливость [Красных 2002: 89–90]. Вероятнее всего, изменение ядерного дифференциального признака и, как следствие, заложенной в прецедентном имени оценки объясняется западным происхождением популярной психологии. В названии комплекса дифференциальным признаком выступает «мужчина, склонный к идеализации действительности»: «*...мужчина развивает отношения не с самой женщиной, а с неким образом, созданным в его воображении. Он ее без преувеличения боготворит и восхищается ею. Однако через определенный промежуток времени наступает момент разочарования, когда мужчина понимает, что созданная в его голове идеальная избранница вообще не соответствует реальному положению вещей*» [Комплекс Дон Кихота URL].

Признанная сравнительно недавно Всемирной организацией здравоохранения самостоятельным психическим расстройством, *силлогомания*, ранее относимая к одному из типов обсессивно-компульсивного расстройства – заболевания, при котором пациент страдает от навязчивых мыслей или страхов, – в популярной психологии именуется *синдромом Плюшкина*. В Международной классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем, 11-го пересмотра (МКБ-11; в России не используется) *синдрому Плюшкина* присвоен код 6B24 –

«расстройство накопительства». Имя Плюшкина стало знаком-символом человека, страдающего паталогическим накопительством.

В интернет-дискурсе популярной психологии имеет место равнозначный термин *синдром Диогена*. Однако ряд авторов разделяют эти понятия, указывая, что к основным симптомам *синдрома Диогена* относятся полное пренебрежение к собственной внешности, гигиене и здоровью, апатичность, замкнутость, не обязательно сопровождаемые накопительством. Если *синдром Плюшкина* – это *синдром накопительства*, то *синдром Диогена* именуют *синдромом старческого убожества*.

Помимо перечисленных наименований в популярной психологии для расстройства накопительства встречается англицизм *хоардинг* (англ. *to hoard* – запасать, прятать).

Большинство из представленных ПИ имеют конкретный инвариант восприятия в ментально-вербальной базе и несут отрицательную оценку. Однако в исследуемом дискурсе также выявлены ПИ, апеллирующие к признакам, отличающимся от представлений лингвокультурного сообщества.

Например, ПИ *Золушка*, согласно исследованиям, в сознании реципиентов обладает следующим рядом дифференциальных признаков: труженик; человек не знатного происхождения, сделавший хорошую партию; человек, сделавший головокружительную карьеру; человек, с которым произошло чудесное перевоплощение; плохо одетый человек; ущемляемый в правах человек [Власова 2011]. В интернет-дискурсе популярной психологии имя Золушки в синдроме приобретает совершенно иной дифференциальный признак, а именно признак человека со страхом перед собственной независимостью: «*Гендерных границ синдром Золушки не имеет... Это удел всех, кто живет с чувством, что их настоящее место не здесь-и-сейчас, а там-и-тогда. И кого мысль сделать самим шаг в направлении своей мечты не прельщает*» [Синдром Золушки URL].

Ситуация расхождения дифференциальных признаков наблюдается и с ПИ *Рапунцель*. Дифференциальный признак – «красавица с необыкновенно длинными волосами». В интернет-дискурсе популярной психологии дифференциальным

признаком этого имени в синдроме выступает также человек с волосами, однако расстройство выражается в том, что он вырывает волосы и ест их. Психологическое расстройство, связанное с поеданием волос, имеет научный термин *трихофагия* и проявляется на фоне *трихотилломании* (вырывания собственных волос).

Выявлен синдром, имеющий в популярной психологии несколько наименований, два из которых образованы на основе ПИ: *фиктивное хроническое расстройство*, или *деменция самосознания*, именуется в языке популярной психологии *синдромом Мюнхгаузена* или *синдромом Ван Гога*. Данное расстройство в Международной классификации болезней (МКБ-10) имеет код F68.1 – «*умышленное вызывание или симулирование симптомов или инвалидности физического или психологического характера*». В качестве дифференциального признака в ПИ Мюнхгаузен выбран «хронический вран», в ПИ Ван Гог – «человек, умышленно причинивший себе увечье». Каждый признак отражает лишь одну особенность данного расстройства, не раскрывая его полностью.

Кроме этого, встречаются такие названия данного расстройства психики, как *ложное заболевание*, *индуцированное заболевание*, *больничное мошенничество*, *синдром госпитальной преступности*, *синдром госпитальной блохи*, представляющие собой словосочетания, в которых наблюдается ассоциативное взаимодействие концептосферы медицины с обыденной концептосферой. Названия страдающих данным недугом сформированы аналогичным образом: *профессиональные пациенты*, *странствующие пациенты*.

Результаты исследования демонстрируют, что в названиях синдромов и комплексов слова *комплекс* и *синдром* являются главными по смыслу в словосочетаниях с ПИ, выступающих символами определенных расстройств и апеллирующих как к именам реальных, так и литературных героев. Вызванное расстройством патологическое состояние формируется методом словообразования при помощи добавления суффикса *-изм* к имени: *плюшкинизм*, *донжуанизм*, *нарциссизм*.

Значительное количество терминов, содержащих ПИ сферы-источника «Мифология» объясняется популярностью мифов в мире в целом и в нашей стране в частности: включение их в школьную программу, воплощение сюжетов и героев в фильмах и мультфильмах. Зачастую ядерные дифференциальные признаки ПИ, хранящиеся в когнитивной базе россиян и названии расстройства, совпадают. Однако, как и в сфере-источнике «Литература», наблюдается ряд расхождений.

Так, ядерным дифференциальным признаком ПИ *Гризельда* в названии комплекса является человек с *эмоциональной зависимостью* от близкого. Данный комплекс описывается как гипертрофированная отцовская любовь и привязанность к дочери, постепенно перерастающая в эротическое влечение. Женским вариантом *комплекса Гризельды* является *комплекс Иокасты*, который проявляется в виде гиперопеки матерью сына в результате не произошедшей *сепарации*. Эти примеры демонстрируют ценность эмоциональной свободы и независимости в интернет-дискурсе популярной психологии.

ПИ этой сферы апеллируют как к определенным характеристикам персонажей, так и к прецедентным ситуациям, с ними связанным. Например, ПИ *Геракл* хранится в когнитивной базе представителей отечественной культуры, и его дифференциальным признаком при апелляции к имени является «очень сильный человек», а при апелляции к прецедентной ситуации – «свершение героических подвигов, которые не под силу обычному человеку». В названии синдрома ПИ Геракл вербализует прецедентную ситуацию попадания в рабство к лидийской царице Омфале, заставлявшей Геракла заниматься домашним хозяйством. Сама царица в шкуре и с оружием героя появлялась на людях, что было для Геракла нестерпимым унижением. Синдром, таким образом, подразумевает паталогический страх мужчин перед выполнением «женской работы».

Сфера-источник «Мифология» представлена в наименованиях болезненных склонностей к чему-либо. Неологизмы образуются методом словосложения: к ПИ добавляется *-мания* (греч. *μαν* – *влечение* и греч. суффикс *-ια* – *паталогический*

процесс), где прецедентное имя апеллирует к определенному влечению: *нимфомания, геомания, демономания*.

Аналогичным образом происходит образование названий фобий – навязчивых страхов. Термины данной группы заканчиваются на *-фобия* (греч. *phob* – *боязнь, страх* и греч. суф. *-ia* – *патологический процесс*), а ПИ в терминах апеллируют к причине страха: *уранофобия* (тревожно-фобическое расстройство, связанное с боязнью смотреть в небо; Уран – в греческой мифологии бог, олицетворяющий небо), *демонофобия* или *сатанофобия* (навязчивый страх дьявола, нечистой силы), *гипнофобия* (патологическая боязнь заснуть; Гипнос – божество сна в греческой мифологии), *танатофобия* (патологический страх смерти; Танатос – олицетворение смерти в греческой мифологии), *венерофобия* (навязчивый страх заразиться венерической болезнью; Венера – богиня плотской любви в римской мифологии).

В терминах для расстройств с ПИ сферы-источника «Религия» используются три ключевых имени: Бог, Мадонна и сатана (дьявол), которые известны носителям всех лингвокультур и хранятся в когнитивной базе абсолютно всех людей, даже тех, кто не увлечен религией. Использование ПИ данной сферы указывает на ценность религии в научно-популярном дискурсе, в то время как научный дискурс не обладает такой аксиологической характеристикой.

Имя Мадонны в названии мужского комплекса *Мадонны и блудницы* выражается в неспособности мужчины испытывать сексуальное влечение к женщине, с которой он состоит в серьезных любовных отношениях, поскольку считает ее созданной исключительно для роли жены и матери. В женском варианте комплекс может проявляться через внутренний конфликт между желанием быть морально правильной, соответствовать общественным нормам и удовлетворением своих сексуальных желаний. Как результат, формируются и нарастают чувства вины и тревоги вплоть до развития депрессивного состояния. Смена оценки, заложенной в ПИ в названии комплекса, указывает на изменение ценностных ориентиров и признания в изучаемом дискурсе сексуальности в

качестве ценности, которая в религиозном дискурсе рассматривается как антиценность.

Появление указанной ценности прослеживается и в названии *комплекса Дианы*, заключающегося в придании сверхценного значения непорочности. Название расстройства основано на ПИ римской богини, сохранившей невинность до конца жизни из личных убеждений.

Комплекс бога или *мания величия*, а в научной терминологии *теомания* обозначают страдающего психической патологией, при которой человек чувствует свое превосходство над другими, не хочет ни под кого подстраиваться и требует, чтобы все вокруг принимали его мнение за единственно верное. ПИ Бог в названии расстройства апеллирует к дифференциальному признаку, идентичному тому, что хранится в когнитивной базе представителей социума: *тот, кто управляет миром*. Оценка же в дифференциальном признаке меняется в изучаемом дискурсе с положительной на отрицательную. Таким образом, наделенные в религиозном дискурсе положительной оценкой ПИ Мадонны и Бога в наименованиях комплексов изменяют оценки в своих дифференциальных признаках на противоположные: стремление доминировать над людьми и асексуальность оцениваются негативно и рассматриваются в интернет-дискурсе популярной психологии как антиценности.

Относительно новая сфера-источник ПИ «Комикс» представлена в исследуемом дискурсе яркими персонажами супергероев – Суперменом и Халком. Если в сознании людей хранится вербальный феномен *Халк* и то, что делает его прецедентным, в частности связанная с именем прецедентная ситуация агрессивного поведения, вызванного сильными отрицательными эмоциями, и именно этот дифференциальный признак с отрицательной оценкой положен в основу расстройства, то с *Суперменом* ситуация иная. В когнитивной базе носителей отечественной лингвокультуры имя этого героя ассоциируется с человеком, спасающим людей в трудных ситуациях. Однако в интернет-дискурсе популярной психологии данное имя в названии расстройства связывается с дифференциальным признаком, несущим отрицательную оценку: *«Хорошо*

здоровому человеку – он может безболезненно наблюдать за успехами окружающих и думать: вот это я могу, а вот здесь мне навыков не хватает, а на это времени много нужно, а тут я лично не вытяну, у меня другие достоинства, а вот ради просто стараться не хочу – имею право! Но для супермена нет вариантов, где он беспомощен и что-то не может. Следовательно, за отсутствие продвижения в каждом из них он несет персональную ответственность. И вместе с ней – огромное чувство вины и стыда [В чем опасность... URL]. Таким образом, бережное отношение к себе, своим ресурсам рассматривается как ценность в интернет-дискурсе популярной психологии.

Неологизации подверглись и целые наборы психологических качеств. В частности, комплекс *Наполеона*, или, иначе, *синдром коротышки*, обуславливает триада психопатии, нарциссизма и макиавеллизма, которая в популярной психологии именуется *темной триадой*. Речь идет о высокомерной, властной, агрессивной манере поведения, которая призвана компенсировать чувство неполноценности из-за слишком низкого роста. Понятие «макиавеллизм», основанное на ПИ Никколо Макиавелли, подразумевает склонность к манипулированию людьми в собственных целях, снижение эмпатии и несоблюдение этических норм.

Ряд персонажей выступают знаками-символами набора черт и характеристик, демонстрируя культурную маркированность отечественного интернет-дискурса популярной психологии, например: *кот Леопольд* (добрая, незлопамятная, дружелюбная личность), *попугай Кеши* (истерическая и театральная личность), *крокодил Гена* (личность с активной жизненной позицией).

Чтобы понимать суть психических расстройств и качеств, основанных на прецедентных именах, нужно знать имя и текст-источник, а иногда, как, например, в случае с *синдромом Алисы* или *комплексом Геракла*, и определенную ситуацию, описанную в тексте (мифе). Отрицательная оценка, заложенная в ПИ, определяет в названиях расстройств, как сказано выше, не реальную оценку качеств объектов и явлений действительности, а ценности, свойственные

современной терапевтической культуре. Поскольку данные ПИ фигурируют в названиях расстройств, в качестве их ядерных дифференциальных признаков в интернет-дискурсе популярной психологии выделяются те, что несут отрицательную оценку. Эта оценка, как видим, может отличаться как от мнения, бытующего в лингвокультурном сообществе, так и от индивидуальных представлений о соответствующем феномене. Использование ПИ в терминологии указывает на ценность интеллектуального развития и когнитивных способностей, так как предполагает определенные фоновые знания и активную когнитивную деятельность коммуникантов.

Обогащение терминологии главным образом за счет апелляции к персонажам литературных и мифологических произведений объясняется литературоцентричностью российской культуры, особым положением искусства в отечественном национальном сознании и провозглашает ценность литературы, в первую очередь мировой, как объединяющего культурного фактора.

Наименования людей с расстройствами психики

К неологизмам, связанным с функционированием психики относим и названия людей, имеющих психологические проблемы. В интернет-дискурсе популярной психологии основным способом образования данного вида неологизмов является словообразование с использованием принятых в языке моделей:

1. Аффиксация с помощью суффикса *-ист*, имеющего широкий спектр значений, например: *негативист* – от термина в психологии *негативизм*, толкуемого как «лишенное разумных оснований сопротивление субъекта оказываемым на него воздействиям» [Мещеряков, Зинченко 2002: 294]; *аутист* – от медицинского термина *аутизм*, подразумевающего крайние формы нарушения контактов, ухода от реальности в мир собственных переживаний [Там же: 45].

2. Компрессивное словообразование с помощью суффикса *-ик*, например: *эгоцентрик* – для обозначения сосредоточенного исключительно на себе

человека, образовано от термина *эгоцентризм*; *пограничник* – страдающий *пограничным нервно-психическим расстройством* (неврозы, психопатии и др.).

3. Усечение, например: *социопат*, *психопат*, *лудоман*, *игроман* – образованы от названий соответствующих маний и фобий; *инфант* – от термина в психологии *инфантилизм* – для обозначения несамостоятельного человека, который в детстве был огражден от трудностей и, как результат, не научился их преодолевать во взрослой жизни.

Выделяются неологизмы-словосочетания со словом *человек* в основе: *зависимый (от аддикции) человек*, *высокочувствительный человек* или *гиперсенситив*, *(нарциссически) раненый человек*, *травмированный человек*. Если в первом неологизме с отрицательно заряженным словом *зависимый* в определении присутствует отрицательная оценка, то с остальными ситуация не так однозначна.

Высокочувствительными людьми в обиходе называют тех, кто обостренно воспринимает все происходящее и кого считают капризным, слабым и неприспособленным. В интернет-дискурсе популярной психологии человек со сверхчувствительностью характеризуется как обладающий «даром, который может осложнять жизнь, если человек и люди, его окружающие, ничего не знают об этой особенности и считают такие проявления личности чем-то негативным, что необходимо исправить» [Сверхчувствительные люди URL], что указывает на денотативную положительную оценку в данном неологизме.

Неологизмы-словосочетания с прилагательными *раненый* и *травмированный*, образованные от термина *рана* из сферы физиологии и термина *психологическая травма* из психологии, означающего «нарушение психики человека, вызванное воздействием какого-либо внешнего, неблагоприятного для психики человека фактора» [Немов 2007: 438], указывают на необходимость лечения. Помимо словообразовательных моделей, для называния людей с нарушениями психики используются ПИ, входящие в наименования соответствующих расстройств, например Плюшкин, нарцисс, Дон Кихот, Казанова (об этом см. раздел «Наименования расстройств психики»).

Наименования состояний человека при наличии и отсутствии нарушений психики

В тематическую группу, связанную с функционированием психики, нами включены единицы, описывающие состояния человека при наличии и отсутствии нарушений психики. Мы можем разделить рассматриваемые нами номинации состояний на три категории: с оценкой негативной (отражают антиценности), позитивной (отражают ценности) и амбивалентной (отражают неоднозначную оценку). Группу неологизмов образуют сочетания терминов психологии или термина психологии с лексической единицей бытовой или общенаучной концептосферы.

Среди неологизмов с отрицательной оценкой выявлены сочетания, заряженные ею в основе, в определении и во всех составляющих элементах.

Например, *субдепрессивное состояние*, которое не доходит по тяжести до депрессивного, однако без участия терапии переходит в тяжелую форму, имеет отрицательно заряженное определение.

Эмоциональное выгорание или просто *выгорание* – состояние физического и психического истощения в результате эмоционального перенапряжения, – напротив, имеет в качестве определения слово с нейтральной оценкой, а в основе – с отрицательной.

Аналогичная ситуация наблюдается в неологизмах:

– *эмоциональное рабство* – невозможность разорвать отношения, в которых партнер доминирует и манипулирует, используя чувства;

– *эмоциональное неблагополучие* – термин, ранее использовавшийся исключительно в разделе психологии, изучающем особенности детей дошкольного и школьного возраста, в популярной психологии описывает и состояние взрослых, чьи базовые эмоциональные потребности остались незакрытыми с детства;

– *эмоциональная зависимость* – состояние, возникающее в результате сильной потребности в отношениях, когда деятельность и эмоции полностью

фокусируются на предмете зависимости, оценивается отрицательно, что отражает, в частности, заголовок «*Как избавиться от эмоциональной зависимости?*» [Как избавиться... URL].

Эмоциональной зависимости противопоставляется *эмоциональная независимость*, которая определяется как *здоровая, дающая «уверенность и стабильность внутри себя, что позволяет выстраивать доверительные и гармоничные отношения»* [Ему важно... URL]. Само противопоставление указывает на ценность эмоциональной независимости от партнера в исследуемом дискурсе.

В неологизмах *истошающее и угнетающее страдание* все элементы несут отрицательную оценку.

В основе неологизма *нездоровая влюбленность* – лексическая единица с положительной оценкой, но определение *нездоровая* указывает на «отягчающие» обстоятельства (недоступность объекта любви или пренебрежение обязанностями в отношениях) и придает отрицательную оценку этому новообразованию.

Неологизм *состояние слияния* (в психологии *конфлюэнция*), означающий стирание границ между личностью и средой, то есть организацией или другим человеком, может содержать как положительную, так и отрицательную оценку. Так, связь матери и новорожденного, когда женщина говорит «мы поспали», «мы поели», и связь на начальном этапе любовных отношений, который воспевается в поэмах, стихах и песнях, – это примеры *здорового слияния*. А если слияние приводит к тому, что «*размываются границы, он [человек] не может соединиться с самим собой, понимать и осознавать себя, свои чувства, эмоции, переживания и в результате свои потребности*» [Как не сливаться... URL], то в интернет-дискурсе популярной психологии говорят об отрицательной оценке в коннотации данного неологизма.

Аддикцией именуется патологическое состояние зависимости (нездоровая зависимость). Все неологизмы с этим словом в основе заключают в себе отрицательную оценку. К разновидностям аддикций относятся, например, *шопоголизм* (в психологии *ониомания*), *трудоголизм* (*работогольная аддикция*

или *работоголизм*) и *пищевая аддикция*, которая выражается либо через голодание, либо, наоборот, через переедание (*анорексия, булимия, орторексия*). Если раньше термин *зависимость* использовался в контексте фармакологии (зависимость от химических веществ, так называемая *химическая аддикция*), то сейчас выявлен целый ряд *поведенческих аддикций*: *интернет-зависимость/аддикция, компьютерная зависимость/аддикция, номофобия* (зависимость от мобильного телефона), *аддикция отношений, религиозная аддикция, аддикция избегания, ургентная аддикция* (от англ. *urgent* – не терпящий отлагательства), *любовная аддикция, сексуальная аддикция, аддикция физических упражнений*.

Сочетания прилагательного *эмоциональный* с основой, в семантике которой заложена положительная оценка:

– *эмоциональное здоровье* – полная гармония внутреннего и внешнего мира человека («*Эмоционально здоровый человек имеет здоровую, адекватную самооценку и принимает себя таким, какой он есть. Он умеет любить себя и заботиться о себе, простить себя, если ошибется. Он терпимо воспринимает собственные несовершенства, потому что знает, что, только приняв их, [сможет] с ними работать*» [Эмоциональное благополучие URL]);

– *эмоциональная трезвость* – контроль свойственной человеку эмоциональности;

– *эмоциональная стабильность* или *устойчивость* – способность реагировать соразмерно возникающим событиям и обстоятельствам;

– *эмоциональное благополучие личности* – преобладание *положительных эмоций, осознанная удовлетворенность жизнью, способность эффективно справляться со стрессовыми ситуациями* [Там же].

Целый ряд наименований в популярной психологии связан с состояниями человека, когда его производительность высока и он в полной гармонии с самим собой:

– *состояние потока* – человек полностью включен в деятельность, пребывая в *расслабленной концентрации*;

– *ресурсное состояние* или *состояние ресурса* – ощущаются эмоциональные, душевные силы и энергия для решения текущих задач;

– *альфа-состояние* – режим спокойной бодрости.

Выявлены сочетания с негативной оценкой в семантике основы при положительно заряженных определяющих компонентах, например *пробуждающее и очищающее страдание*. *Страдание*, согласно словарному толкованию, характеризуется глубокими, длительными и неприятными эмоциональными переживаниями [Немов 2007: 419], то есть это слово имеет негативную окрашенность. Однако в сочетании с определениями, содержащими положительную оценку, такую же оценку приобретает неологизм-словосочетание: здесь страдание приводит к пробуждению и очищению. Кроме того, этот вид страдания противопоставляют *страданию истощающему и угнетающему*: «Такая утрата вызывает напряжение, негативный эмоциональный фон, истощающее и угнетающее страдание (в противовес страданию пробуждающему, очищающему)» [Бегство от себя URL]. Такое страдание описывается в религиозном дискурсе (см., напр.: Книга Иова; Послание к Евреям): через страдание Господь учит верующего и очищает его от грехов, для того чтобы он обрел праведность.

Новообразование *здоровый эгоизм* также имеет в своем составе определяющий компонент и основу с противоположными оценками. Если *здоровье* в значении *физическое и психическое благополучие* представлено в медицинском дискурсе вообще и в интернет-дискурсе популярной психологии в частности как ценность, то *эгоизм*, толкуемый как «особенность личности или психическое состояние, при которых на первом плане находятся собственные интересы, стремление к приобретению личных преимуществ и избеганию неудобств, лишений, забота о себе» [Толковый словарь психиатрических терминов URL], имеет негативную коннотацию. Представленная в словарной статье разновидность эгоизма именуется *нездоровым* или *паталогическим эгоизмом* в интернет-дискурсе популярной психологии. А выделяемый в нем *здоровый эгоизм*, напротив, обладает денотативной положительной оценкой: «По

мнению многих психологов, здоровый эгоизм необходим каждому человеку и является очень даже положительным качеством. ...Главное отличие здорового эгоизма от нездорового в том, что здоровый эгоизм разблокировывает в нас возможность любить не только себя, но и близких, а также способность действительно уважать других людей и признавать их право на их личные потребности и желания, которые могут идти вразрез с нашими» [Здоровый эгоизм URL].

Важным показателем *психологического благополучия* – состояния внутренней гармонии, удовлетворенности собой и своей жизнью – является формирование *целостной личности*, что означает интеграцию всех аспектов личности в единое целое, при этом каждый аспект подчинен общей цели и направлен на ее достижение. Оба термина, как видим, обладают положительной оценкой.

В группе неологизмов, обозначающих состояния людей, связанные с работой психики, выявлены не только словосочетания. Например, термин *автономность*, подразумевающий состояние, при котором человек ощущает себя отдельной личностью со своими особенностями, потребностями и границами, является неоминацией-переосмыслением с положительной коннотацией в интернет-дискурсе популярной психологии: *«Автономность – это позиция взрослого человека, означающая его способность и готовность принимать решения и принимать ответственность за свою жизнь и действия. Это неотъемлемая часть зрелости и саморазвития личности. В то же время слияние с другими людьми является проявлением детского мировоззрения и несовершенства. Переход от состояния слияния к автономии – это один из наиболее значимых этапов развития человека, который активно актуализируется в подростковом возрасте. В психологии этот процесс называется сепарацией» [Автономность URL].*

Состояние *слияния* в послеподростковом возрасте, напротив, наделяется отрицательной оценкой в изучаемом дискурсе. Человек, отказавшийся от своего *суверенитета*, живет интересами партнера, инкорпорирует его взгляды, вкусы,

систему ценностей и перенимает от партнера систему представлений о себе. Отказ от собственного *суверенитета* и растворение своей *психологической территории* в территории партнера, равно как и поглощение психологической территории партнера, через лишение его суверенитета рассматриваются как *созависимое поведение*. Анализ дефиниций указывает на психологическую самостоятельность и независимость как ценности в изучаемом виде интеракции.

Пример неологизма с амбивалентной оценкой: *эмоциональная вовлеченность* – состояние, при котором человек активно и глубоко переживает и выражает свои эмоции в отношении какого-либо события, объекта или явления. Оценка данного состояния проявляется непосредственно в дискурсе и зависит как от отношения к объекту, к вызывающим это состояние эмоциям, так и от степени вовлеченности.

Все три разновидности неологизмов, называющих психические состояния, построены на основе имеющихся в русском языке слов с использованием принятых в нем словообразовательных моделей для выражения нового содержания. В качестве выражаемых антиценностей выступают желание доминировать и неумение управлять собственной психикой, зависимость (от собственных действий, эмоций, других людей). Среди ценностей, напротив, контроль над своей психикой, независимость и самостоятельность, здоровье, уважение к себе и окружающим, бережное отношение к собственным ресурсам, сексуальность.

Наименования методов и техник сбережения и восстановления психического здоровья

К тематической группе относим также подгруппу сформировавшихся на основе психологических школ и подходов и связанных с этапами развития психологии названий новых методов и техник сбережения и восстановления психического здоровья в различных видах психотерапии: психоанализ, гештальт,

гуманистическая психотерапия, когнитивно-поведенческая терапия, терапия принятия ответственности, диалектико-поведенческая терапия и пр.

Среди неологизмов выделяется группа сложных слов, начинающихся с *само-* для обозначения направленного действия (называемого во второй части слова) на самого себя, например: *самоанализ*, *самофрустрация* (от термина в психологии *фрустрация*), *самотерапия*, *саморазвитие* и *самореализация*, *самоанализ*, *саморефлексия*, *самопрощение*, *самомониторинг своего состояния*, *самосострадание*, – оцениваемых в изучаемом дискурсе положительно, поскольку данные техники содействуют улучшению психического состояния и развитию личности. Таким образом, можно утверждать, что самостоятельность в решении собственных психологических проблем предстает ценностью в исследуемом дискурсе.

Для самопомощи предлагается использовать также *метод аффирмаций*. Англицизм *аффирмация* означает короткое утверждение для придания положительного настроения и изменения отношения к собственной негативной установке, то есть неологизм является новым по форме и содержанию. К техникам самопомощи, которым специалисты активно обучают клиентов в медийном пространстве, относятся *отпускание ситуации* и *принятие ситуации*. Если первое – это понимание того, что человек не в силах контролировать все аспекты жизни, ему доступен лишь контроль над своим отношением к ним, то второе подразумевает прохождение следующих этапов: отрицание, гнев, торг (борьба), депрессия (отчаяние), принятие. И на этапе «торг» вполне возможен успех, необходимо только предварительно четко оценить его вероятность.

Чтобы сохранить психическое здоровье, рекомендуется ограждать себя от того, что вызывает отрицательные эмоции. Однако изоляция от негативных новостей, конфликтов, оскорбительного контента, именуемая *сейфтизм* (от англ. *safe* – благополучный), может препятствовать социальному, эмоциональному и интеллектуальному развитию. Существует мнение, что именно из-за сейфтизма для молодых людей характерны повышенные изнеженность и тревожность. Для таких легкоранимых, требующих безопасных пространств, не способных

переносить малейший дискомфорт людей появилось название *снежинки*. Таким образом, невозможно дать однозначную оценку понятию *сейфтизм* – она реализуется в дискурсе. От ценностных приоритетов его отдельных участников и зависит характер этого неологизма – положительный или отрицательный.

Управлять своим эмоциональным состоянием, не позволять внешним факторам выводить себя из равновесия позволяет *эмоциональная гигиена*. Термин *гигиена* определяется как «совокупность практических мер, действий, мероприятий, обеспечивающих сохранение здоровья» [Толковый словарь Кузнецова URL]. Неологизм отражает поощряемое в психологии явление, что говорит о заложенной в нем положительной оценке.

Выделяется группа неологизмов, обозначающих внешние способы регуляции психологического состояния, например: *эмоциональная поддержка*, *эмоциональная помощь*, которые несут положительную оценку в своих значениях.

Эмоциональное обслуживание – термин, применимый к обязанностям партнеров выслушивать друг друга, поддерживать и помогать справляться с трудностями, где основа – *обслуживание*, толкуемое как «действия, направленные на предоставление каких-либо услуг» [Толковый словарь Дмитриева URL]. В исследуемом дискурсе это понятие приобретает отрицательную оценку, поскольку подразумевает неравное положение участников взаимодействия. По утверждениям терапевтов, такой перекоп в правах зачастую бывает значительным, причем роль «бесплатного терапевта» практически всегда возлагается на партнершу. Речь идет о *менкипинге*, когда потребности партнера постоянно ставятся выше потребностей партнерши: «женщины как будто попадают в „эмоциональное рабство“, превращаясь из партнерши в постоянных психологов» [Менкипинг URL]. Таким образом, в неологизмах *эмоциональное обслуживание* и *менкипинг* заложена отрицательная оценка, которая указывает на дисбаланс взаимной эмоциональной поддержки партнеров как на антиценность.

Психотерапевты часто говорят о важности *ресурса* (жизненной энергии) и необходимости быстрого погружения клиентов в *ресурсное состояние*. Для этого предлагаются ресурсные техники, то есть техники высвобождения скрытых

жизненных сил, которые «*позволяют переработать травматический мусор от множественных травм прошлого, о существовании которых ни человек, ни психолог могут даже не догадываться*» [Пара слов о ресурсных техниках URL]. Если психоаналитикам требуются годы для решения задачи, а *Relive-терапия* (англ. *relive* – *вновь переживать*), построенная на принципе возрождения *травматической памяти* для изменения отношения к ней, занимает менее продолжительное, но все же существенное время, то ресурсные техники обещают быстрый результат. Появившиеся недавно Relive-терапия и ресурсные техники позволяют перерабатывать травмы быстрее и эффективнее, что в интернет-дискурсе популярной психологии рассматривается как их преимущество.

Современный ускоренный темп жизни требует сокращения времени на восстановление и поддержание психологического здоровья, а настоящий период именуется *эпохой быстрого дофамина*, где троп *дофамин* – гормон, влияющий, в частности, на настроение и мотивацию, – означает «*обретение психического благополучия*». Таким образом, в интернет-дискурсе популярной психологии аксиологической характеристикой наделяются самопомощь и экономия ресурсов, включая временные затраты.

В связи с развитием психологического знания и появлением большого количества школ, направлений в психологии появилось и множество новых названий для специалистов: *психолог-аддиктолог, экзистенциальный аналитик, психодрама-терапевт, интегративный психолог, конфликтолог, эмоционально-образный терапевт, специалист по межличностным отношениям, кризис-психолог, арт-терапевт, поведенческий аналитик, детский семейный психоконсультант* и пр. Для поддержания душевного благополучия клиента, помимо психологов и психотерапевтов, специализирующихся в конкретных видах психотерапии, существуют *коучи*, которые используют взаимодополняющие в различных аспектах личного и профессионального развития *психологическое сопровождение, коучинговое сопровождение, лайф-коучинг*.

Стоит отметить еще раз, что обилие новой лексики в тематической подгруппе, включающей номинации методов и техник сбережения и

восстановления психического здоровья, обусловлено в первую очередь необходимостью обозначения новых явлений, появившихся в результате развития психологической науки. Таким образом, неоломинация в данной тематической подгруппе является прежде всего средством формирования семантического поля интернет-дискурса популярной психологии. Анализ неологизмов данной подгруппы выявил, что самопомощь, саморегуляция, сбережение собственных ресурсов, равноценная взаимоподдержка выступают в качестве ценностей в интернет-дискурсе популярной психологии.

2.4.2. Неологизмы, связанные с эмоциями

Многочисленной оказалась и группа неологизмов, связанных с эмоциями. Согласно словарному толкованию, к основным видам человеческих эмоций относятся настроения, простейшие, или биологические, эмоции, аффекты, чувства, страсти, стрессы [Немов 2007: 490]. Настроение понимается как относительно слабое и продолжительное эмоциональное переживание, определяющее устойчивое актуальное психологическое состояние человека.

К простейшим эмоциям относят те, которые невозможно разложить на более простые, они сравнимы с атомами. Эти врожденные эмоции присущи и человеку, и животным. Среди изучающих эмоции специалистов нет единства относительно количественного и качественного состава простейших эмоций, однако все ученые сходятся во мнении, что таковых не более десятка. Р. С. Немов указывает, что простейшая эмоция может быть либо приятной, либо неприятной, но не одновременно тем и другим [Там же]. В основе эмоций лежат гормоны: чувство радости обеспечивает эндорфин, гнева – адреналин, страха – норадреналин, отвращение появляется в результате выработки кортизола, а любовь – окситоцина.

Из простейших эмоций, как молекулы из атомов, формируются эмоции составные. Например, зависть состоит из злости, стыда и интереса.

К аффектам относят кратковременные, но сильные эмоциональные переживания, бурно проявляющиеся в поведении человека и имеющие яркое внешнее выражение, например радость, печаль, страх, гнев. В отличие от настроения аффект возникает внезапно, нарастает быстро и сравнительно быстро проходит.

Чувства свойственны исключительно человеку и представляют комплекс эмоций как положительных, так и отрицательных, возникающих и проявляющихся обязательно по отношению к определенному объекту. Очень сильные чувства именуется страстями, и они могут быть положительными и отрицательными, возвышенными и низменными. Стрессом называется эмоциональное состояние человека, при котором нарушается нормальная связь эмоций с его поведением и мышлением [Немов 2007].

В тематической группе наименований, связанных с эмоциями, выделены наименования эмоций, вызывающих их причин и возможных действий с эмоциями.

Наименования эмоций

Среди наименований эмоций отчетливо выделяются два вида неологизмов: характеризующие эмоцию положительно, отрицательно или неоднозначно; называющие эмоцию, куда включены и случаи метонимии.

К первому виду относим:

– пары с противоположными оценками: *здоровое чувство – нездоровое чувство, зрелое чувство – незрелое чувство;*

– сочетания с неоднозначной оценкой: *реактивная эмоция, привитая эмоция, рефлекторная эмоция, пиковая эмоция, заякоренная эмоция* (возникающая бессознательно и автоматически вследствие ассоциативных связей с разнообразными стимулами (*якорями*));

– с отрицательной оценкой *травматическая эмоция (аффективное переживание), тяжелая эмоция, непереваренная эмоция, ложное чувство.*

Ко второму виду относим названия чувств с атрибутивным компонентом, который уточняет или «усложняет» комплекс эмоций. В этой группе выделяются чувства с положительной и с отрицательной оценками, однако количественно номинации с отрицательной коннотацией значительно преобладают. Такое неравенство согласуется с общим принципом функционирования языка: негативные феномены вербализуются при помощи более широкого арсенала средств, нежели положительные явления [Шаховский 2009: 16].

Среди наименований чувств с положительной оценкой в семантике выделяем сочетания с определением *здоровый*, имеющим положительную оценку: *здоровая любовь, здоровая привязанность*. В оценочном плане им противостоят *нездоровая (больная) любовь* и *нездоровая (больная) привязанность*, содержащие аналогичные основы. Слово *любовь* определяется как «самое лучшее, доброе чувство, которое вы испытываете к дорогим для вас людям» [Толковый словарь Дмитриева URL], то есть содержит положительную оценку в денотате. Если в сочетании *здоровая любовь* все элементы наделены положительной оценкой и данное понятие характеризуется как «чувство, которое строится на взаимном уважении, поддержке, доверии и понимании» [Что такое здоровая любовь URL], то в неологизме *нездоровая (больная) любовь* только основа положительно окрашена, определяющий же компонент обладает отрицательной оценкой. Неологизм *нездоровая (больная) любовь* несет в себе отрицательную оценку, что следует из анализа фрагмента: «Это чувство любви не только преждевременно идеализирует партнера, но и затмевает разум, надевает „розовые очки“, заставляя людей оставаться в токсичных отношениях, несмотря на их негативные последствия» [Больная любовь URL].

Термин *привязанность*, используемый изначально в детской психологии для обозначения формирующейся у младенцев избирательной привязанности к одному или нескольким лицам [Немов 2007: 312], применяется сейчас в психологии взрослых. Слово понимается как «тесная эмоционально-положительная связь между людьми, их взаимное влечение друг к другу, в результате которого они предпочитают общение друг с другом общению и

контактам с другими людьми» [Там же]. Дефиниционный анализ показывает наличие положительной денотативной оценки в термине.

Неологизм *здоровая привязанность* (научный термин *надежная привязанность*), содержащий оба элемента с положительной оценкой, также передает положительную оценку.

Однако привязанность бывает и нездоровой, основанной не на взаимном доверии и понимании, а на страхе и неуверенности. Отрицательная оценка заложена в неологизме *нездоровая привязанность*, которая, как утверждают психотерапевты, *«базируется на двух чувствах – это тревога и страх»*, характеризуется как *«выматывающее эмоциональное состояние, при котором человек становится слишком зависимым от другого. Присутствует болезненная необходимость доказательств любви, а если их нет, приходит апатия, портится настроение»* [Нездоровая привязанность URL].

Нездоровая привязанность бывает *амбивалентная* или *токсичная* (в терминах психологической науки – *ненадежная*), *дезорганизованная* или *тревожно-отвергающая*, *дезориентированная* или *избегающая*. В данном случае атрибуты, описывающие разновидности нездоровой привязанности, реализуют отрицательную оценку.

Амбивалентный тип привязанности характеризуется зависимостью от партнера и сильной тревогой при разлуке.

Человек с *дезорганизованным типом привязанности* может бурно реагировать на разлуку, но быть отрешенным от партнера и избегать близости с ним.

Человек с *тревожно-отвергающим типом привязанности* *«постоянно хочет близости, ревнует партнера и с трудом выдерживает разлуку с ним, а с другой стороны, часто компания партнера не приносит ему особой радости»* [Типы привязанности URL].

В интернет-дискурсе популярной психологии комментарии к неологизмам и их отрицательная оценка указывают на ценность самодостаточности и независимости. Неологизм *дезориентированный тип привязанности* *«характеризуется высокой степенью независимости, когда человек не допускает*

даже мысли о максимальной степени близости, полноценных, партнерских отношениях и интимности в широком смысле слова» [Дезориентированный тип привязанности URL], и в исследуемом дискурсе оценивается отрицательно, что указывает на абсолютную независимость как на антиценность.

Неологизм *эмоциональная связь*, имея нейтральные компоненты в составе, в интернет-дискурсе популярной психологии обладает положительной коннотативной оценкой, что выявляется методом трансформации дефиниции: «*Эмоциональная связь – это чувство соответствия и близости между двумя людьми, которое выходит за рамки физического влечения, совместного времяпрепровождения, поверхностных разговоров или даже интеллектуального сходства. Вместо этого возникает ощущение, что вы общаетесь на более глубоком душевном уровне и чувствуете себя уверенно, когда общаетесь так глубоко*» [Как узнать... URL].

Любовь может быть бытийной и дефицитной (дефицитарной). Если *бытийная любовь* подразумевает любовь к бытию человека, факту его существования, то *дефицитная (дефицитарная) любовь*, где атрибут в наименовании относится к концептосфере экономики, связывается с желанием партнеров что-то получить друг от друга, например заботу или финансовую поддержку: «*Если в бытийной любви мы видим две отдельные личности, которым хорошо друг с другом, то человек, испытывающий дефицитарную любовь, проявляет инфантильность, неполноценность, несостоятельность. Эта любовь незрелая, и зачастую она оказывается разрушительной. Чтобы соответствовать партнеру, быть его половинкой, человек подстраивается под него, разрушая собственную личность и переставая быть собой*» [Что такое бытийная и дефицитарная любовь URL]. Исходя из анализа комментариев и контекста, можно утверждать, что неологизмы *бытийная любовь* и *дефицитная (дефицитарная) любовь* наделены противоположными оценками, положительной и отрицательной соответственно.

Любовь также подразделяется на условную и безусловную. *Безусловная любовь* не зависит от каких-либо условий или ожиданий, то есть человек любит и

принимает объект своей любви таким, какой он есть, не пытаясь изменить его и не ожидая чего-то взамен. *Условная любовь*, напротив, основана на определенных условиях, и если условия не выполняются, то любовь может исчезнуть или сильно ослабеть. *Безусловная любовь* описывается в тестах популярной психологии как «самая целительная сила во Вселенной», «невероятно ценное чувство» [Что такое Безусловная Любовь URL], то есть термин наделяется положительной оценкой. В случае с *условной любовью* имеются расхождения мнений. Одни терапевты описывают условную любовь как «сковывающую и ограниченную», «эгоистичную и эгоцентричную», которая «обречена на провал и абсолютное страдание» [Условная и безусловная любовь URL], то есть оценивают понятие отрицательно. Другие не наделяют наименование чувства отрицательной оценкой, указывая, что безусловная любовь способна существовать лишь как любовь к себе (самоуважение), материнская и сиблинговая, романтическая, альтруистическая и религиозная (к Богу, миру), а в остальных случаях любовь всегда является условной, то есть нормой, что согласуется с логикой эмоционального капитализма, когда человек даже в романтических отношениях реализует какой-то экономический обмен. Есть и третье мнение о том, что условная и безусловная любовь, как полюса любви, в здоровых отношениях должны синтезироваться в здоровое сочетание, то есть в гипертрофированном виде понятия оцениваются отрицательно.

Любовь бывает зрелой и незрелой: «*Незрелая любовь – это когда человеку нужен человек по другим причинам, а не потому, что он его любит. ...Зрелая любовь – это когда человек сначала любит и потом уже говорит: „Ты мне нужен / ты мне нужна“.* ...*Нормально жить в зрелой любви*» [Как отличить... URL]. Дефиниционный анализ указывает на заложенную отрицательную оценку в неологизме *незрелая любовь* и положительную – в *любви зрелой*.

К многочисленным обозначающим эмоции неологизмам с отрицательной оценкой относим *тревожный тип привязанности*, где к положительно оцениваемому компоненту добавляется определение с отрицательной оценкой «тревожный», что значит «связанный с переживанием эмоционального

дискомфорта» [Мещеряков, Зинченко 2002: 499]. Контекстуальный анализ также указывает на отрицательную оценку словосочетания: «[Тревожный тип привязанности] *характеризуется сильным страхом быть покинутым или отвергнутым. Это заставляет человека постоянно тревожиться о будущем отношений с важными для него людьми. Чтобы крепче привязать их к себе, он начинает жертвовать своими потребностями и желаниями и полностью подстраиваться под других*» [Что такое тревожный тип привязанности URL], и это связано с чувством страха и потерей самости, что «плохо».

Неологизм *конкурирующая ревность* содержит в основе название чувства, которое в психологии рассматривается как негативное, поскольку возникает из-за неуверенности в себе при ощущении недостатка внимания, любви, уважения или симпатии со стороны партнера. Словосочетание *конкурирующая ревность* обладает отрицательной оценкой, что видно из следующего комментария, описывающего данное чувство: «*Сопровождается чувством боли, печали вследствие предполагаемой утраты объекта любви. Появляются враждебные чувства к предпочитаемому сопернику. Дальше в большей или меньшей степени самокритика. Которая хочет сделать собственное „я“ ответственным за потерю любви*» [Механизмы ревности URL].

Аналогичная ситуация наблюдается с неологизмом *спроецированная ревность*, смысл которого – в вытеснении собственного желания изменить и наделении этим желанием партнера, то есть в приписывании собственных негативных мыслей и желаний партнеру и перекладывании вины. Психотерапевты утверждают, что при осознании в себе такой ревности следует приступать к работе над собой по ее искоренению, то есть с этим чувством нужно бороться, что указывает на отрицательную оценку в данном наименовании.

Оба компонента *бредовой ревности* содержат отрицательную оценку. Такая ревность схожа по механизмам со *спроецированной ревностью*, однако в данном случае это влечение к человеку того же пола.

Причина *нарциссической обиды* – уязвленные самолюбие и самооценка, в результате которых человек испытывает злость и чувство неполноценности, что

указывает на отрицательную оценку, заложенную в данном неологизме. *Нарциссическая боль* связывается с чувством ярости, переживаемым нарциссом при потере контроля над партнером и осознании своего бессилия. Оба компонента содержат отрицательную оценку, что, как и анализ дефиниции, указывает на отрицательную оценку в неологизме.

Боль может быть и *эмоциональной* у людей без навыка сострадания к себе – тех, кто вместо действий по изменению ситуации начинают наказывать себя, причиняя сильнейшую боль. Анализ дефиниции *эмоциональная боль* и слово с отрицательной оценкой в основе указывают на отрицательную оценку, заложенную в неологизме. Более того, *эмоциональная боль* может быть острой, то есть имеет степени интенсивности.

Современный человек испытывает не только пищевой голод, но и *сенсорный голод*, *тактильный голод*, *окситоциновый голод*. Это неологизмы из сферы психологии, несмотря на то что содержат в своей основе слово, относящееся к физиологии. *Сенсорным голодом* называют ощущение недостатка приятных сенсорных раздражений – звуковых, оптических, вкусовых, обонятельных, тактильных – и порождаемых ими положительных эмоций: «Получать приятные поглаживания (словесные в том числе) и иметь телесный контакт жизненно необходимо. Сенсорный голод по значимости приравнивается к пищевому, поэтому, если его не удовлетворять, может случиться трагедия» [Сенсорный голод URL]. Анализ дефиниции указывает на отрицательную оценку в неологизме.

Тактильный голод (кожный голод) или *кожная депрессия* – термины, появившиеся во времена пандемии COVID, – обозначают отсутствие или недостаток физического контакта в отношениях, то есть являются разновидностью *сенсорного голода*. Человеческое прикосновение, как показывают исследования, помогает успокоить нервную систему, укрепить иммунитет, активировать выработку окситоцина, снизить секрецию гормона стресса кортизола и нормализовать кровяное давление. Тактильный контакт относится сегодня к базовым человеческим потребностям наряду со сном, пищей и водой. В

результате тактильного голода *«люди чувствуют одиночество, тоску, тревожность, апатию, усталость, имеют проблемы со сном и тяжело справляются со стрессом»* [Тактильный голод URL]. Контекстуальный анализ выявил, что неологизм обладает отрицательной оценкой.

С осторожностью применяют к потребности прикосновений *«без продолжений»* понятие *окситоцинового голода* – потребности в подкрепляющем социальные связи гормоне доверия, который вырабатывается при частых прикосновениях. Поскольку гормон любви окситоцин отвечает и за отношения в социуме, то понятие, указывающее на его недостаток, несет в себе отрицательную оценку.

В популярной психологии различают ряд разновидностей *чувства страха*. Страх относится к аффектам, сопровождается боязнью, тревогой [Немов 2007: 419], то есть наименование несет в себе отрицательную оценку. *Глубинные страхи* представляются как прародители всех остальных страхов и *«превращают нас в беспомощных существ. Мы не осознаем их, не можем ими управлять»* [Почему мы сдаемся... URL]. Очевидно, что данный неологизм наделен отрицательной оценкой.

Одним из глубинных страхов является *страх поглощения*, который возникает из опасения утраты индивидуальности или свободы в результате близости или зависимости от другого человека или от системы. Учитывая, что неологизм содержит отрицательную оценку, независимость от партнера и свобода предстают ценностями изучаемого дискурса.

Страхи бывают связаны не только с какими-то конкретными жизненными событиями индивида, но и с самой сущностью человека. В последнем случае речь идет об *экзистенциальных страхах*, которые включают страх перед пространством, временем, непознаваемостью жизни и страх перед собой. Делаем вывод о заложенной отрицательной оценке в неологизме на примере следующего толкования: *«Это когда повода бояться нет, а тебе все равно страшно. Все хорошо, а тебе страшно»* [Экзистенциальный страх URL].

Страхом несовершенства, то есть страхом обнаружить свое несовершенство, в интернет-дискурсе популярной психологии описывается *перфекционизм* – «формируемое воспитанием и средой чрезмерное стремление индивида к совершенству в действиях, делах, поведении» [Епишкин 2010]. Придерживаться высоких стандартов качества и ставить перед собой большие цели – эти установки в сознании носителей отечественной лингвокультуры имеют положительную оценку: «В наши дни перфекционизм практически основа современной западной цивилизации: мы обязаны всегда выглядеть идеально, быть в идеальной форме, иметь идеальный дом и идеальную семью, быть идеально успешными – иметь идеально отлаженный бизнес» [Перфекционизм и прокрастинация... URL]. Однако в интернет-дискурсе популярной психологии *перфекционизм* рассматривается как разновидность страха, и выявлены статьи о способах избавления от этого *страха несовершенства*, что указывает на отрицательную оценку, заложенную в неологизмах [см., напр.: Перфекционизм и страх быть неидеальным URL; Перфекционизм: как превратить врага... URL].

Еще одно название чувства с отрицательной оценкой – заимствование *мизогиния* (от греч. *misos* – *отвращение* и *gune* – *женщина*), или *женоненавистничество*, ненависть по отношению к женщинам. Мизогиния может быть свойственна как мужчинам, так и женщинам. Во втором случае она называется *внутренней* или *интернализированной мизогинией* или *интернализированным сексизмом* и проявляется аналогично мужской в дискриминации других женщин. Стойкая неприязнь и ненависть к мужскому полу называется *мужененавистничеством* или *мизандрией*. Отрицательной оценкой наделен и неологизм *самоненависть*. Выделяется *индивидуальная самоненависть* – ненависть человека к своим состояниям и качествам характера, связанных с характером родственника, которого в ближайшем окружении этой личности ненавидят. Существует *семейно-родовая самоненависть* – ненависть представителей одной из частей семьи к представителям другой части семьи. Кроме того, выделяют *этническую самоненависть* – ненависть представителей

определенного этноса к особенностям своего же этноса, ярчайший пример – *еврейская самоненависть* или *еврейский антисемитизм*.

Люди, испытывающие чувство *эмоциональной пустоты*, которое в интернет-дискурсе популярной психологии сравнивается с ощущением себя мертвым внутри, не видят смысла в своей жизни и «*внутренне разрушены*»: эмоциональная пустота «*заставляет нас чувствовать себя по-настоящему одинокими. Как будто ничто и никто не может нас утешить, вызывая чувство беспокойства, которое трудно контролировать*» [Эмоциональная пустота... URL]. Лингвоаксиологический анализ указывает на отрицательную оценку и в этом неологизме.

Дофамин – нейромедиатор, связанный с системой вознаграждения и удовольствия в мозге, – принято называть *гормоном удовольствия* в интернет-дискурсе популярной психологии. В изучаемом дискурсе *дофамин* также является метонимическим наименованием эмоции удовольствия. В наш быстрый век удовольствие хочется получать тоже быстро, и появилось понятие *быстрого дофамина*, то есть ощущения удовольствия, которое быстро появляется от употребления сахара и высококалорийной пищи, погружения в социальные сети и компьютерные игры, импульсивного шопинга и аттракционов. Однако со временем происходит привыкание к получению *быстрого дофамина* и реакция притупляется. Возникает *дофаминовая зависимость*, и человек оказывается в *дофаминовой яме* – состоянии, когда уровень дофамина резко снижается, ощущается нехватка энергии, появляется раздражительность и начинается погружение в депрессивное состояние. Таким образом, несмотря на положительную оценку в слове *дофамин*, в сочетании с атрибутом *быстрый* неологизм приобретает отрицательную оценку.

Быстрому дофамину противопоставляется по смыслу и в оценочном плане *медленный дофамин*, который человек получает в результате здорового образа жизни. *Медленный дофамин* не вызывает резких всплесков, но влияет на общую удовлетворенность жизнью и целеустремленность и «*дает нам возможность*

отдохнуть, очиститься и стать более чуткими к миру вокруг нас» [Медленный и быстрый дофамин... URL].

Как видно из приведенного списка, группа неонаминаций, связанных с эмоциями, представлена достаточно широким арсеналом лексических единиц, что еще раз подчеркивает важность эмоций – положительно или отрицательно маркированных – в жизни человека. Все бытие человека окрашено эмоциями: будь то профессиональная или личная сфера деятельности, вербальное общение, отношения с окружающими людьми и т. д. В интернет-дискурсе популярной психологии выработано большое количество языковых средств для поддержания и сохранения функционального потенциала эмоций в жизни акторов указанного типа коммуникации. Среди ценностей в данной подгруппе выделяются доверие, взаимоуважение и взаимопонимание в партерских отношениях, самость. Антиценностями являются психологическая зависимость и стремление к самосовершенству.

Наименования раздражителей эмоций

Наряду с преимущественной долей наименований эмоций с отрицательной оценкой, наблюдается и преобладание наименований раздражителей, стимулирующих отрицательные эмоции. Поскольку представленные в подгруппе наименования стимулов вызывают положительно или отрицательно оцениваемую эмоцию, то, соответственно, передаваемые ими оценки совпадают с эмоцией по оценочному критерию.

Выявлены наименования раздражителей с амбивалентной оценкой – тех, что способны вызывать как положительные, так и отрицательные эмоции. Например, *эмоциональный фон (положительный, отрицательный и нейтральный)* и *эмоциональный климат (благоприятный, неблагоприятный и неустойчивый)* вызывают соответствующие в оценочном плане эмоции.

К раздражителям относятся также *триггер* и порождаемая им *триггерная ситуация* – в психологии источники как положительных, так и отрицательных эмоций.

Стимулы, которые вызывают приятные эмоции, называют обычно *позитивными триггерами*, которые «запускают ресурсные состояния человека» [Отрицательные триггеры... URL], то есть термин содержит положительную оценку в изучаемом дискурсе. Однако за помощью к терапевтам обращаются при переживании сильных отрицательных эмоциональных реакций или проблем в выстраивании отношений. И в этом случае источники эмоций в популярной психологии называют *отрицательными триггерами* или просто *триггерами*: «они меняют эмоциональный фон человека в „минус“» [Там же]. Таким образом, в интернет-дискурсе популярной психологии в неологизме *триггер* заложена отрицательная оценка. Вызывая эмоциональный дискомфорт, триггер не обязательно приводит к полному переживанию прошлой травмы.

Полное переживание прошлого события, когда как будто происходит физическое возвращение назад во времени и человек заново переживает момент травмы, вызывается *флешбэком* [Триггер Vs. Флешбэк URL]. Данный неологизм, заимствованный из английского языка, в изучаемом дискурсе обладает отрицательной денотативной оценкой.

Внешним раздражителем для отрицательных эмоций является и *руминация* (от англ. *ruminate* – размышлять; пережевывать жвачку), которую еще называют *мыслительной жвачкой*: она заключается в повторном размышлении о негативных событиях или проблемах. Этот раздражитель связывают с отрицательными эмоциональными состояниями: «Привычка прокручивать в голове негативные мысли способна привести к усилению депрессивных состояний, снижению когнитивных способностей на фоне стресса, обострению беспокойства» [Что такое руминация... URL].

Отрицательные эмоции порождаются (*непроработанными*) *травмами*, *травмирующими ситуациями* и *событиями*, *травма-факторами* или *травмирующими стрессорами*, *травматическим аффектом*, *травмирующим*

контентом и *травматическим опытом*. Все словосочетания содержат атрибутив с отрицательной оценкой, образованный от термина *травма* – «*нервное потрясение*» [Кузнецов 2000].

Кроме того, раздражителем может оказаться *воронка травмы*, суть которой заключается в том, что человек, попадая в ситуацию, схожую с травмировавшей его когда-то, начинает испытывать переизбыток смешанных эмоций, несоизмеримых с текущей ситуацией: «*„Воронка травмы“ засасывает человека внутри – как будто его эго и он сам перестают управлять своими действиями, все контролирует только душевное состояние, захватывающее полностью тело и психику*» [Воронка травмы URL].

Раздражитель *шоковая травма* рассматривается как некорректно обработанное психикой *шоковое событие*, которое после истечения определенного времени не забылось, а ушло в недра психики. При повторе шокового события ситуацией начинает управлять уже «*не человек в Здесь и Теперь, а тот, кто получил Шоковую травму*» [Шоковая травма... URL]. Как уже сказано, неспособность управлять собственным поведением рассматривается в изучаемом дискурсе как антиценность, на что указывает отрицательная оценка и в этом неологизме.

Отрицательные эмоции могут быть вызваны *шокирующим материалом* или *шокирующим контентом*. Это неологизмы с определением, образованным от слова с отрицательной оценкой *шок* – перен. «*неожиданное потрясение, нарушающее обычный ход событий и приводящее в смятение*» [Ефремова URL].

В интернет-дискурсе популярной психологии выявлен неологизм *фрустрирующая ситуация*, образованный от научного термина *фрустрация* – «*стойкое отрицательное эмоциональное состояние, возникающее у человека в результате неудачи*» [Немов 2007: 461]. *Фрустрирующая ситуация* характеризуется как «*неожиданно возникающие трудности на пути достижения цели, препятствующие удовлетворению потребности и субъективно воспринимаемые как непреодолимые*» [Фрустрирующая ситуация... URL].

Для того чтобы вселить в жертву чувство обиды или *ранить*, обидчик наносит ей *эмоциональные удары* [Что такое психологическая травма URL]. В данной тематической подгруппе выделена как антиценность неспособность управлять собственным поведением.

Наименования действий с эмоциями

Исследование текстов популярной психологии выявило, что моделью порождения новых значений в данной тематической подгруппе является метафора. Метафорический перенос, как известно, осуществляется на основании осмысления и представления области постигаемой человеком сферы в терминах знакомой и понятной области, то есть метафора предполагает проекцию структуры одной концептосферы на другую. Ассоциативный признак, на основании которого происходит метафоризация, есть «коннотативный признак исходного слова, преобразованный в процессе метафоризации в определяющий признак метафоры» [Скляревская 1987: 61]. Поскольку «человек способен улавливать общность между конкретными и абстрактными объектами, материей и духом» [Арутюнова 1990], метафора делает понятным его невидимый внутренний мир. Дж. Лакофф отмечал, что сфера эмоциональных проявлений является одной из тех, что наиболее часто подвергаются метафорической концептуализации [Лакофф 2004].

Выявленные глаголы, связанные с эмоциями, действительно основаны на метафорическом переносе. В результате метафоризации глагола эмоциям, принадлежащим сфере духа, присваиваются признаки, свойства и состояния материальных объектов. Среди этих метафорических выражений есть и те, что содержат оценочные смыслы, и те, значение которых с оценкой никак не связано. Например, эмоции можно *прокачивать* и *прорабатывать*, как мышцы, и это «хорошо» в интернет-дискурсе популярной психологии, то есть неологизмы обладают положительной оценкой. Разработан целый ряд техник для проработки и прокачки собственных эмоций.

Эмоции как звук можно *регулировать*: *усилить, ослабить, заглушить* или вовсе *отключить*. Смысл эмоциональной регуляции заключается не в игнорировании эмоций, а в контроле над интенсивностью их проявления, чтобы «они не завладели нашим разумом» [Эмоциональная регуляция URL]. Глагол *регулировать* применительно к эмоциям в интернет-дискурсе популярной психологии содержит коннотативную положительную оценку: «Когда эмоциональная регуляция работает, человек спокойный, собранный, логичный и достаточно гибкий на реакции. А главное – он способен к самоуспокоению. А вот при дисрегуляции он проявляет гипервозбуждение или торможение» [Там же].

Однако глагол *подавлять*, то есть активно воздействовать на эмоции, чтобы они не проявлялись, несмотря на его связь с регуляцией эмоций, наделяется в исследуемом типе интеракции отрицательной оценкой: «Сдерживать и подавлять эмоции нельзя, а вот научиться их регулировать – можно и нужно!» [Там же].

Как воздух – отрицательные эмоции можно *вентилировать* и *развевать* для снижения уровня эмоционального напряжения, что указывает на положительную оценку метафор.

Как компьютер – эмоции можно *перезагрузить* в случае эмоционального истощения, для того чтобы в результате полученного *оздоравливающего стресса* вернуться к полноценной жизни. Таким образом, можно утверждать, что неологизм *перезагрузить* тоже относится к номинациям с положительной коннотацией.

Как пища – эмоции *перевариваются* человеком, то есть психика представляется подобной «желудку, который принимает в себя эмоции, дробит их, усваивает и, таким образом, переваривает. Правда, когда эмоции сильные, тяжелые, их можно переварить с трудом, а то и вообще заработать „несварение“» [Как переварить эмоции URL]. Это толкование указывает на наличие положительной оценки в неологизме.

Отрицательные эмоции можно *отпускать*, и выявлен целый ряд статей, посвященных необходимости отпускать чувства и техникам отпускания, что

указывает на положительную оценку в неологизме [см., напр.: Как проживать и отпускать эмоции URL; Как отпустить эмоции и чувства? URL].

Номинация *эмоциональное расставание* в интернет-дискурсе популярной психологии наделяется положительной оценкой, о чем свидетельствует анализ контекста: *«Единственный человек, которому нужно соответствовать, – это ВЫ. А прийти к себе можно, только прожив эмоциональное расставание с мечтами, надеждами, мужчиной. Только после этого рождается внутренняя свобода»* [Разбираясь с собой... URL]. Или: *«Меня спрашивают: а можно ли, находясь в отношениях с мужчиной, эмоционально отлепиться [эмоционально расстаться]? Это можно и нужно делать»* [Не бойтесь расставания... URL].

Как деньги – эмоции можно *копить*, однако в интернет-дискурсе популярной психологии этот неологизм связывают исключительно с отрицательными эмоциями и чувствами: *«Стараясь не перегружать других проблемами и не портить им настроение, вы замыкаетесь в себе, копите эмоции и вызываете проблемы со здоровьем»* [Почему нельзя замалчивать эмоции... URL]. Лингвоаксиологический анализ выявил отрицательную оценку в неологизме.

Чувства могут *обесцениваться*, то есть может снижаться значимость чувств других людей или своих собственных. Причиной становится, например, самозащита, зависть, но в любом случае это *«явление крайне неприятное. Оно заставляет сомневаться, испытывать чувство вины, мешает радоваться и развиваться, портит отношения с обидчиком»* [5 причин обесценивания... URL]. В случае *обесценивания собственных чувств* человек рассматривает свои переживания как незначимые или не достойные внимания, что может привести к *«потере самооценки и негативному влиянию на эмоциональное благополучие»* [Обесценивание... URL]. Как видно из толкований, обесценивание чужих и собственных чувств – это «плохо», а значит, неологизм несет в себе отрицательную оценку.

Бывает, что чувствами *манипулируют*. Манипулирование определяется как управление человеком против его воли, приносящее инициатору одностороннее

преимущество [Ефремова URL]. Как в прямом, так и в метафорическом значении применительно к чувствам это слово имеет отрицательную коннотацию: *«Где манипуляция, там пропадает искренность, поддержка, истинная любовь, взаимоуважение, открытость и готовность помочь. А без всего этого человеческие взаимоотношения обречены»* [Какими чувствами... URL].

Манипулируют эмоциями и *раскачивая* их, то есть вызывая чередование противоположных эмоций у партнера. Конечная цель *раскачивания эмоций* – разрушение психики жертвы и подчинение манипулятору. Если в прямом значении слово *раскачивать* не имеет оценочных коннотаций, то в метафорическом применительно к эмоциям в изучаемом дискурсе оно получает отрицательную оценку.

Эмоции иногда *накручивают*, в результате чего накал эмоций возрастает. Если *накручивание* любовных переживаний, восхищения – дело вкуса и, возможно, некоторыми оценивается позитивно, то *накручивание* негативных эмоций имеет обычно негативные последствия и для здоровья, и для отношений. В интернет-дискурсе популярной психологии данный неологизм употребляется применительно к отрицательным эмоциям: *«Накручивая свои мысли, мы способны накручивать эмоции до состояния острого страха и жить в состоянии выживания, что будет расходовать огромный ресурс организма и приводить к стрессу и выгоранию, на фоне которого способны возникать уже серьезные проблемы, депрессии, панические атаки»* [Работа с негативными эмоциями URL]. Лингвоаксиологический анализ выявил отрицательную оценку в неологизме.

Номинации *эмоциональный разрыв*, *эмоциональный развод* и *эмоциональное расставание*, как следует из названий, связаны с разрывом эмоциональной связи. Однако, если термин *эмоциональное расставание*, связанный с обретением эмоциональной независимости, обладает положительной оценкой, то *эмоциональный разрыв* и *эмоциональный развод* представляют собой номинации с отрицательной коннотацией. *Эмоциональный разрыв* заключается в отчуждении между членами семьи, которое предотвращает открытое противостояние в конфликте или его разрешение. *Эмоциональный развод* вызван разрушением

иллюзий в супружеской жизни и связан с отчуждением супругов, вплоть до того, что каждый начинает жить отдельной жизнью при сохранении брачных отношений.

Пример метафоры с нулевой оценкой – *иметь срок годности* применительно к эмоциям: *«Все наши чувства имеют срок годности. ...Бывают чувства, на которых срок годности прописан огромными буквами и виден изначально, например при курортном романе. ...А бывают чувства, на которых срок годности сразу и не разглядишь. Думаешь, что это навсегда, а потом замечаешь, что ошибся: бывшее обожание плесенью поросло, а давняя обида распалась на жалость и благодарность за опыт»* [У чувств есть срок годности URL]. Значение выражения с оценкой никак не связано.

Как видно из анализа неологизмов, ценностью интернет-дискурса популярной психологии является эмоциональная независимость и контроль над собственными эмоциями: именно неологизмы, называющие варианты разумного управления ими, наделены положительной оценкой. В качестве антиценностей, напротив, выступают манипулирование чужими и неспособность управлять своими эмоциями, подавление и неуважение (обесценивание) эмоций.

2.4.3. Неологизмы, связанные с межличностными отношениями

Согласно словарю «Психология» (1990), *межличностные отношения* – это *«система установок, ориентации и ожиданий членов группы относительно друг друга, определяющихся содержанием и организацией совместной деятельности и ценностями»* [Цит. по: Куницына, Казаринова, Погольша 2002: 193]. В данную тематическую группу включены наименования типов отношений и возможных действий с ними. Поскольку отношения между людьми, как видно из определения, связаны с ценностными ориентирами, эту группу наименований образуют лексические единицы с полярными оценками, отражающие ценности и антиценности.

Наименования типов отношений

В данную подгруппу включены единицы, которые описывают отношения и называют их. Неологизмы, описывающие отношения, образуют антонимичные пары с полярными оценками.

Так, неологизм *зрелые отношения*, определяемый как «*союз двух самодостаточных личностей, когда вы или ваш партнер не пытаетесь компенсировать какие-то собственные недостатки или неуверенность за счет другого*» [8 признаков... URL], обладает положительной коннотативной оценкой. Противоположность таких отношений в оценочном плане – *незрелые отношения*, признаками которых являются эмоциональные всплески и нестабильность.

По степени устойчивости отношения делятся на *стабильные* и *нестабильные*. «*Когда отношения становятся стабильными, они обретают устойчивость и прочность, что способствует росту и развитию партнерства*» [Когда отношения... URL], и это «хорошо», а значит, в дискурсе популярной психологии сочетание *стабильные отношения* оценивается положительно. Его антоним *нестабильные отношения* характеризуется тем, что «*партнеры могут испытывать постоянные конфликты, изменения настроения, недостаток доверия и неспособность к долгосрочному планированию*» [Нестабильные отношения URL], что «плохо», а значит, в неологизме заложена отрицательная оценка.

Между личностями существует множество типов отношений, и одним из ключевых аспектов, определяющих их динамику, является уровень зависимости между участниками. На этом основании различают *зависимые* и *независимые отношения*.

Зависимые отношения характеризуются высокой степенью эмоциональной зависимости одного партнера от другого: «*Люди... могут чувствовать, что их счастье полностью зависит от наличия партнера, что создает неравновесие в силе и контроле в отношениях*» [Психология зависимых... URL].

Лингвоаксиологический анализ выявил отрицательную коннотативную оценку в неологизме.

Отношения, в которых партнеры обоюдно зависимы, называются *созависимыми отношениями* и определяются как *«форма дисфункциональных взаимоотношений, характеризующихся несбалансированным распределением власти и контроля между двумя или более людьми. В таких отношениях одна сторона, называемая „созависимым“, обычно выступает в роли подчиненного и жертвы, часто играя активную роль в удовлетворении потребностей другой стороны, называемой „зависимым“»* [Созависимые отношения URL]. Данная номинация обладает отрицательной оценкой в изучаемом дискурсе, которая выражена денотативно в представленном определении.

Независимые отношения, напротив, *«основаны на принципе сохранения индивидуальности каждого партнера. В таких отношениях партнеры уважают личные границы, поддерживают свободу и рост друг друга, не теряя при этом своей независимости»* [Психология зависимых... URL], что указывает на заложенную в слове положительную оценку.

Здоровые отношения понимаются как *«коммуникация двух самодостаточных личностей противоположного пола, основанная на взаимности и уважении друг к другу, имеющая совершенно прозрачные и заранее оговоренные цели, а также включающая в себя ответственность за ранее взятые обязательства»* [Почему мужчины меняют... URL].

Отношения с положительной оценкой в определении противопоставляются отношениям *нездоровым, больным, разрушительным или деструктивным*. Если в *здоровых отношениях* партнеры доверяют друг другу и находят поддержку, то в *дисфункциональных* все наоборот. Их сравнивают с отношениями *«не могу с тобой и не могу без тебя»*, и терапевты отмечают, что *«такие отношения абсолютно не нормальны»* [Признаки дисфункциональных отношений URL], указывая тем самым на отрицательную оценку в неологизме.

Поддерживающие отношения *«наделяют бесконечным ресурсом энергии для развития, роста, радости и просто ощущения тепла, понимания и*

поддержки рядом» [Поддерживающие отношения URL] и противопоставляют их отношениям *неподдерживающим, разрушительным* или *деструктивным, связанным*, в частности, с критикой, сравнениями, обесцениванием.

В интернет-дискурсе популярной психологии отношения определяются как *экологичные*, в случае когда им свойственны эмпатия, уважение к потребностям и нуждам другого, понимание собственных чувств и умение видеть чувства другого: «*экологичные отношения – это те, которые не вредят их участникам. В общем и целом, это обычные здоровые отношения между адекватными партнерами*» [Что такое «экологичные отношения»? URL]. Данный неологизм несет в своей дефиниции положительную оценку. Его противоположностью в оценочном плане является неологизм *неэкологичные отношения*, характеризующий ситуацию, когда участнику приходится терпеть, отказывать себе в своих желаниях, испытывать страх и пр.

В изучаемом дискурсе положительной оценкой обладает термин *этичные отношения*, подразумевающий равноправие, самодостаточность и равноценное развитие обоих партнеров.

Ему противопоставляется неологизм *неэтичные отношения* с заложенной отрицательной оценкой. Примерами *неэтичных, нездоровых, неэкологичных отношений* выступают *абьюзивные* и *токсичные отношения*. *Абьюзивные отношения* определяются как «*циклично повторяющиеся акты физического и психоэмоционального насилия над партнером в жертвенной позиции через контроль, власть, унижения*» [Абьюзивные отношения URL]. В *токсичных отношениях* «*человек испытывает негативные чувства – тревогу, усталость, незащищенность, неуверенность, а иногда даже страх*» [Почему токсичные отношения... URL] в результате действия другого участника. Как видно из определений, данные единицы обладают отрицательной оценкой.

Любые близкие отношения подразумевают некоторую зависимость партнеров друг от друга, что считается нормальным и называется *здоровой зависимостью*. Таким образом, неологизм *здоровая зависимость* содержит положительную оценку. Однако, когда важным становится только партнер,

зависимость становится *нездоровой*: «*Ваша жизнь останавливается, и вы ничего не хотите делать, проваливаетесь в депрессию или начинаете опустошать холодильник, а иногда и вовсе аппетит пропадает. Тогда это нездоровая зависимость, и с ней нужно что-то делать*» [Близость и нездоровая зависимость URL]. Анализ выявил отрицательную оценку в сочетании *нездоровая зависимость*.

Стоит отметить, что, апеллируя к нездоровой зависимости, практически всегда психотерапевты используют однословный термин *зависимость*. Таким образом, в понятие зависимости в изучаемом дискурсе заложена отрицательная оценка. Зависимость может быть *патологической*, от медицинского термина *патология* – «*ненормальное, болезненное изменение какого-либо телесного органа, психологии или поведения человека*» [Немов 2007: 281]. Оба элемента в составе неологизма содержат отрицательную оценку. Подзаголовок «*Как бороться с появлением патологической зависимости?*» [Патологическая зависимость URL] в статье, посвященной этой аддикции, также указывает на отрицательную оценку в наименовании.

Представленный анализ наглядно демонстрирует амбивалентный характер отношений между людьми, что детерминировано социальной природой человека и репрезентировано в неологизмах интернет-дискурса популярной психологии. С аксиологической точки зрения, неоминации транслируют как ценностные, так и антиценностные установки, что проявляется как в денотативном значении лексических единиц, так и в метаязыковых комментариях агентов изучаемого типа институциональной интеракции. Во многих случаях действует принцип экономии языковых усилий, когда отрицательная оценка не вербализована, а выводится из значения соответствующей номинации.

Наименования действий с отношениями

В данную подгруппу входят метафорические наименования, содержащие оценочные смыслы. В случае, когда романтические или дружеские отношения

разрушительны, приносят вред, а не пользу, их рекомендуется *отпустить*: «Отпускать не означает отказаться от любви, а скорее осознание того, что иногда необходимо расстаться для вашего личного роста» [Отпустить отношения... URL]. Данная метафора содержит положительную коннотацию и в изучаемом дискурсе указывает на ценность личностного роста.

Термины из сферы экономики *инвестировать*, *инвестиции* нашли свое место и в интернет-дискурсе популярной психологии применительно к межличностным отношениям. Так, учат правильно инвестировать в отношения, чтобы они приносили «дивиденды» – поддержку, радость и комфорт для партнеров. Отмечается, что «когда в мире царит хаос, мы обращаемся к нашим партнерам за безопасностью и поддержкой. Поэтому в условиях нестабильности вкладывать ресурсы в близкие отношения – безопасный, практичный и здоровый выбор» [Зачем и как инвестировать... URL]. Данная метафора, как видно из комментария, в представленном дискурсе обладает положительной оценкой.

Отношения можно *обновить* и *перезагрузить*. Из заголовков «Как обновить отношения при угасающих чувствах» [URL], «Как обновить отношения с любимым?» [URL], «Как обновить отношения, если чувства охладели?» [URL] следует, что действия, связанные с обновлением, направлены на возрождение приятных отношений, то есть в метафоре заложена положительная оценка. *Перезагрузка* отношений помогает вывести их на новый, более высокий уровень, что также указывает на положительную оценку в слове.

Отношения можно *обнулить*: «дать место для нового, освободив или отпустив то, что уже не помогает» [Обнуление URL]. Неологизм подразумевает избавление от «привязывающих и вытягивающих жизненную энергию вещей, событий, людей и эмоций» [Там же], что «хорошо», а значит, само слово в интернет-дискурсе популярной психологии обладает положительной оценкой.

Отношения можно *моделировать* определенными методами и в результате получить желаемые отношения, что указывает на положительную оценку в глаголе.

Отношения *строят* и, судя по заголовкам «*Психология отношений: как их построить, сохранить и не разрушить*» [URL], «*Искусство строить отношения: правила и исключения*» [URL], «*Как строить отношения с женщиной и развивать их*» [URL], строят здоровые отношения. Таким образом, *строить* применительно к отношениям имеет положительную оценку. Аналогичная ситуация наблюдается и с глаголом *создавать*: он сочетается лишь со здоровыми отношениями.

Среди слов с отрицательной оценкой стоит отметить глагол *разрушать*, который в изучаемом дискурсе применяется исключительно к отношениям, оцениваемым положительно, хотя в толковом словаре Т. Ф. Ефремовой *разрушать* имеет следующую дефиницию: «*приводить в полное расстройство; разорять, уничтожать*» [Ефремова URL], то есть обладает отрицательной оценкой. Таким образом, и в популярной психологии данное слово содержит отрицательную оценку. Один из способов разрушить отношения – их обесценивание: «*Обесценивание отношений – это процесс, который приводит к падению значимости, доверия и качества отношений между людьми. ...Обесценивание отношений всегда приводит к негативным эмоциям, конфликтам и стрессам*» [Что означает обесценивать отношения? URL]. Как видно из толкования, слова *обесценивать* и *обесценивание* содержат отрицательную оценку.

Бывают ситуации, когда здоровые отношения можно *повредить*, то есть «*причинить вред, ущерб*» [Ефремова URL] им. Слово содержит денотативную отрицательную оценку в изучаемом дискурсе.

Отрицательной оценкой наделен и глагол *играть* применительно к отношениям. Игра на отношениях подразумевает неискренность партнера в своих намерениях и связана с «*желанием получить эмоциональное удовлетворение, но*

неготовностью взять на себя ответственность за серьезные отношения» [Игра на отношениях URL].

К действиям с отрицательной оценкой относится и выражение *залипать в отношениях*, подразумевающее созависимые отношения.

В результате лингвоаксиологического анализа данной тематической группы аксиологически нагруженными концептами выделены доверие и равноправие партнеров, соблюдение личных границ и возможность личностного роста, контроль отношений и принятие ответственности. Антиценностями выступают контроль, унижение и манипуляция другим человеком, неуважение своих и чужих чувств и ценностей, безответственность и зависимость в межличностных отношениях.

2.4.4. Наименования, связанные с поведением людей в межличностных отношениях

Этой тематической группе принадлежат наименования поведения и люди, проявляющие определенное поведение. Абсолютное большинство представленных здесь лексических единиц несут в себе отрицательную оценку, что вполне объяснимо тем, что психологическое консультирование востребовано в случае отклонения поведения от нормы и, кроме того, наличием в языке более широкого арсенала средств для вербализации негативных феноменов [Шаховский 2009: 16].

Наименования человеческого поведения

Поведение определяется как совокупность поступков и действий человека, создающих целостное представление о его образе жизни [Кузнецов 2000]. Семантика новых видов поведенческих моделей содержит в себе ценностные категории, характерные для социума и участников изучаемого дискурса. В первую очередь упомянем в данной подгруппе целый ряд разновидностей

насильственного в психологическом плане поведения: *психологическое насилие, эмоциональное насилие, моральное насилие, вербальное насилие, пищевое насилие, репродуктивное насилие*. В толковом словаре С. А. Кузнецова *насилие* толкуется как «*применение грубой физической силы или морального давления*» [Кузнецов 2000], что указывает на коннотативную отрицательную оценку в слове. Отрицательной оценкой, как следствие, обладают и вышеперечисленные неологизмы.

Под *психологическим* (оно же *эмоциональное* или *моральное*) *насилием* в интернет-дискурсе популярной психологии понимают «*воздействие на чужую психику с помощью манипуляций, наносящих травму, акты повреждений психического здоровья другого человека*» [Психологическое насилие URL]. По приемам реализации психологического насилия выделяют его разновидности, выраженные англицизмами: *газлайтинг, харассмент, буллинг, кибербуллинг, моббинг, боссинг, неглект, абьюз* (мужской/женский/детский, эмоциональный/психологический) или *абьюзивное поведение, сталкинг*, – обладающие как виды насилия отрицательной оценкой в интернет-дискурсе популярной психологии.

Когда жертву насилия обвиняют в произошедшем, речь идет о *виктимблейминге* (от англ. *victim* – *жертва* и *blame* – *винить*). В изучаемом дискурсе *виктимблейминг* рассматривается как несправедливость по отношению к жертве, он «*может препятствовать процессу справедливости, а также создавать дополнительные травматические переживания для жертвы*» [Виктимблейминг... URL], что указывает на отрицательную оценку в неологизме.

Виктимное поведение (*виктимность* – «*предрасположенность человека попадать в ситуации, связанные с опасностью для его жизни и здоровья*» [Признаки виктимного поведения... URL]) означает поведение, провоцирующее желание напасть. Психотерапевты считают, что «*такое поведение может привести к низкой самооценке и постоянному ощущению беспомощности. Люди, склонные к виктимности, как правило, испытывают трудности в личностном росте и социальной адаптации*» [Виктимность... URL].

Разновидностью виктимблейминга является *слатшейминг* (от англ. *slut* – *иллюха*, *shaming* – *порицание*) – «продукт патриархата, который предполагает, что женщина должна быть сексуальной, но при этом женская сексуальность и ее проявления осуждаются» [«Ты не возбуждаешь»... URL].

Лингвоаксиологический анализ выявил отрицательную оценку в рассмотренных неологизмах.

Выделим ряд словосочетаний со словом *агрессия* в основе. В Большом психологическом словаре *агрессия* определяется как «мотивированное деструктивное поведение, противоречащее нормам (правилам) сосуществования людей в обществе, наносящее вред объектам нападения (одушевленным и неодушевленным), приносящее физический ущерб людям или вызывающее у них психологический дискомфорт» [Мещеряков, Зинченко 2002: 16]. Дефиниционный анализ выявил отрицательную оценку в денотате у термина.

В интернет-дискурсе популярной психологии используются следующие неологические сочетания: *психологическая агрессия*, *аутоагрессия*, *пассивная агрессия*, *здоровая агрессия*.

Психологическая агрессия, или, иначе, *межличностный терроризм*, – это запугивание с целью вызвать чувство страха, угрозы нанесения ущерба, принуждение к изоляции и пр. Такое поведение в изучаемом дискурсе оценивается отрицательно, то есть термин *психологическая агрессия* вполне ожидаемо наделяется отрицательной оценкой.

Аутоагрессией называют «поведение человека, при котором он (осознанно или бессознательно) стремится причинить вред собственному телу или организму в целом» [Аутоагрессия... URL], что «плохо», а значит, в слове заложена отрицательная оценка.

Агрессия может быть как *активной* в случае открытого конфликта, так и *пассивной*, когда прямой конфликт избегается, негативные эмоции не проговариваются, а выражаются иными способами, например неявными оскорблениями, угрюмым поведением, упрямством. Люди с *пассивной агрессией*

требуют терапии (психокоррекции). Таким образом, термин обладает отрицательной оценкой.

Однако сочетание *здоровая агрессия* выбивается по оценочному параметру из ряда наименований со словом *агрессия* в основе. *Здоровая агрессия «не становится причиной насилия. Это лишь способ выразить свои эмоции, которые возникли не на пустом месте, отстоять себя, свои принципы и личные границы. Она является не только проявлением гнева, но и дает человеку жизненные силы»* [Ложная доброта... URL]. Анализ указывает на заложенную в словосочетании положительную оценку.

Англицизмы *думскроллинг* или *думсерфинг* (от англ. *doom* – рок, судьба, *scroll* – прокручивать, *surf* – просматривать веб-страницы) обозначают поведение людей, выраженное в непрерывном пролистывании новостных лент для чтения отрицательных, тревожных или депрессивных новостей, и характеризуются в изучаемом дискурсе как «*нездоровая тяга*», то есть оцениваются отрицательно.

Отрицательной оценкой наделяется в интернет-дискурсе популярной психологии и *созависимое, зависимое* или *аддиктивное поведение*. Хотя нет полностью независимых людей, всем требуется не только собственная территория, но и отношения с другими людьми, принадлежность к обществу, *зависимым* называют поведение с «*перекосом в сторону сильной зависимости от чего-то, что перестает питать нашу жизнь, а начинает ее разрушать*» [Зависимое поведение... URL]. *Созависимое поведение* характеризуется полным контролем над другим человеком, например супругом или ребенком, в результате чего человек забывает о собственных интересах, что психотерапевты рассматривают отрицательно, указывая на результат такого поведения – пониженную самооценку, депрессию и даже паранойю.

Отрицательно оценивается и *тираническое поведение* или *тирания*, что может проявляться в различных формах, включая эмоциональное, физическое, финансовое насилие, социальную изоляцию и другие формы контроля и манипуляции.

Деспотическое поведение, когда один из партнеров проявляет чрезмерное доминирование и контроль, ограничивая свободу и самостоятельность другого, не приветствуется в исследуемом дискурсе, так как находится вне рамок его традиций – ориентированности на свободу.

Токсичное поведение, то есть «*нарушающее границы другого человека, непровоцированно агрессивное, непровоцированно гневное и не соответствующее человеку в его социальной роли*» [Внимание, опасно... URL], расценивается в изучаемом дискурсе как неприемлемое, а значит, это словосочетание обладает отрицательной оценкой.

Различают *компульсивное* и *импульсивное поведение*.

Компульсивное поведение характеризуется навязчивым выполнением определенного действия, вызванного чувствами тревоги или беспокойства, до сведения на нет таких чувств. Это может быть многократная проверка утюга перед выходом из дома. Такое поведение определяется как *навязчивое* и свойственное людям с обсессивно-компульсивным расстройством, а значит, нездоровое. Данная номинация содержит отрицательную оценку в денотате.

Импульсивное поведение «*не является проблемой по своей сути, если только последствия не приводят к проблемам*» [Компульсивное и импульсивное поведение... URL]. Например, импульсивные объятия дорогого человека не повлекут проблем, а вот крик в ситуации, вызывающей гнев, обернется определенными неприятностями, вероятнее всего. Однако импульсивное поведение не связано с обдумыванием ситуации и принятием наиболее целесообразных и обоснованных решений и часто приводит к проблемам в отношениях с другими людьми, семейных отношениях, к проблемам с законом, что не является положительно маркированной ситуацией. Следовательно, в интернет-дискурсе популярной психологии слово обладает отрицательной оценкой.

В отличие от импульсивного, *решительное поведение*, несмотря на быстроту реакции, характеризуется анализом ситуации и выбором оптимального решения, что указывает на заложенную в термине положительную оценку.

К неологизмам с отрицательной оценкой относятся *эмоциональный шантаж* и *эмоциональный прессинг*. *Эмоциональный шантаж* называют «дисфункциональным и токсичным способом удовлетворения своих персональных потребностей, который используется осознанно в некоторых отношениях» [Эмоциональный шантаж URL]. Определение термина содержит отрицательную денотативную оценку, которая выводится из слов с соответствующей оценкой.

Эмоциональным прессингом называют такое поведение, при котором человек оказывает целенаправленное, дискомфортное психологическое давление на партнера для достижения собственных интересов. Такое поведение осуждается в исследуемом дискурсе, терапевты учат ему противостоять, что указывает на отрицательную оценку в наименовании.

В случае, когда «мы теряем контроль над тем, что принадлежит нам, например нашим телом, свободой чувств и переживаний, свободой мыслить и проявлять себя, пространством и имуществом» [Отсутствие собственных личных границ... URL], говорят о *нарушении наших личных границ* или об *интервенции в частное пространство*. В изучаемом дискурсе считается неприемлемым *нарушать личные границы* человека. Терапевты инструктируют, как эти границы *выстраивать* и *защищать*.

Иногда человек нарушает чужие границы из благих, как ему видится, побуждений. Так происходит в случае *спасательства*, то есть оказания помощи, о которой не просили, в силу непреодолимого желания все исправить. Такая помощь рассматривается как «вредная», нарушающая личные границы, что указывает на отрицательную оценку в неологизме. Личные границы предстают одной из центральных ценностей интернет-дискурса популярной психологии.

Отрицательной оценкой в интернет-дискурсе популярной психологии наделяется термин *достигаторство*. Хотя оно предполагает постановку конкретных целей, использование доступных ресурсов, постоянное отслеживание прогресса и корректировку плана действий при необходимости, *достигаторам* важен не столько результат, сколько сам процесс продвижения к цели. Достигнув одной цели, они тут же ставят новую, при этом обычно не радуются

достигнутому, а *«обесценивают собственные успехи и думают, что могли бы лучше, что сделали недостаточно»* [Достигаторство... URL]. Подобное поведение в изучаемом дискурсе не поощряется. Более того, впоследствии оно может привести к формированию *синдрома достигаторства (синдрома Мартина Идена*; как известно, Мартин Иден, герой одноименного романа Дж. Лондона, долгое время добивался своей цели, а когда достиг ее, впал в депрессию). Толкования содержат осуждение, поскольку в основе поведения лежит самообесценивание, а следствием является психическое расстройство. Можно смело утверждать, что в изучаемом дискурсе обесценивание представлено как антиценность.

Прокрастинацией называют *«вид саморазрушительного поведения, при котором человек откладывает решение задач на последний момент»* [Дамоклов меч... URL]. В определении денотативно выражена отрицательная оценка посредством причисления такой манеры поведения к разряду разрушающих личность.

В тематическую группу наименований поведения включены названия реакций, поскольку они являются важным структурным элементом анализа поведения. В интернет-дискурсе популярной психологии выделяют как здоровые, так и нездоровые реакции. *Здоровые реакции* рекомендуется *«развивать»*, что указывает на положительную оценку неологизма, а *«осознавшему свои нездоровые реакции на раздражители нужно научиться разбираться в эмоциях»* [«Делай что хочешь»... URL]. Таким образом, контекстуальный анализ выявил отрицательную оценку в термине *нездоровые реакции*.

Среди немногочисленных неологизмов, означающих приемлемые, поощряемые в изучаемом дискурсе поведенческие стратегии, относятся, в частности, *внутренняя дисциплина*, которая *«может поддерживать человека в сложные моменты, укрепляя его волю и приверженность своим целям»*, и *осознанное поведение*, при котором *«человек становится более внимательным к своим мыслям и чувствам, а также к окружающей среде, что позволяет ему*

принимать более четкие и продуманные решения» [Три ловушки... URL]. В толковании очевидно прослеживается положительная оценка неологизма.

В ходе лексикоаксиологического анализа в данной тематической группе выявлено значительное количество антиценностей: насилие и агрессия, поведенческая зависимость, посягательство на внутренний мир другого человека (нарушение личных границ), манипуляция и обесценивание, неспособность к самоконтролю и гиперконтроль над людьми. В качестве ценностей интернет-дискурса популярной психологии при анализе данной группы слов выделяется самоконтроль поведения, внутренняя дисциплина и соблюдение личных границ.

Наименования людей по их поведению

Среди наименований людей, следующих определенной модели поведения, выявлены лишь те, чье поведение оценивается отрицательно. Эта подгруппа неологизмов представлена универбатами, англицизмами и усечениями: *абьюзер, манипулятор, манипулятор-абьюзер, токсик (токсичный человек), газлайтер, агрессор, аддикт, прокрастинатор, сталкер, достигатор*. Для попирающих чужие желания и волю используются метафоры *деспот* и *тиран*. Участники всех разновидностей насилия именуется *автором* и *жертвой насилия*. Как видно из приведенного списка, данная группа представлена наименьшим количеством лексических единиц, что объясняется общим наименованием акторов различных разновидностей одной поведенческой модели. Например, *аддиктом* называют человека, который уходит из реальной жизни путем изменения состояния своего сознания любым способом.

2.4.5. Наименования когнитивных процессов

Развитие науки психологии выявило целый ряд психических процессов, выполняющих функцию рационального познания окружающего мира. Среди их наименований есть наделяемые терапевтами как положительной, так и отрицательной оценкой. Так, *позитивное мышление* определяется как умение «*расставлять приоритеты, достигать целей, переосмысливать неудачи и извлекать из них опыт. При таком способе мышления он [человек] верит в свои успехи, умеет себя поддержать, проявляет заинтересованность к тому, что происходит в его жизни, гордится личными достижениями*» [Позитивное мышление... URL]. В определении содержится коннотативная положительная оценка, которая указывает на поощряемое психотерапевтами явление.

Однако необходимо учитывать, что под данным термином в интернет-дискурсе популярной психологии подразумевается *эффективное позитивное мышление*, поскольку «*просто позитивное мышление неэффективно – оно эфемерно и поэтому интериоризирует внимание и погружает человека в непродуктивное состояние – частичный транс*» [Классификация целей... URL]. Такой неэффективный тип мышления, при котором каждое событие идеализируется, а негативные впечатления не замечаются и не проживаются, называют *токсичным позитивным мышлением*. В определении прослеживается денотативно выраженная отрицательная оценка номинации.

В противовес *токсичному* мышлению может быть *экологичным*. *Экологичное мышление* «*позволяет понимать структуру своего мышления, организовывать свою деятельность так, чтобы быть позитивным, эмоционально устойчивым и не наносить вреда другим системам в процессе взаимодействия с ними*» [Разница между экологическим... URL], что «хорошо». *Токсичным* или *негативным* называют такой тип мышления, при котором мысли человека крутятся вокруг одного или нескольких негативных событий или даже фантазий. Анализ дефиниции указывает на отрицательную коннотативную оценку в этом неологизме.

Черно-белое (дихотомическое или поляризованное) мышление подразумевает стремление мыслить крайностями. Такой образ мыслей психологи относят к когнитивным искажениям, то есть в неологизме заложена отрицательная оценка, поскольку *когнитивные искажения – это «ошибки мышления, сформированные нелогичными умозаключениями и не позволяющие принимать действительность такой, какая она есть»* [Когнитивные искажения... URL].

Когнитивные искажения, лежащие в основе *дезадаптивного поведения*, устраняются с помощью *когнитивной реструктуризации* или *рефрейминга*. В результате появляется навык заменять негативные мысли более реалистичными и адаптивными, что «хорошо», и значит, неологизм *когнитивная реструктуризация* наделен положительной оценкой.

Когнитивное разделение – «это когда мы понимаем, что не обязаны в любые мысли верить, и они могут ошибаться. Не сливаясь с мыслью, мы осознаем, что это лишь один из вариантов интерпретации действительности и нам не обязательно даже думать именно эту мысль, мы можем выбрать другую, как только поняли, что эта нам не подходит или мешает» [Когнитивное разделение... URL]. И наоборот, в *слиянии* с мыслями мы полностью в них верим, считаем истиной и реагируем в соответствии с этой «правдой». Лингвоаксиологический анализ указывает на положительную оценку в неологизме *когнитивное разделение* и на отрицательную – в *когнитивном слиянии*.

К номинациям с отрицательной оценкой относятся и *внутренние (психологические) блоки* – «негативные убеждения, эмоциональные преграды и паттерны мышления, которые могут мешать вашему личному росту, развитию и достижению целей, построению здоровых отношений со своей второй половинкой, конструктивному общению с окружающими» [Как определить... URL].

Неологизм *психологическая гибкость* в интернет-дискурсе популярной психологии понимается не просто как способность менять свое поведение или

мышление в ответ на внешние обстоятельства, а как глубокое понимание своего внутреннего мира, своих ценностей, убеждений и эмоций. Психологи указывают на исключительную значимость данной способности и необходимость ее тренировки, что также говорит о положительной оценке в неологизме.

Инсайт – феномен, обозначающий, что «в голову неожиданно приходит отличная идея или нужное решение проблемы» [Инсайты... URL], – является номинацией с положительной коннотацией. А вот *негативный* или *темный инсайт* – это осознание, которое ухудшает жизнь: «чужая оценка и чужой ярлык, который навешивается вам и вашему состоянию» [Темные инсайты URL]. Содержащееся в пояснении фразеологическое выражение «навешивать ярлык», как и атрибутив с отрицательной оценкой в термине указывают на отрицательную оценку всего неологического словосочетания.

Весьма интересным видится понятие *ментальный метаболизм*, представленное Ф. Перлзом. Согласно его концепции, психические процессы имеют те же стадии, что и процесс усвоения пищи [Перлз 2014]. Отсюда и соответствующая метафора из области физиологии применительно к реакциям человека в ходе общения, деятельности, отдыха, обучения. Поскольку процесс переваривания переживаний рассматривается как естественный, термин обладает положительной оценкой. Однако уровень метаболизма у разных людей разный. *Хороший ментальный метаболизм* толкуется как «способность взять для себя все полезное, пережевав и переварив, и отвергнуть лишнее и ненужное в конкретном случае» [О психической саморегуляции URL] и рассматривается как навык. Когда впечатления и переживания копятся, не перевариваясь, так, что новым не находится места, говорят о *ментальном пережоре*. Терапевты не приветствуют такое состояние, и, следовательно, термин обладает отрицательной оценкой.

Выявленные выражения *наблюдать за мыслями, выбрать реакцию* указывают на возможность контроля над когнитивными процессами. Наблюдение за своими мыслями позволяет «лучше понимать свой внутренний мир и контролировать свои эмоции» [Наблюдение... URL], что, как видно из комментария, терапевты одобряют. В результате такого наблюдения «мы можем

более эффективно справляться со стрессом и тревогой... начать видеть вещи с другой стороны и приходить к новым идеям... начинаем лучше слышать других людей, больше понимать их» [Наблюдать... URL], а значит, в сочетании содержится положительная оценка.

Поскольку реальность человека определяется его реакцией на события, благодаря выбору «правильной» реакции, по утверждению терапевтов, *«мы можем перестать быть жертвами обстоятельств и начать строить собственное будущее» [Наша реакция... URL].* Высказывание *«Давайте учиться управлять своим мозгом, вниманием, мышлением и эмоциями. И это не про отказ от эмоций, это не про сдерживание эмоций. Как раз наоборот!» [Свобода выбора... URL]* также указывает на ценность контроля не только над собственными эмоциями, о чем речь шла выше, но и над когнитивными процессами в изучаемом типе дискурса.

Личностный рост или *личностное развитие* подразумевает совершенствование личностных качеств и самосознания человека: *«Цель личностного развития – помочь человеку стать более уверенным в себе, развить свои способности и потенциал, научиться эффективному взаимодействию с другими людьми и стать более счастливым и удовлетворенным жизнью» [Что такое личностное развитие... URL].* Агенты дискурса популярной психологии наделяют *личностный рост* или *личностное развитие* положительной оценкой, выделяя самосовершенствование личности в качестве ценности в дискурсе.

Наш анализ показывает, что в языке выработан достаточно обширный арсенал лексических средств для номинации когнитивных процессов, и это обусловлено стремлением людей к самоанализу, рефлексии, желанию понять причины и последствия той или иной модели поведения. Реализации такого желания способствует дискурс популярной психологии, призванный в терминах, понятных большинству, дать пояснение сложным психологическим процессам. Значения таких терминов должны быть четко эксплицированы, содержать эмоциональный компонент (в некоторых случаях он может отсутствовать), призывать человека к изменению своей жизни в лучшую сторону. Среди

ценностей в данной группе выделены понимание и контроль своего внутреннего мира, ценностей, убеждений, эмоций; самосовершенствование.

2.4.6. Наименования психологических состояний человека

Среди неологизмов со значениями психологических состояний выделяются оцениваемые положительно и отрицательно. К парам неологизмов с противоположными оценками относим выражения *находиться в зоне комфорта* и *вне зоны комфорта*. Если психологическое состояние пребывания в зоне комфорта вызвано ощущением стабильности и определенности, то вне зоны комфорта «человек может испытывать тревогу, страх и даже панику» [Зона комфорта... URL].

Хотя первая дефиниция отражает приятное и поощряемое терапевтами состояние, что указывает на положительную оценку выражения, при слишком долгом пребывании в зоне комфорта, как утверждают психотерапевты, имеет место стагнация развития личности. Для личностного роста необходимо *расширять зону комфорта* путем периодического выхода из нее: «*Расширение зоны комфорта дает нам возможность преодолеть себя и добиться больших результатов. Таким образом, хотя зона комфорта может быть уютной и безопасной, истинный рост и эволюция происходят только при выходе за ее пределы*» [Зона комфорта... URL]. Анализ толкования указывает на положительную оценку в сочетании *расширять зону комфорта* и на ценность личностного роста в исследуемом типе интеракции.

Положительная коннотация заложена в выражениях *иметь ресурс, быть в ресурсе*. Под ресурсным состоянием подразумевается наличие у человека сил и мотивации для деятельности и эмоциональных реакций. Терапевты поощряют это состояние, что указывает на положительную оценку данного термина в интернет-дискурсе популярной психологии. *Быть в ресурсе* значит «*чувствовать себя хорошо физически и психологически*» [Не в ресурсе... URL], что указывает на денотативную положительную оценку в неологизме.

Выражение *быть в моменте*, которое в поп-психологии агенты дискурса зачастую используют как синоним выражения *быть в ресурсе*, психотерапевты понимают как пребывание «в осознанном состоянии, когда вы не переживаете о будущем и не мучаетесь из-за прошлого. Вы находитесь в настоящем времени и осознаете себя в нем, анализируете, что с вами происходит сейчас, что вы ощущаете» [«Я в ресурсе...» URL]. И специалисты в области психологии поощряют это состояние, поскольку, лишь «осознавая себя в моменте, мы можем почувствовать наслаждение и счастье» [Там же]. Следовательно, выражение наделяется положительной оценкой.

Рассмотренные словосочетания связаны с таким новым понятием в психологии, как *осознанность*. Оно подразумевает отслеживание человеком всех своих переживаний в настоящий момент для «осознания своих истинных потребностей в настоящее время, эмоций, чувств, переживаний, которые по различным причинам мы долгое время игнорировали» [Там же]. Состояние *осознанности* поощряется в психологии, его развитием занимается гештальт-психология, что указывает на положительную оценку в термине.

Положительной оценкой обладают сочетания *ментальная устойчивость*, *психологическая устойчивость* и *эмоциональная устойчивость*. В научном дискурсе есть термин *эмоциональная устойчивость* или *эмоциональная стабильность*, понимаемый как «психологическая характеристика взрослого человека, представляющая его как эмоционально зрелую личность» [Немов 2007: 450] с положительной оценкой в коннотативе.

В интернет-дискурсе популярной психологии применение данного термина также зафиксировано, однако он не всегда связывается здесь со зрелостью личности. Встречается более узкое понимание данной номинации – как способность принимать на себя ответственность или как здравомыслие и самоконтроль, то есть за основу берется не весь комплекс критериев зрелой личности, а только часть. Встречается и понимание термина как показателя психического здоровья. Несмотря на расхождения в толкованиях, термин

эмоциональная устойчивость имеет положительную оценку и в изучаемом дискурсе и является элементом психологической устойчивости.

Психологическая устойчивость объединяет в себе когнитивные, эмоциональные и поведенческие компоненты и определяется как «*способность справляться с трагедиями, травмами и значительными жизненными стрессорами. Это означает, что психологически устойчивые люди могут сохранить свое психическое здоровье, несмотря на неблагоприятные жизненные обстоятельства*» [Как развить... URL]. Данный неологизм отражает поощряемое психотерапевтами состояние, что указывает на наличие в нем положительной оценки.

Ментальная устойчивость – это «*способность справляться с жизненными вызовами, быстрыми изменениями и стрессовыми ситуациями с минимальными потерями для эмоционального и психологического состояния*» [Источники внутренней силы... URL], что имеет положительную оценку, поскольку такая способность поощряется агентами исследуемого типа дискурса.

Отрицательной оценкой наделен термин *эмоциональная буря* – состояние, при котором «*накрывает волна эмоций*», таких как гнев и раздражение, сменяющихся не менее сильными чувствами вины и стыда. Таким образом, под эмоциональной бурей подразумевается состояние, при котором неконтролируемые отрицательные эмоции сменяют одна другую. Такое состояние рассматривается как неприемлемое, поскольку выходит за ценностные рамки интернет-дискурса популярной психологии.

Термином *эмоциональные качели* также описывают психологическое состояние человека, который испытывает резкие перепады в настроении, но эти перепады происходят между приятными и неприятными эмоциями. Под данным наименованием понимается не просто изменчивость настроения, которую специалисты рассматривают как совершенно нормальное явление, поскольку человеческой психике свойственно чутко откликаться на перемены для лучшей адаптации к событиям, принятия решений, преодоления трудностей. Речь идет о случаях, когда резкие скачки настроения негативно сказываются на

взаимодействии с людьми, например перерастая во вспышки неконтролируемой агрессии. Данное понятие также используется для описания манипулятивной техники в абьюзивных отношениях, о которой речь шла выше. Состояние эмоциональных качелей не поощряется в исследуемом типе интеракции, терапевты учат различным техникам, которые помогают справляться с ним.

Отрицательно оценивается и состояние, когда *эмоциональный заряд на нуле*. В этом случае терапевты говорят о необходимости зарядиться позитивной энергией, то есть *нулевой эмоциональный заряд* указывает на отсутствие положительных эмоций, что в исследуемом дискурсе не приветствуется.

Выявлен ряд наименований состояний, вызванных отрицательными эмоциями. Так, состояние *тревоги сепарации* или *сепарационной тревоги* вызвано чувством тревоги от «*потери другого как части себя*». Эмоционально такой вид тревоги «*переживается в чувствах обиды, несправедливости, брошенности, одиночестве, раздражении, печали и отчаянии*» [Заметки об одиночестве... URL]. С одной стороны, тревога сепарации, согласно утверждениям психотерапевтов, предохраняет отношения от разрушения, обозначая важность ощущения принадлежности к кому-то, вовлеченности в эмоциональную связь. Однако избыточность сепарационной тревоги, по утверждению терапевтов, делает практически невозможным переживание одиночества. Таким образом, будучи состоянием вполне естественным и объясняемым наличием эмоциональной связи, в исследуемом дискурсе эта номинация содержит отрицательную коннотацию, поскольку именуемое ею состояние связано с переживанием целого спектра отрицательных эмоций, и избыточность сепарационной тревоги объясняется эмоциональной зависимостью.

Состояние *психологического сиротства* или *комплекс сироты* возникает у человека, обделенного любовью и вниманием в детстве со стороны матери, может проявляться в чувстве одиночества, ничтожности, потребности в поддержке. В случае полного внутреннего отчуждения ребенка от родителей говорят о *состоянии круглого психологического сиротства*. Психотерапевты обращают внимание на то, что возраст ребенка не ограничивается детством, а родители

могут быть живы, жить вместе или быть в разводе. Данные состояния вызывают негативную реакцию у психотерапевтов, значит, номинации содержат отрицательную оценку, а отчуждение между родителями и детьми рассматривается как антиценность в изучаемом дискурсе.

Чувствами одиночества и непонимания обусловлено и *диссертационное одиночество* – состояния уныния, вызванного отсутствием полноценного принятия научным сообществом и отсутствием диссертантов среди друзей.

В ходе исследования интернет-дискурса популярной психологии выявлен набор разновидностей состояния *рассеянности*. *Профессорская* или *поэтическая рассеянность*, которая может наступать у людей различных профессий, подразумевает отсутствие реакции или неадекватную реакцию на внешние воздействия из-за полного погружения в состояние потока. Пожалуй, можно утверждать, что термин не содержит однозначной моральной оценки: такое состояние не всегда может причинить вред, а пребывание в потоке поощряется в психотерапии. *Ученическая* же или *студенческая рассеянность* характеризуется повышенной отвлекаемостью и слабой концентрацией внимания и вызывает негативную реакцию терапевтов, то есть эта номинация обладает отрицательной оценкой. Отрицательной оценкой агенты дискурса наделяют термин *бессознательный сговор*, понимаемый как состояние несамостоятельности партнеров относительно друг друга, что в гештальт-психологии называется *слиянием*, а отношения, в результате которых формируется такое состояние, характеризуются как *созависимые*. Терапевты не приветствуют такое состояние, и можно говорить об отрицательной оценке в неологизме. Анализ данной тематической группы указывает на ценностную нагруженность в изучаемом дискурсе таких концептов, как личностный рост и способность справляться с вызовами, осознанность, психологическое здоровье, контроль над собственными мыслями, поведением, эмоциями. Антиценностями выступают одиночество и зависимость в эмоциональном плане, неспособность осуществлять контроль над собственными эмоциями.

Выводы по главе II

В языке находят свое отражение как универсальные ценности, так и изменения оценок и ценностей. Интернет-дискурс популярной психологии, как и прочие разновидности дискурса, демонстрирует помимо вечных еще и ряд специфических ценностей. Потребности и жизненные ориентиры, продвигаемые институтом популярной психологии через соответствующий тип дискурса, воплощаются в виде аксиологических концептов. Аксиологический потенциал таких концептов раскрывается именно в рамках исследуемого дискурса. Ценностно нагруженные концепты, репрезентируемые посредством лексических единиц в языке института популярной психологии, образуют аксиосферу современного интернет-дискурса популярной психологии. Ценности рассматриваются как эталонные идеи и взгляды, эксплицируются через оценку, то есть сравнение с эталоном.

В качестве средства репрезентации ценностей в языке популярной психологии изучаются неологизмы, поскольку их создание уже является актом придания ценности отражаемым ими объектам. К неологизмам интернет-дискурса популярной психологии относятся непосредственно новые лексические единицы и зафиксированные в словарях слова и выражения, получившие новый смысл в исследуемом дискурсе. Новая лексика интернет-дискурса популярной психологии отображает общие и специфические для отечественной лингвокультуры ценности и оценки.

Возникновение неологизмов в изучаемом дискурсе вызвано когнитивными и прагматическими причинами. Среди них – появление новых концептов в результате развития науки, трансформация моделей формирования лексики за счет таких факторов, как возникновение новых жанров, более экспрессивный и доступный способ донесения информации в результате популяризации терапевтического дискурса и перемещения его в медиaprостранство. Показателями новизны лексической единицы являются, в частности, кавычки,

толкования значений, перевод. Важным критерием, позволяющим судить о новизне слова или значения, является метаязыковая рефлексия.

В популярно-психологической терминологии выделены: 1) неологизмы, новые по форме и содержанию, представленные главным образом заимствованиями из английского языка различной степени ассимиляции; 2) семантические инновации, где имеющаяся форма приобрела новое содержание; 3) трансноминации, представленные англицизмами; 4) устойчивые сочетания, в которых имеет место ассоциативное взаимодействие концептосферы психологической науки с концептосферами прочих наук и обыденной концептосферой.

В результате компонентного анализа неологизмов изучаемого дискурса выделены шесть тематических групп: 1) неологизмы, связанные с функционированием психики, представленные названиями расстройств и людей с этими нарушениями, состояний человека при наличии и отсутствии нарушений со стороны психики, а также названиями специалистов, методов и тактик для восстановления и поддержания психического здоровья; 2) неологизмы, связанные с эмоциональной сферой, включающие названия эмоций и их раздражителей, а также возможные действия с эмоциями; 3) неологизмы, связанные с отношениями между людьми, включающие наименования типов отношений и действий с отношениями; 4) неологизмы, связанные с поведением, охватывающие наименования поведенческих моделей и людей с соответствующим поведением; 5) неологизмы, связанные с когнитивной деятельностью; 6) неологизмы, связанные с психологическими состояниями.

Каждая выделенная нами тематическая группа представлена значительным количеством неологизмов. Группы содержат номинации с амбивалентной, положительной и отрицательной оценками. Данные неологизмы отражают формирование представлений о желаемом и нежелательном поведении, отношениях и способах восприятия действительности.

Разнообразие номинаций, связанных с расстройствами психики, отражает развитие психологической науки. Новая лексика наименований расстройств

включает в себя преобразованный терминологический аппарат психологии и психиатрии: термины иногда снабжаются метаязыковыми комментариями и по возможности заменяются более понятными для неспециалиста эквивалентами.

Неологические наименования людей с расстройствами психики в интернет-дискурсе популярной психологии – это словообразования на основе принятых в языке моделей и с использованием прецедентных имен. Названия состояний человека при наличии и отсутствии нарушений психики включает три категории номинаций: с оценкой негативной (отражают антиценности), позитивной (отражают ценности) и амбивалентной. Названия образованы на основе имеющихся в русском языке слов с использованием принятых в нем словообразовательных моделей для выражения нового содержания. Названия многочисленных новых методов и техник сбережения и восстановления психического здоровья в различных видах психотерапии сформировались на базе контента различных психологических школ и подходов.

В качестве антиценностей интернет-дискурса популярной психологии в данной тематической группе выявлены желание управлять другими и нежелание управлять собственной психикой, зависимость (от собственных действий, эмоций, других людей). Среди ценностей, напротив, контроль над своей психикой, независимость и самостоятельность, психическое здоровье, уважение к чувствам других и сексуальность, а также самопомощь, экономия ресурсов и равные права партнеров на эмоциональную поддержку.

Многочисленной оказалась и группа неологизмов, связанных с эмоциями. Для нее характерна метафорическая концептуализация. Наименования включают неологизмы, характеризующие эмоцию положительно, отрицательно или неоднозначно, и неологизмы, называющие эмоцию, с положительной или отрицательной оценкой в значении.

Количество наименований эмоций с отрицательной оценкой существенно преобладает над неонаминациями с положительной. Наименований раздражителей, порождающих отрицательно оцениваемые эмоции, также больше, чем номинаций источников эмоций с положительной оценкой.

Поскольку представленные в подгруппе раздражители вызывают положительно или отрицательно оцениваемую эмоцию, соответственно, передаваемые ими оценки совпадают с эмоцией по оценочному критерию. Выявлены наименования раздражителей с амбивалентной оценкой, способных вызывать как положительные, так и отрицательные эмоции.

Названия действий, связанных с эмоциями, образованы путем метафорического переноса. В результате метафоризации эмоциям, принадлежащим к духовной сфере, присваиваются признаки, свойства и состояния материальных объектов. Среди этих метафорических выражений имеются как содержащие оценочные смыслы, так и те, значение которых с оценкой никак не связано. В результате лингвоаксиологического анализа неологизмов этой тематической группы в качестве ценности интернет-дискурса популярной психологии выделен полный контроль над собственными эмоциями.

Тематическая группа неологизмов, связанных с межличностными отношениями, включает лексические единицы, отражающие ценности и антиценности, поскольку отношения между людьми связаны с аксиологическими ориентирами. В подгруппу наименований типов отношений включены единицы, которые описывают отношения и называют их, образуют антонимичные пары с полярными оценками. Подгруппа наименований действий с отношениями образована метафорическими наименованиями с оценочными смыслами. Лингвоаксиологический анализ неологизмов из сферы межличностных отношений выявил доверие и равноправие партнеров, уважение своих и чужих чувств и ценностей, возможность личностного роста в отношениях, контроль и ответственность. В качестве антиценностей выступают психологическое подавление партнера, его недооценивание и безответственность в отношениях.

В тематической группе наименований, связанных с поведением людей в межличностных отношениях, абсолютное большинство представленных неологизмов несут в себе отрицательную оценку. Семантика новых видов поведенческих моделей содержит ценностные категории, характерные для социума и участников изучаемого дискурса. В данной тематической группе

выявлены главным образом антиценности: насилие и агрессия, поведенческая зависимость, неуважение к внутреннему миру человека и принижение его значимости, манипуляция. В качестве ценности интернет-дискурса популярной психологии при анализе данной группы слов определена внутренняя дисциплина.

Среди неонаминаций когнитивных процессов есть и те, что психотерапевты наделяют положительной оценкой, и те, что оцениваются ими отрицательно. В ходе анализа данной тематической группы в качестве ценностей выделены понимание собственных когнитивных процессов и контроль над ними, самосовершенствование и эмоциональная устойчивость.

Среди неологизмов со значениями психологических состояний также выявлены оцениваемые как положительно, так и отрицательно. Анализ данной тематической группы вновь указывает на ценность личностного роста, осознанности, психологического здоровья и контроля над собственными мыслями, поведением, эмоциями. В качестве новой ценности выделен психологический комфорт. Антиценностями выступают одиночество и несамостоятельность в эмоциональном плане.

Перечисленные ценности и антиценности интернет-дискурса популярной психологии функционируют в качестве концептов, образующих концептосферу исследуемого типа интеракции. Проведенное в данной главе изучение аксиосферы интернет-дискурса популярной психологии через призму его концептуального содержания подтверждает мысль о том, что ценности (антиинценности) лежат в основе формирования концептов, отражающих аксиологические предпочтения субъектов дискурса. Таким образом, ценности (антиценности) определяют лингвокультурологическое содержание концептов, а концепты являются отражением аксиосферы.

ГЛАВА III. ПРОЕКТ ИДЕОГРАФИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ПОПУЛЯРНОЙ ПСИХОЛОГИИ

В центре внимания лексикографии, определяемой как раздел языкознания, который занимается теорией и практикой составления словарей [Лингвистический энциклопедический словарь 2002: 258], находятся типы словарей, их структура и организация единицы словаря – словарной статьи. Изначально задача лексикографического описания заключалась в фиксации лексико-семантической системы языка. Однако позднее наметилась тенденция к более широкому изучению, «охватывающему действие этой системы в различных сферах ее употребления», то есть тенденция к отражению в лексикографическом описании контекста употребления лексической единицы. В результате стало возможным говорить о словарях языка, то есть словарях системы и о словарях речи или словарях употреблений [Рей 1983].

Сравнительно недавно лексикографами стала вестись разработка не просто словарей речи, а словарей дискурса на основании того, что каждый новый смысл, который вкладывается в используемые лексические единицы, порождается не только коммуникативной ситуацией, но и опытом, целями, личностными установками, психологическими особенностями коммуникантов, отношениями между ними и прочими факторами. Таким образом, смыслы получают свое объяснение не столько в рамках текста, сколько в рамках дискурса, с учетом ситуации и условий их порождения.

Современными лексикографами ведется активная работа над созданием дискурсивных словарей: разрабатываются их модели и методы лексикографической фиксации. Дискурсивный словарь в отличие от языкового: 1) описывает, помимо денотативного, коннотативное значение словарной единицы; 2) носит не прескриптивный, а дескриптивный характер; 3) содержит социокультурную, когнитивную и коммуникативно-прагматическую информацию; 4) отражает жанрово-стилистические особенности словарной единицы [Кошкарлова 2021: 70].

3.1. Обзор существующих психологических словарей

Описание языка возможно осуществлять как «от формы к значению», так и «от значения к форме». В первом случае целью является точное и полное описание существующих значений и способов употребления языковой единицы. Примерами словарей, осуществляющих такое описание языка, являются толковые, энциклопедические, терминологические словари. В случае описания языка «от значения к форме» задача автора – перечислить и описать все имеющиеся в данном языке способы воплощения некоторого смыслового комплекса [Гиндин 2001]. Примеры лексикографических изданий такого типа – словари синонимов и антонимов, идеографические словари.

Первым отечественным психологическим словарем является толковый алфавитный «Психологический словарь» Б. Е. Варшавы и Л. С. Выготского, [Варшава 1931]. Словарь, будучи небольшим по объему, содержит много терминов, которые отсутствуют в отечественных словарях советского времени, в частности, связанные с сексуальными отношениями («инцест», «оргазм», «полигамия»), сверхспособностями («спиритизм», «телепатия»). Наполнение словаря отражает круг интересов его создателей и зону ближайшего развития их работы в психологии.

Следующий психологический словарь, составленный уже коллективом авторов, был издан в 1983 г., хотя работа над ним началась еще в 60-х годах, и содержит 1051 статью [Психологический словарь 1983]. Второе издание этого словаря в 1996 г. было дополнено и переработано как авторами первого издания, так и новыми и включает 1069 статей [Психологический словарь 1996]. На основе вышеописанных трудов Б. Г. Мещеряковым и В. П. Зинченко был создан «Большой психологический словарь», который называют главной психологической книгой в стране. Словарь содержит более 1600 статей и организован иначе, чем предыдущие издания: большинство терминов сопровождаются английскими эквивалентами, введена система перекрестных ссылок, позволяющая найти большее количество понятий по сравнению

с количеством самих словарных статей. Статьи представлены в авторской редакции и, как принято в традиции фундаментальных словарей, имеют дополнения, написанные редакторами и привлеченными авторами [Мещеряков 2002].

Словарь «Психология» А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского, второе, дополненное и переработанное издание 1990 года, содержит свыше 1000 терминов, включает персоналии выдающихся отечественных и зарубежных психологов. Статьи словаря раскрывают содержание основных понятий современной психологической науки и ее важнейших отраслей. Словарь рассчитан на широкий круг читателей, интересующихся проблемами психологии.

Большинство психологических словарей, изданных на русском языке, предназначено профессионалам. Психологический словарь Р. С. Немова отличается от ранее изданных работ своей универсальностью, поскольку его целевой аудиторией, помимо специалистов, являются и просто интересующиеся психологией. Издание охватывает более 11 000 определений психологических терминов и терминов из смежных с психологией наук, являясь наиболее полным, отражающим современную систему психологических знаний. Толкование осуществляется доступным языком с множеством уточняющих перекрестных ссылок, которые позволяют получить больше информации о явлении. Терминология словаря отражает как науку, так и практику, то есть содержит термины, принятые не только в «чистой» науке, но и в других, не связанных с наукой, областях психологических знаний, таких как дзен-буддизм, йога, каббализм, мистицизм и прочее [Немов 2007].

«Толковый словарь психиатрических терминов» В. М. Блейхер и И. В. Крук – энциклопедическое издание, включающее терминологические единицы из психиатрии, психотерапии, наркологии, сексологии и медицинской психологии, их толкования, ссылки на авторов основополагающих исследований и этимологическую справку [Блейхер 1995]. Термины, употребляемые в клинической практике по фамилии внедрившего их в употребление исследователя или по имени исторического или литературного персонажа,

выступающего в качестве прецедентного имени, были сведены В. М. Блейхером в отдельный словарь – «Словарь эпонимических терминов» [Там же].

Помимо печатных разрабатываются электронные словари. Психологический онлайн-словарь psi.webzone.ru – сайт И. М. Кондакова, представляющий собой интернет-версию на основе изданных на CD-дисках психологического справочника «Психология – идея, ученые, труды» [Кондаков 1999] и словаря «Психология 2000» [Кондаков 2000] в серии «Мультимедийная энциклопедия знаний». Психологический словарь содержит более 2500 статей из области психологии. Авторами текстов являются сотрудники Психологического института им. Л. Г. Щукиной. Алфавитная и тематическая сортировка статей осуществляется по разделам психологии, кроме того, имеется система электронного поиска. На сайте также представлены тесты по психологии.

Психологический онлайн-словарь журнала «Вопросы психологии» voppsy.ru/dictionary.htm, который относится к алфавитным толковым, содержит отсылки к журнальным статьям, в которых формулируются приведенные понятия.

На сайте журнала популярной психологии Psychologies.ru читателям представлен психологический мини-словарь терминов психологической науки. Аналогичный мини-словарь содержится на популярно-психологическом сайте b17.ru. Словари с научно-популярных онлайн-площадок ориентированы на неспециалистов: количество их терминов невелико, словарные статьи содержат лишь краткое толкование, представленное максимально доступным способом.

Выделяются толковые словари для отдельных направлений психологической науки. Первым в России справочным изданием, состоящим из серии словарей по основным направлениям психологии, является «Психологический лексикон». Серия включает словари по общей психологии, социальной психологии, психологии развития, психофизиологии, клинической психологии, а также том «История психологии в лицах. Персоналии». Словари содержат около 2500 словарных статей, созданных более чем четырьмя сотнями специалистов, и рассчитаны на широкий круг читателей. Материал структурирован в тематические блоки, поэтому для удобства поиска каждый том

включает алфавитный указатель статей с постраничными отсылками. В бумажном варианте словари «Психологического лексикона» вышли в 2005-2007 гг. [Психологический лексикон 2005-2007]. В период 2010–2015 гг. создана электронная версия «Психологического лексикона» с возможностью использования системы гиперссылок для быстрого поиска текстов [Психологический лексикон URL].

«Азбука социального психолога-практика» М. Ю. Кондратьева и В. А. Ильина состоит из трех основных частей. В первой из них изложены основные концептуальные подходы, позволяющие проанализировать социально-психологическую составляющую социального взаимодействия в рамках социальной структуры. Во второй части на каждую из букв приходится пять понятийно-категориальных статей. Каждая из этих статей состоит из азбучно-энциклопедической статьи и тезисно-лапидарного очерка экспериментально-исследовательского опыта проработки понятия в рамках социально-психологической науки. Заключительная часть книги представляет собой изложение системно подобранного комплекса методического инструментария [Кондратьев 2007].

Энциклопедическое издание «Пневмапсихосоматология человека» Е. В. Трифонова содержит более 3500 наиболее употребительных в психофизиологии терминов, их английские эквиваленты и толкование терминов на русском языке. К области психологии относится примерно треть от приведенных единиц. Энциклопедия рассчитана на врачей, специалистов-психофизиологов и переводчиков [Трифонов 2015].

На кафедре общей психологии психологического факультета Московского государственного университета создана серия хрестоматий по отдельным разделам психологии: по психологии восприятия [Гиппенрейтер 1999], психологии внимания [Леонтьев 1976], психологии памяти [Гиппенрейтер 2000] и психологии мышления [Гиппенрейтер 1981], по психологии личности [Горностай 2001].

«Толковый словарь по аналитической психологии» В. В. Зеленского содержит английские и немецкие эквиваленты и основан на идее компилятивного представления основных понятий аналитической психологии в тех контекстных формах, в каких они использовались К. Г. Юнгом – основателем аналитической психологии [Зеленский 2008].

Помимо толковых словарей по психологии имеются словари переводные. Немецко-русский словарь по психологии Ю. Т. Рождественского содержит около 17000 терминов по общей, медицинской, социальной, педагогической, инженерной психологии, патопсихологии, психофизике и иным психологическим дисциплинам. Особенное место в словаре уделяется терминологии психоанализа. Издание предназначено специалистам в области психологии и переводчикам [Рождественский 2001].

«Русско-английский словарь по психологии» Е. В. Никошковой включает 34 000 терминов по общей, социальной, инженерной, педагогической психологии, психофизике, патопсихологии и прочим психологическим дисциплинам. Словарь предназначен для научных работников, преподавателей и учащихся психологических факультетов, а также переводчиков [Никошкова 1998].

В. В. Лучковым и В. Р. Рокитянским составлен «Англо-русский словарь-минимум психологических терминов» (около 1200 единиц), где, помимо русских эквивалентов, указывается предметная область термина и пояснения в случаях, когда перевод может вызвать затруднения в понимании. При составлении банка словарной информации авторами были использованы многочисленные монографические и словарно-справочные издания, включая все существующие англоязычные психологические словари и энциклопедии, а также имеющиеся русскоязычные справочники и словари [Лучков 1993].

Из зарубежных словарей обязательно стоит отметить «Большой толковый психологический словарь» в 2-х томах известного американского психолога А. Ребера, в который включено около 1500 самых распространенных терминов и понятий из области психологии, а также предлагаются варианты их применения

на практике [Ребер 2000]. Этот словарь использовался рядом отечественных авторов при составлении собственных словарей.

Словарь А. Колмана содержит более 11 000 статей, охватывая все разделы психологии, включая психоанализ, психиатрию, криминологию и нейронауку. Статьи содержат четкие и краткие определения, этимологию и производные слов, иллюстрации, а также обширные перекрестные ссылки для удобства использования. Издание содержит приложение с рекомендуемыми веб-ссылками [Colman 2009].

Л. Кордоном создана энциклопедия популярной психологии, где содержится 121 словарная статья. Особенностью «Popular Pscyhology: An Encyclopediа» является Руководство по связанным темам, где основные темы содержат относящиеся к ней лексические единицы. Основные разделы включают Биологические основы поведения, Наркотики и химикаты, Популярные гуру и движения, Псевдонаука, Психологические теории и идеи, Лечение. Статьи подробны, содержат иллюстрации, перекрестные ссылки и рекомендованную литературу по теме. Среди словарных единиц присутствуют довольно неожиданные на наш взгляд, такие, например, как *похищение инопланетянами*, *очередность рождения*, *промывание мозгов*. Кроме того, включены наименования, вошедшие в список Международной классификации болезней: *синдром Дауна*, *посттравматическое стрессовое расстройство* и пр. Возможно, причиной такого наполнения словаря является задача, поставленная перед собой автором: противостоять потоку дезинформации о том, чем на самом деле является психология, и дать краткое руководство для тех, кто стремится понять истинную научную природу психологии [Cordón 2005].

Имеющиеся психологические словари – терминологические, составлены специалистами в области психологии, и их целевой аудиторией, чаще всего, являются люди, занимающиеся данной наукой профессионально, реже – любители. Существует, однако, толковый алфавитный словарь психологических терминов, ориентированный на филологов – «Тысяча состояний души. Краткий психолого-филологический словарь» [Летягова 2021]. В словаре находят

объяснение понятия современной психологической науки, не только посредством толкования, но и цитат из художественной, философской и другой литературы, ссылок на нелитературные источники (на произведения музыки, кинематографии, живописи). Например, в словарной статье к термину *депрессия* имеется отсылка к роману Н. А. Островского «Как закалялась сталь», а именно к состоянию героя Павки Корчагина, когда он узнал о своем тяжелом заболевании; к арии Вертера из оперы Ж. Масне «Вертер»; Шестой симфонии П. И. Чайковского. Издание охватывает почти 1500 наименований, отобранных главным образом из Большого толкового психологического словаря А. Ребера [Ребер 2000], словарные статьи к которым, в большинстве случаев, подверглись авторской переработке.

Стоит также упомянуть словарь Л. Г. Бабенко «Алфавит эмоций», в названии которого не фигурирует психологическая наука, однако в этом издании представлено описание «от значения к форме» лексики семантического поля эмоций (эмотивной лексики). Более 11 000 лексических единиц распределены в словаре по 39 тематическим группам и 291 подгруппам. Систематизация эмотивной лексики осуществлена по денотативно-идеографическому, когнитивно-дискурсивному и функционально-семантическому параметрам. В результате в тематической группе эмоции выделены 8 подгрупп: состояние, отношение, становление состояния, воздействие, внешнее выражение эмоций, эмоциональная характеристика, эмоциональное качество и человек-носитель эмоции [Бабенко 2021]. Словарь ориентирован, в первую очередь, на людей, занимающихся русским языком, а также профессионалов в области психологии эмоций.

Проведенный обзор словарей психологической лексики выявил обилие толковых словарей больших и малых для профессионалов в области психологии, что видится вполне естественным. Ряд толковых словарей рассчитан также на любителей психологии. На популярно-психологических интернет-площадках толковые мини-словари созданы специально для непрофессионалов. Кроме того, выявлен русскоязычный толковый словарь терминов психологии, предназначенный, прежде всего, филологам. Имеются переводные словари

психологических терминов, чьей целевой аудиторией являются, помимо специалистов, еще и переводчики. Что касается популярной психологии, то обнаружен англоязычный толковый словарь ее терминов. Единственным идеографическим словарем является словарь-тезаурус эмотивной лексики. Словарей популярной психологии, в которых слова упорядочены и группированы на основании общности и сходства их значений, не обнаружено, что привело нас к мысли о создании проекта идеографического словаря изучаемого нами дискурса.

3.2. Новизна и сферы использования предлагаемого идеографического словаря

Идеография, то есть описание языка «от значения к форме», является одним из важнейших разделов современной лексикографии в связи с необходимостью изучения системности в языке и языковой картины мира. Выдвинутое еще Ф. де Соссюром предположение о том, что «язык есть система, подчиняющаяся своему собственному порядку» [Соссюр 1977: 61] привело лингвистов к пониманию необходимости изучения организации лексики как системы лексических множеств.

Поскольку одной из особенностей языковой картины мира является ее избирательность, то значимость для носителей языка того или иного фрагмента действительности приводит к появлению многочисленных и разнообразных лексических средств его репрезентации. Семантическая плотность определенной тематической группы слов, детализация наименования, выделение смысловых оттенков являются сигналом лингвистической ценности внеязыкового объекта, и словарь, таким образом, является «вектором культуры и идеологии общества» [Дубичинский 1998: 19]. Словарь представляет собой своеобразный социальный институт, регламентирующий словоупотребление и жизнь языка в рамках определенной нормы [Там же: 16]. Таким образом, идеографические словари,

помимо выполнения своей основной прикладной задачи, отражают, как отмечалось ранее, языковую картину мира.

Поскольку язык постоянно развивается, словарь способен зафиксировать лишь определенную стадию его развития: «словарь – это моментальный снимок вечно обновляющегося и находящегося в движении языка» [Апресян 1993: 8]. В. В. Дубичинским отмечается диалектическое взаимодействие статики и динамики языка в словаре. Будучи, с одной стороны, всегда относительно новым, словарь, с другой стороны, анахроничен в силу отставания лексикографической фиксации языка от его развития [Дубичинский 1998: 17].

Все приведенные выше факты указывают на перманентную актуальность идеографической деятельности. Более того, описание лексики «от значения к форме» в отечественной лексикографии, являясь сравнительно молодым разделом, существенно уступает зарубежной идеографии, чем также объясняется наше стремление внести небольшой вклад в ее развитие.

Практическое применение разрабатываемого идеографического словаря дискурса популярной психологии видится в следующих аспектах:

1. В профессиональной деятельности психотерапевтов.

Применение словаря поможет привнести колорит в речь агентов дискурса популярной психологии – психотерапевтов, занимающихся консультационной деятельностью, ведением блогов, авторских колонок.

2. В перцептивной деятельности действующих и потенциальных клиентов.

Словарь включает номинации, которые, с одной стороны, повышают доступность восприятия текста непрофессионалами, с другой, не зафиксированы в имеющихся психологических словарях. В случае недостаточной ясности понятия реципиенту вполне возможно нарушение понимания им всего текста или его фрагмента. Словарь, таким образом, нацелен на устранение семантических трудностей. Кроме того, он может быть полезен людям, заинтересованным в расширении своего кругозора в области психологии.

3. В коммуникативной деятельности клиентов при психотерапевтическом взаимодействии с агентами.

Психотерапевты указывают на затруднения с корректной и точной вербализацией эмоций клиентами в процессе психотерапии, что усложняет процесс интеракции. Данный словарь нацелен на пополнение словарного запаса клиентов для повышения продуктивности коммуникации и, как результат, успеха психотерапевтического взаимодействия.

4. В образовательной деятельности при обучении иностранцев русскому языку.

Понимание того, как в языке подразделяются на тематические группы предметы и явления действительности с позиции носителей языка, повышает качество усвоения языковой информации и понимания национально-культурных особенностей.

Помимо своего основного прикладного применения идеографический словарь возможно использовать для теоретических изысканий. Так, словарь может содействовать изучению и описанию языковой картины мира, поскольку закономерности, управляющие систематизацией понятий в ней, во многом схожи с закономерностями системной организации лексики. Будучи опосредованным отражением мышления и сознания человека, словарь может оказаться полезен лингвистам, социологам, культурологам, философам, психологам.

3.3. Структура идеографического словаря популярной психологии

Классификация идеографических словарей зависит от ряда факторов. По объему словника выделяют малые, средние и большие идеографические словари. По его генерализованности – общие и специальные. Если общие идеографические словари отражают лексику общелитературного языка, то специальные – лексику языковых стилей. В зависимости от того, как разработано значение лексической единицы, выделяют кумулятивные, дефинитивные и переводные идеографические словари. В кумулятивных идеографических словарях у лексем отсутствуют определения их значений. Такие словари полезны для выявления наиболее корректного с точки зрения передаваемого концепта и стилистики слова

и для формирования тематических компьютерных банков данных. Дефинитивные идеографические словари содержат одноязычное толкование лексем. Они включают системы концептов, разъясняют сущность, сходства и различия понятий, их парадигматические и синтагматические связи. Такие словари характеризуются энциклопедичностью, поскольку помимо толкований могут включать информацию о произносительных, грамматических, словообразовательных и прочих возможностях лексических единиц, их этимологии, цитаты. Дефинированность термина в терминологических словарях обязательна, поскольку является обязательным специфическим признаком и, собственно, критерием терминологичности [Канделаки 1977, Попова 2011].

Под дефиницией понимаем словарное логическое определение понятия направленное на выявление границы, отделяющей параметры, включенные в данное понятие, от смежных с ним понятий [Канделаки 1977, Ловцевич 2016], то есть дефинирование представляет собой не описание объекта, а его отграничение от смежных с ним объектов.

Г. Н. Ловцевич отмечает, что наличие исчерпывающей информации в определении излишне, автор делает акцент на необходимости минимизировать количество информации, необходимой для понимания и разграничения понятия [Ловцевич 2016: 53]. Автором выдвигаются следующие требования к дефиниции: 1) точность, четкость и отсутствие двусмысленных выражений; 2) соразмерность определяемому понятию; 3) наличие признака, свойственного только данному понятию и отсутствующего у смежных с ним, в качестве видового отличия; 4) положительное определение; 5) недопустимость логического круга; 6) логическая непротиворечивость, то есть перечисленные в дефиниции признаки не должны быть взаимоисключающими; 7) краткость; 8) отсутствие тавтологии, то есть включения признака, отраженного в форме термина [Ловцевич 2016: 55].

Что касается переводных идеографических словарей, они толкуют входящие в них лексические единицы посредством другого языка. По количеству задействованных в словаре языков выделяются одно- и дву- и более язычные идеографические словари.

Идеографическое описание возможно осуществлять с учетом грамматической квалификации входящих в него единиц. По стилистической принадлежности речи выделяются словари различных ее стилей, вплоть до некодифицируемой (нелитературной, субстандартой, ненормативной) лексики. По полноте демонстрации функционирования лексем, различают полные и дифференцированные словари. Если в полных идеографических словарях толкование лексем сопровождается исчерпывающими добавочными семантико-функциональными характеристиками и иллюстративными примерами, то в дифференцированных словарях идеографического типа система помет и иллюстрации представлены скромнее. По типу семиотических средств для семантизации различают идеографические словари традиционного печатного исполнения, иллюстративные или картинные словари и словари со смешанными семиотическими средствами.

Разрабатываемый нами словарь относится к разряду *малых* и характеризуется как *специальный*, относящийся к сфере популярной психологии. По разработанности значения лексической единицы – *дефинитивный*, а по грамматической квалификации единиц – *разночастеречный*. Этимологические сведения факультативны и указываются в скобках для русского термина иноязычного происхождения с указанием источника заимствования и иностранного слова-прототипа с его переводом на русский язык для лучшего понимания и усвоения значения лексической единицы. Словарь характеризуется как *одноязычный научно-популярный*, а по полноте демонстрации функционирования лексем – как *дифференцированный*. Словарь *не содержит иллюстраций* в силу специфики представленной в нем терминологии. Объединения слов в словаре основывается на классификациях предметов и явлений, а не на лексико-семантических связях. В результате лексика объединяется в тематические, а не лексико-семантические группы, то есть не учитываются отношения, в которых находятся слова по их значению.

В понимании термина *тематическая группа* в современной лингвистике имеются расхождения. В нашей работе понимаем данное понятие как

совокупность слов разных частей речи, объединенных общей темой на основе экстралингвистических параметров [Жеребило 2016: 494]. Внутри тематической группы выделяются подгруппы на основе дифференцирующих семантических признаков – лексико-семантические группы [Алефиренко 1981]. Идеографизация лексики осуществляется индуктивным методом, то есть выявление тематических групп происходит путем перехода от языкового материала к понятийным обобщениям.

В результате проведенных обобщений неологизмов выделены шесть тематических групп: психическое здоровье, эмоции, межличностные отношения, поведение, когнитивные процессы и психологические состояния. Внутри большинства групп лексика подразделяется на подгруппы, состоящие из единиц одной части речи (см. Таблицу 2).

Таблица 2 – Структура словаря популярной психологии

Тематическая группа	Тематическая подгруппа
I. Психическое здоровье	1. Расстройства психики 2. Люди с расстройством психики 3. Состояния человека при наличии и отсутствии расстройств психики 4. Методы и техники сбережения и восстановления психического здоровья
II. Эмоции	1. Эмоции 2. Раздражители эмоций 3. Действия с эмоциями
III. Межличностные отношения	1. Типы отношений 2. Действия с отношениями
IV. Поведение	1. Поведение 2. Люди по их поведению
V. Когнитивные процессы	–
VI. Психологическое состояние	–

В ряде подгрупп лексика планирует дальнейшее подразделение. Так, в тематической подгруппе «Типы отношений» видится целесообразным подразделить неонаминации на характеризующие отношения и называющие их. Неонаминациями, характеризующими отношения, выступают, в частности, антонимичные пары с полярными оценками, например *зрелые отношения – незрелые отношения, здоровые отношения – нездоровые отношения*. Примерами неологизмов-названий отношений являются *лей-бай, синглизм, бенчинг*.

Для проводимого исследования были выбраны следующие научно-популярные интернет-источники: официальный сайт журнала *Psychologies* Psychologies.ru, сайт психологов B17.ru, статьи психотерапевтов на блог-платформе dzen.ru, онлайн-журнал гуманитарных наук artforintrovert.ru, блоги на сайте Института прикладной психологии в социальной сфере, статьи на образовательных платформах skillbox.ru и Нетология, блоги на онлайн-платформе по развитию soft skills, 4brain.ru, сайта для оказания дистанционных медицинских услуг Теледоктор24, статьи сетевых изданий Forbes Life, Медиатор.рф, Т – Ж, просветительского медиа о личностном и профессиональном развитии «Теории и практики», Психологической газеты, информационного агентства РИА Новости, журнала CityDog, сайта AdMe.ru, сайта Русской Школы Управления, рубрики Стиль Жизни сетевого издания «Спорт-Экспресс Интернет», сайта «Наш ум прекрасен», онлайн-журнала «Жить интересно!», сайтов практикующих психологов Елены Лихих и Ирины Гавриловой-Демпси, ответы психотерапевтов на платформе для экспертных сообществ Яндекс Кью.

Результатом обзора материала за период 2013–2025 гг. и последующего отбора лексики стал словник неолексикой объемом около 600 единиц. В процессе поиска новых лексических единиц в изучаемом дискурсе внимание обращалось на контекстуальные маркеры новизны, так называемые дискурсивные индикаторы [Никитина 2015]. Индикаторы неологизмов изучаемого дискурса проявляются в специфике синтагматического окружения, а именно в наличии метаязыкового комментария, или в использовании кавычек для выделения модусного компонента высказывания.

В результате поиска неологизмов в текстах популярной психологии был составлен примерный список лексических единиц, которые в последствие подверглись проверке с использованием словарей по психологии на предмет выявления закреплённости или незакреплённости лексической единицы в терминосистеме психологической науки. Отсутствие проверяемого слова в специализированных словарях рассматривалось в качестве показателя его новизны. Кроме того, несмотря на то, что научно-популярный дискурс считается наиболее устойчивой и продолжительной функциональной зоной применения терминов после специального [Громенко 2020: 8], ряд терминологических номинаций психологии претерпел изменения в изучаемом дискурсе, что также позволяет причислить такие номинации к неологизмам.

Единицей макроструктуры разрабатываемого идеографического словаря является *тематическая (предметная) группа*, которая включает единицы различных частей речи, и тематические подгруппы из единиц одной части речи. Тематическая группа слов, объединяющая лексические единицы на основании экстралингвистических признаков, имеет один или несколько тематических признаков, но каждая тематическая группа имеет как минимум один отличительный признак [Хашимов 2015: 211].

Целью создания идеографического словаря терминов популярной психологии является систематизированное представление терминологических единиц научно-популярной сферы психологии, сопровождаемое грамматической и семантической характеристиками. Разрабатываемый дискурсивный словарь призван отражать особенности функционирования языковых единиц в сфере популярной психологии, что позволяет отследить не только их значения, но и аксиологические характеристики исследуемого дискурса.

Для удобства восприятия информации заголовочная единица в словаре дается прописными буквами полужирным шрифтом с указанием ударения (при необходимости указываются основное и дополнительное ударения). Заголовочные единицы фиксируются в начальной форме: для существительных – форма именительного падежа единственного числа или множественного числа

для существительных, употребляющихся только во множественном числе; для прилагательных – форма именительного падежа единственного числа мужского рода; для глаголов – инфинитив.

Грамматические сведения включают информацию об основных формах термина: для склоняемых существительных это флексия родительного падежа единственного числа или множественного числа – для существительных, употребляющихся только во множественном числе; для склоняемых прилагательных это окончания женского и среднего родов, для глаголов это формы 1-го и 3-го лица единственного числа. Далее через запятую указывается род существительного: *м.* – для существительного мужского рода, *ж.* – женского, *ср.* – среднего. Также используются следующие пометы: *нескл.* – для несклоняемых существительных; *только ед. ч.* – для неисчисляемых существительных, *только мн. ч.* – для существительных, употребляющихся только во множественном числе. Термины-заимствования содержат указания на источник заимствования и его перевод в квадратных скобках.

Поскольку в работе рассматривается терминология популярной психологии, не зафиксированная в психологических словарях, и терминология психологической науки, претерпевшая изменения в изучаемом дискурсе, то необходимо определить границы нового понятия и выявить его отличительные от смежных понятий характеристики, что реализуется через дефиницию термина. «Классическая» форма дефиниции устанавливает тождественные отношения между определяемым и определяющим. Определяющее представляет собой обобщение, выполняющее роль родового по отношению к виду, выражаемому определяемым, и отличительные признаки, отделяющие данное определяемое от прочих видов, относящихся к роду, которое обозначает определяющее. В дефиниции выявляются специфические признаки описываемого понятия: необходимые и достаточные.

В словаре планируется использование перекрестных ссылок между статьями, что даст возможность читателю получить дополнительную информацию по вопросу. Перекрестные ссылки оформляются курсивом.

Ниже представлены тематические группы и некоторые из лексических единиц, которые будут включены в каждую из них в ходе составления словаря. Объем настоящего исследования не позволяет нам описать все шестьсот неологизмов, которые будут зафиксированы в предлагаемом лексикографическом продукте. Поэтому для каждой тематической группы указаны лишь некоторые примеры как образец примерного наполнения тематических групп и подгрупп планируемого словаря, а потенциальные лексические единицы обозначены многоточием.

Тематическая группа I «Психическое здоровье»

Тематическая подгруппа 1 «Расстройства психики»

Мании

геомание

демономания

игромания (см. *лудомания, гэмблинг*)

лудомания (см. *игромания, гэмблинг*)

мания величия

...

Фобии

демонофобия

канцерофобия (см. *онкофобия, рецидива рака страх*)

номофобия

социофобия (см. *социопатия*)

темноты фобия

...

Синдромы

госпитальной преступности синдром (см. *госпитальной блохи синдром, заболевание ложное, заболевание индуцированное, мошенничество больничное, Мюнхгаузена синдром, Ван Гога синдром*)

долгого горевания синдром

опустевшего гнезда синдром

отложенной жизни синдром

хронической усталости синдром

...

Комплексы

отличника комплекс

превосходства комплекс

провинциала комплекс

самозванца комплекс (см. *самозванца синдром*)

спасателя комплекс (см. *спасателя синдром*)

...

Тематическая подгруппа 2 «Люди с расстройством психики»

инфант

лудоман (см. *игроман*)

пограничник

сенситив (см. *человек высокочувствительный*)

социопат

...

Тематическая подгруппа 3 «Состояния человека при наличии и отсутствии расстройств психики»

автаркия

ангедония

зависимость эмоциональная

рабство эмоциональное

эгоизм здоровый

Тематическая подгруппа 4 «Методы и техники сбережения и восстановления психического здоровья»

детокс цифровой

индугльгенция

помощь эмоциональная

саморефлексия

сейфтизм

...

Тематическая группа II «Эмоции»

Тематическая подгруппа 1 «Наименования эмоций»

аффилиация

любовь дефицитная

любовь зрелая

привязанность здоровая

ревность конкурирующая

усталость эмоциональная

чувство *пустоты эмоциональной*

...

Тематическая подгруппа 2 «Раздражители эмоций»

вызов эмоциональный

ситуация фрустрирующая

триггер (положительный, отрицательный)

удар эмоциональный

флешбэк

...

Тематическая подгруппа 3 «Действия с эмоциями»

вентилировать

манипулировать

обезболивать

обесценивать

подавлять

прокачивать

прорабатывать

управлять

...

Тематическая группа III «Межличностные отношения»

Тематическая подгруппа 1 «Виды межличностных отношений»

абьюзивные

бенчинг

зрелые

лей-бай

синглизм

созависимые

токсичные

экологичные

этичные

...

Тематическая подгруппа 2 «Действия с отношениями»

залипать

инвестировать

моделировать

обесценивать

обнулить

перезагрузить

повредить

разрушать

создавать

строить

Тематическая группа IV «Поведение»**Тематическая подгруппа 1 «Наименования поведения»**

абьюз (мужской / женский / детский)

блеймшифтинг

газлайтинг

гостинг

гэтсбинг

достигаторство

думскроллинг (см. *думсерфинг*)

орбитинг

слатшейминг

токсичное поведение

фабинг

...

Тематическая подгруппа 2 «Люди по их поведению»

абьюзер

агрессор

газлайтер

достигатор

манипулятор

манипулятор-абьюзер

прокрасинатор

сталкер

тиран

токсик

...

Тематическая группа V «Когнитивные процессы»

блок внутренний

выбор реакции

закрытие гештальта

инсайт

инсайт негативный (см. *инсайт темный*)

искажение когнитивное

конформность

метаболизм ментальный

мышление позитивное токсичное

мышление позитивное эффективное

мышление токсичное

мышление черно-белое (см. *мышление дихотомическое; мышление поляризованное*)

мышление экологичное

наблюдение за мыслями

разделение когнитивное

регидность

реструктуризация когнитивная (см. *рефрейминг*)

рост личностный

слияние когнитивное

...

Тематическая группа VI «Психологическое состояние»

автаркия

буря эмоциональная

включённость

качели эмоциональные

конгруэнтность

наличие ресурса

нахождение вне зоны комфорта

нахождение в зоне комфорта

несварение ментальное

обсессия

одиночество диссертационное

осознанность

пребывание в моменте

пребывание в ресурсе

рассеянность профессорская (см. *рассеянность поэтическая*)

рассеянность ученическая (см. *рассеянность студенческая*)

сиротство психологическое

тревога сепарации

...

Приведем примеры словарных статей из разных тематических групп.

Так группа «Психическое здоровье» в подгруппе «Состояния человека при наличии и отсутствии расстройств психики» представлена, в частности, номинациями *профессиональное выгорание* и *эмоциональное выгорание*. Обе номинации содержат в толкованиях обобщающий компонент (продолжительное психоэмоциональное состояние человека, возникающее в результате длительного пребывания в стрессовом состоянии) и дифференцирующие признаки (причины стресса и проявление расстройства).

ВЫГОРА́НИЕ ПРОФЕССИОНА́ЛЬНОЕ -я, ср., только ед. ч.
продолжительное психоэмоциональное состояние человека, возникающее в результате длительного пребывания в стрессовом состоянии от условий труда: неинтересная или монотонная работа, отсутствие перспектив профессионального роста, *токсичный коллектив* (см. Поведение > Люди по их поведению); характеризуется потерей интереса к выполняемой работе вплоть до ее полного неприятия,

ВЫГОРА́НИЕ ЭМОЦИОНА́ЛЬНОЕ -я, ср., только ед. ч.
продолжительное психоэмоциональное состояние, возникающее в результате длительного пребывания в стрессовом состоянии по различным причинам: проблемы в семье или личной жизни, неудовлетворенность качеством жизни, отсутствие баланса между работой и отдыхом, *перфекционизм* (см. Эмоции > Наименования эмоций), отсутствие поддержки, долгий контакт с тяжелобольными людьми; характеризуется потерей интереса к событиям жизни и

эмоциональным истощением (см. Психическое здоровье > Состояния человека при наличии и отсутствии расстройств психики).

В приведенных словарных статьях присутствуют перекрестные ссылки к лексическим единицам *перфекционизм*, *токсичный* и *эмоциональное истощение* с указанием их местонахождения в тематических группах и тематических подгруппах.

Стоит отметить, что в 2018 г. синдром эмоционального выгорания официально стал медицинским диагнозом и внесен Всемирной организацией здравоохранения в Международную классификацию болезней. В международном классификаторе болезней 10-го пересмотра (МКБ-10) эмоциональное выгорание имеет код Z.73.0 и определяется как состояние полного истощения. В классификаторе 11-го пересмотра (МКБ-11) проблема признается ВОЗ как клинический синдром, причиной которого является хронический стресс на рабочем месте. Таким образом, в медицинском дискурсе этот диагноз ограничен профессиональной сферой и не применим к другим жизненным ситуациям, что повлекло несоответствие в понимании данного термина в медицинском и популярно-психологическом дискурсах. Научному термину *эмоциональное выгорание* соответствует термин популярной психологии *профессиональное выгорание* – разновидность *эмоционального выгорания*.

ПЕРФЕКЦИОНИ́ЗМ (ПЕРФЕКЦИОНИ́ЗМ НЕГАТИ́ВНЫЙ) -а, м., неисчисл. патологический страх быть неидеальным, который формируется, как правило, в условиях *условной любви* (см. Эмоции > Наименования эмоций).

Прилагательное *токсичный* входит в несколько тематических групп и подгрупп: Поведение > Люди по их поведению, например *токсичный человек*; Эмоции > Раздражители эмоций, например *токсичный контент*; Межличностные отношения > Типы отношений, например *токсичные отношения*. В перекрестной ссылке указывается только местоположение единицы в соответствии с ее контекстуальным значением.

ТОКСИЧНЫЙ *-ая, -ое* вызывающий психологический дискомфорт.

Словарь включает помимо существительных и прилагательных глаголы, выражающие действия с эмоциями и отношениями. Зачастую один и тот же глагол оказывается и в группе Эмоции, и в группе Отношения. Примером является неоломинация *обесценивать*. Как результат, для него сформулировано следующее толкование:

ОБЕСЦЕНИВАТЬ *-ю, -ет* преуменьшать значимость межличностных отношений, собственных или чужих поступков и чувств.

Ряд выявленных неоломинаций – заимствования-англицизмы. Словарные статьи таких лексических единиц представляются следующим образом:

АБЬЮЗ [англ. *abuse плохое обращение*] *-а, м.* физическое, психологическое или экономическое насилие одного партнера над другим.

Словарь планируется к изданию в печатном виде, что позволит использовать его намного чаще в практике преподавания русского языка как иностранного, так как сокращается период обучения пользования данным типом словаря по сравнению с его электронной версией. Во-вторых, идеографический словарь при его бумажной форме презентации делает более удобным поиск слова в лексикографическом источнике. Наконец, бумажный вариант словаря предоставит возможность описать изучаемую лексику в системе, что позволит читателю при знакомстве с одной тематической группой изучить слова, входящие в другие группы. В настоящее время ведется сбор материала для словаря, техническая работа по его оформлению, что дает надежду автору настоящего диссертационного исследования на публикацию данного лексикографического продукта в ближайшем будущем.

Выводы по главе III

Современная лексикография занимается составлением словарей языка, речи и дискурса, поскольку смысл, который вкладывается в лексическую единицу, порождается коммуникативной ситуацией и целым рядом факторов, среди

которых опыт, цели, личностные установки и психологические особенности участников.

В результате проведенного анализа имеющихся отечественных и зарубежных лексикографических источников по психологии можно выявить следующие типы словарей: толковые, энциклопедические, терминологические. Существуют также лексикографические источники, в которых систематизирована лексика отдельных направлений психологической науки. Из зарубежных лексикографических продуктов по популярной психологии обращает на себя внимание англоязычная энциклопедия популярной психологии. Данные словари относятся к алфавитным, описывающим лексические единицы от «формы к значению». Их авторы – специалисты в области психологии, а целевая аудитория – люди, занимающиеся данной наукой профессионально, реже – любители. В русскоязычном лексикографическом пространстве существует краткий психолого-филологический словарь, в котором даются толкования психологических терминов, предназначенный, главным образом, филологам.

Единственным идеографическим словарем, связанным с психологической наукой, является словарь-тезаурус эмотивной лексики. Словарей популярной психологии, в которых слова упорядочены и группированы на основании общности и сходства их значений, не обнаружено, что привело нас к мысли о создании проекта идеографического словаря изучаемого нами дискурса. Практическое применение разрабатываемого идеографического словаря дискурса популярной психологии видится в профессиональной деятельности психотерапевтов для повышения доступности их общения на психологические темы, в когнитивной деятельности реципиентов для улучшения качества восприятия текстов, в коммуникативной деятельности клиентов для точного выражения переживаний в процессе коммуникации, при изучении русского языка как иностранного. Помимо прикладного применения идеографический словарь возможно использовать для теоретических изысканий, например, изучения и описания мышления и языковой картины мира в лингвокультурах.

Принципы классификации лексических единиц в идеографических словарях зависят от множества факторов, среди которых объем словника, охват частей речи, ориентированность на денотативные или семантические принципы распределения слов, степень дробности типологии, дифференциация значений. Разрабатываемый нами словарь относится к разряду малых специальных. По разработанности значения лексической единицы – дефинитивный, включающий различные части речи. Этимологические сведения указываются лишь для заимствований с указанием источника заимствования и иностранного слова-прототипа с его переводом на русский язык. Словарь характеризуется как одноязычный научно-популярный, а по полноте демонстрации функционирования лексем – как дифференцированный. Словарь не содержит иллюстраций в силу специфики представленной в нем терминологии. Объединения слов в словаре основывается на классификациях предметов и явлений в тематические группы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе интернет-дискурс популярной психологии исследован на основе когнитивно-дискурсивного подхода. Под интернет-дискурсом популярной психологии понимается совокупность текстов в сети Интернет, которые представляют собой продукт речевой деятельности в сфере популярной психологии. Авторами текстов являются профессионалы в области психологии, что противопоставляет изучаемый дискурс так называемому дискурсу поп-психологии и сближает его с терапевтическим дискурсом. Интернет-дискурс популярной психологии относится к гибридным видам дискурса, объединившим в себе терапевтический и медийный дискурсы. Коммуникация терапевтов с клиентами в условиях сети Интернет претерпела целый ряд изменений: жанровые, стилистические, лексические и пр.

С позиции социолингвистики изучаемый дискурс относится к институциональным. Модель дискурса популярной психологии включает в себя все компоненты институциональности: субъекты, цель, ценности, хронотоп, прецедентные тексты, тематику, жанры, дискурсивные формулы. Субъектами интернет-дискурса популярной психологии являются агент, то есть практикующий психолог или психотерапевт, и клиент. Число клиентов может быть неограниченным ввиду медийности дискурса. Цель – предоставление профессиональной специализированной помощи, а также популяризация и внедрение идей, связанных с вопросами практической психологии. Ценность интернет-дискурса популярной психологии связана с поддержанием душевного благополучия и стабильности в жизни его клиентов. С точки зрения хронотопа исследуемый дискурс существует вне линейного времени в медиапространстве. Для интернет-дискурса популярной психологии характерно наличие прецедентных текстов, что проявляется в использовании известных имен, высказываний, ситуаций в процессе решения проблем клиентов и номинаций феноменов. Тематика дискурса связана с обсуждением частной жизни и межличностных отношений клиента. Жанры – публикации на сайтах,

специализированные форумы, статьи, авторские колонки и интервью на популярных и научно-популярных площадках. Дискурсивные формулы интернет-дискурса популярной психологии реализуются в наборе профессионально-маркированных высказываний и лексических единиц.

Пристальное внимание к последним стало частью настоящей работы. Профессиональная новая лексика позволила выявить ценности и антиценности изучаемого дискурса. Появление новых слов в изучаемом дискурсе связано с причинами когнитивного и прагматического порядка, к которым относятся появление новых концептов в результате развития психологической науки и трансформация моделей формирования лексики за счет возникновения новых жанров, более экспрессивного и доступного способа донесения информации в результате популяризации терапевтического дискурса и перемещения его в медиасреду.

В качестве показателей новизны лексической единицы рассматривались кавычки, толкования значений, перевод, метаязыковая рефлексия. В результате среди новых лексем выделены новые по форме и содержанию, представленные главным образом заимствованиями из английского языка различной степени ассимиляции; семантические инновации; трансноминации-англицизмы; устойчивые сочетания с ассоциативным взаимодействием концептосферы психологической науки с концептосферами прочих наук и обыденной концептосферой. Таким образом неологизмы изучаемого дискурса являются непосредственно новыми лексическими единицами и знакомыми словами, получившими новый смысл.

Поскольку значимость области человеческой деятельности зависит, в частности, от количества посвященных ей неологизмов, выявленные новые лексические единицы позволили раскрыть ценностные доминанты интернет-дискурса популярной психологии.

В результате компонентного анализа неологизмов изучаемого дискурса выделены шесть тематических групп: неологизмы, связанные с функционированием психики, представленные названиями расстройств и

людей с этими нарушениями, состояний человека при наличии и отсутствии нарушений со стороны психики, а также названиями специалистов, методов и тактик для восстановления и поддержания психического здоровья; неологизмы, связанные с эмоциональной сферой, включающие названия эмоций, их раздражителей и возможные действия с эмоциями; неологизмы, связанные с отношениями между людьми, включающие наименования типов отношений и действий с отношениями; неологизмы, связанные с поведением, охватывающие наименования поведенческих моделей и людей с соответствующим поведением; неологизмы, связанные с когнитивной деятельностью. Критерием выделения данных групп стали ядерные семы, включающих в себя архисемы, которые относят называемые предметы к тематической группе и дифференциальные семы, которые конкретизируют архисему и относят предмет номинации к тематической подгруппе.

В результате лексикоаксиологического анализа новой лексики выявлена система ценностей и антиценностей дискурса популярной психологии. К продвигаемым исследуемым дискурсом ценностям относятся контроль над своей психикой, поведением, эмоциями, отношениями и когнитивными процессами; независимость, самостоятельность и дисциплинированность в психологическом и эмоциональном плане; психическое здоровье; уважение к своим и чужим чувствам, ценностям, потребностям (соблюдение личных границ); самопомощь; экономия ресурсов организма; доверие, взаимоподдержка, взаимоуважение и равноправие партнеров; ответственность в отношениях; самосовершенствование; самость; сексуальность.

Антиценностями интернет-дискурса популярной психологии являются стремление управлять другими; нежелание, и неумение управлять собственной психикой; зависимость от собственных действий, эмоций и других людей; психологическое подавление партнера, манипулирование его чувствами; недооценивание себя и других; безответственность в отношениях; одиночество и несамостоятельность в эмоциональном плане; психологическое насилие и агрессия; преуменьшение значимости межличностных отношений, собственных

или чужих поступков и чувств; асексуальность; неспособность к самоконтролю психики, поведения, эмоций, отношений и когнитивных процессов; гиперконтроль над другими, обесценивание.

Распределение новых лексических единиц в тематические группы позволило не только описать аксиосферу изучаемого дискурса, но и легло в основу идеографического описания новой лексики популярной психологии. При помощи лексикографического метода разработана модель идеографического словаря дискурса популярной психологии, который в перспективе должен найти свое материальное воплощение. Единицей макроструктуры разрабатываемого идеографического словаря является тематическая (предметная) группа, которая объединяет лексические единицы на основании экстралингвистических признаков и включает единицы различных частей речи. Внутри тематической группы выделены тематические подгруппы из единиц одной части речи. Тематически систематизированные терминологические единицы научно-популярной сферы психологии сопровождаются грамматической и семантической характеристиками. Разработанные в диссертации принципы формирования словника и словарной статьи, методика отбора и анализа языкового материала для «Словаря интернет-дискурса популярной психологии» апробированы в процессе описания шести терминологических единиц: «эмоциональное выгорание», «профессиональное выгорание», «перфекционизм», «токсичный», «обесценивать» и «абьюз». Выбор лексических единиц для апробации предложенных разработок обусловлен их взаимосвязью, которая в словаре представлена перекрестными ссылками; отнесенностью к различным тематическим группам, частям речи и видам неологизмов.

Разрабатываемый словарь может быть полезен как для теоретических, так и практических целей. На настоящий момент продолжается отбор лексикографического материала и его обработка.

К перспективам теоретического изучения интернет-дискурса популярной психологии мы относим анализ лингвопрагматических характеристик данных дискурсивных практик, так как лингвистическое описание стратегий и тактик, реализующих цель и задачи психологического консультирования, может значительно расширить методологическое поле институциональных эмпирик, найти применение в реальной практике тех, кто является субъектом указанного типа дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдыжапарова, М.И. Источники и функциональный потенциал антропоморфной и социоморфной метафор в научно-популярном дискурсе социальной психологии / М.И. Абдыжапарова // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 5 (84). – С. 261–263.
2. Абдыжапарова, М.И. Источники артефактной метафоры в научно-популярном дискурсе социальной психологии (на материале английского и русского языков) / М.И. Абдыжапарова, Т.Ю. Сомикова // Мир науки, культуры, образования. – 2021. – № 4 (89). – С. 307–309.
3. Алефиренко, Н.Ф. Теория языка: введение в общее языкознание: Учеб.пособие / Н.Ф. Алефиренко. – Волгоград: Перемена, 1981. – 342 с.
4. Алефиренко, Н.Ф. Дискурс как смыслопорождающая категория (дискурс и вторичное знакообразование) / Н.Ф. Алефиренко // Язык. Текст. Дискурс. – 2005. – № 3. – С. 5–13.
5. Анцупов, А. Я. Конфликтология: учебник для вузов. 8-е изд. / А. Я. Анцупов, А. И. Шипилов. – Санкт-Петербург: Питер, 2023. – 560 с.
6. Апресян, Ю.Д. Лексикографическая концепция НБАРСа / Ю.Д. Апресян // Новый большой англо-русский словарь. Т.1. – М.: Рус. язык, 1993. – С. 6–17.
7. Аракелова, А.Р. Лингво-аксиологические характеристики современного англоязычного дискурса моды: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Аракелова Амалия Робертовна. – Пятигорск, 2017. – 222 с.
8. Аронсон, П. Любовь: сделай сам. Как мы стали менеджерами своих чувств / П. Аронсон. – М.: Individuum, 2020. – 192 с.
9. Арутюнова, Н. Д. Метафора / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 296–297.
10. Арутюнова, Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 136–137.

11. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 2-е изд., испр. – 896 с.
12. Ахмерова, Л.Р. Психологический дискурс и его разновидности в современном русском языке / Л.Р. Ахмерова // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика: международная конференция (V Бодуэновские чтения): труды и материалы / под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Е.А. Горобец, Г.А. Николаева. Т. 2. – Казань: Казанский (Приволжский) фед. ун-т, 2015. – С. 21–23.
13. Барт, Р. Лингвистика текста / Р. Барт // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1978. – Вып. 8. – С. 442–449.
14. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества. / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 310 с.
15. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
16. Бехтерев, В.М. Объективная психология / В.М. Бехтерев. – М.: Наука, 1991. – 480 с.
17. Бехтерев, В.М. Психика и жизнь. Внушение / В.М. Бехтерев. – М.: Издательство АСТ: Кладезь, 2024. – 416 с.
18. Блонский, П.П. Очерк научной психологии // Избранные психологические произведения / П.П. Блонский. – М.: Просвещение, 1964. – С.31–131.
19. Богданов, В.В. Речевое общение: прагматические и семантические аспекты / В.В. Богданов. – Л.: ЛГУ, 1990. – 88 с.
20. Божович, Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л.И. Божович. – М.: Просвещение, 1968. – 464 с.
21. Божович, Л.И. Проблема развития мотивационной сферы ребенка / А.Ф. Бондаренко // Изучение мотивации поведения детей и подростков / под ред. Л.И. Божович и Л.В. Благонадежиной. – М.: Педагогика, 1972. – С. 7–44.

22. Бондаренко, А.Ф. Русская психология: кризис идентичности / А.Ф. Бондаренко // Московский психотерапевтический журнал. – 1996. – № 1. – С. 38–56.

23. Бондаренко, А.Ф. Христианская психотерапия в США и англоязычном мире / А.Ф. Бондаренко // Психологическое консультирование и психотерапия. Хрестоматия. Т. 1. Теория и методология / Под ред. А.Б. Фенько – М.: Московский психотерапевтический журнал, 1998. – С. 167–184.

24. Борботько, В.Г. Элементы теории дискурса / В.Г. Борботько. – Грозный: Чечено-Ингушский государственный университет им. Л.Н. Толстого, 1981. – 113 с.

25. Борисова, И.Н. Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге / И.Н. Борисова // Русская разговорная речь как явление городской культуры, Екатеринбург: Арго, 1996. – С. 21–49.

26. Бушев, А.Б. Психотерапевтическая риторика / А.Б. Бушев, А.К. Зиньковский, М.Г. Агкацева. – Тверь: ООО «Издательство «Триада», 2013. – 256 с.

27. Василюк, Ф.Е. Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций / Ф.Е. Василюк. – М.: МГУ, 1984. – 200 с.

28. Власова, О.Б. Употребление прецедентного имени золушка в современном русском языке / О.Б. Власова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2011. – № 3. – С. 95–100.

29. Водак, Р. Взаимосвязь «Дискурс-общество»: когнитивный подход к критическому дискурс-анализу / Р. Водак // Современная политическая лингвистика / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов. – Екатеринбург: УрГПУ, 2006. – С. 123–136.

30. Волошинов, В.Н. Философия и социология гуманитарных наук / В.Н. Волошинов. – М.: Наука, 1995. – 382 с.

31. Выготский, Л.С. Учение об эмоциях. Историко-психологическое исследование // Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. / Л.С. Выготский. – М.: Педагогика, 1984. – С. 91–318.

32. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 138 с.

33. Гаспаров, Б.М. Язык, память, образ / Б.М. Гаспаров. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 351 с.

34. Гибатова, Г.Ф. Аксиология в языке / Г.Ф. Гибатова // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2011. – № 2 (121). – С. 127–132.

35. Гилясев, Ю.В. К вопросу о статусе текстов по популярной психологии / Ю.В. Гилясев // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2015. – Т. 7. – № 1. – С. 130–137.

36. Гиндин, С.И. Связный текст: формальное определение и элементы типологии / С.И. Гиндин. – М.: Наука, 1971. – 41 с.

37. Гиндин, С.И. Семантические словари – карты языкового мира / С.И. Гиндин // Русский язык. – 2001. – № 5. – URL: <https://rus.1sept.ru/articlef.php?ID=200100501> (дата обращения: 22.11.2022).

38. Голованова, Е.И. Проблема обоснования национально-культурной маркированности терминов / Е.И. Голованова // Лингвистика и образование. – 2025. – Т. 5. – № 1 (17). – С. 72–86.

39. Гринева, М.С. Содержательные характеристики речевых действий практического психолога в терапевтическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Гринева Мария Сергеевна. – Тверь, 2018. – 21 с.

40. Громенко, Е.С. К проблеме отбора терминов в неологический словарь (на материале современной научно-популярной периодики) / Е.С. Громенко // Вопросы лексикографии. – 2020. – № 17. – С. 5–25.

41. Громова, Т.М. Институциональные аспекты медиадискурса об инновационной политике / Т.М. Громова // Медиаскоп. – 2020. – № 3. – URL: <http://www.mediascope.ru/2643> (дата обращения: 23.09.2025).

42. Дейк, Т.А. ван. К определению дискурса / Т.А. ван Дейк. – URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm> (дата обращения: 23.11.2023)

43. Дейк, Т.А. ван. К определению дискурса / Т.А. ван Дейк. – М.: ЛИБРОКОМ, 2000. – 384 с.

44. Дейк, Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: сборник работ / Т.А. ван Дейк; сост. В.В. Петрова; пер. с англ. яз. под ред. В.И. Герасимова; вступ. ст. Ю. Н. Караулова, В. В. Петрова. – М.: Прогресс, 1989. – 310 с.

45. Демьянков, В.З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста / В.З. Демьянков. – М.: Всесоюзный центр переводов ГКНТ и АН СССР, 1982. – 288 с.

46. Деррида, Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук / Ж. Деррида // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. – М.: Прогресс, 2000. – С. 407–427.

47. Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: сборник обзоров / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Л.Г. Лузина [и др.]. – М.: Ин-т научной информации по общественным наукам РАН, 2000. – 117 с.

48. Добровольский, М.В. Спиритуалистическая этика и новый дух капитализма / М.В. Добровольский // Социологическое обозрение. – 2019. – Т. 18. – № 4. – С. 231–262.

49. Дридзе, Т.М. Социокультурная коммуникация: текст и диалог в семиосоциопсихологии / Т.М. Дридзе // Социокультурное пространство диалога. – М.: Наука, 1999. – С. 58–77.

50. Дубичинский, В.В. Теоретическая и практическая лексикография / В.В. Дубичинский. – Вена – Харьков: Wiener Slawistischer Almanach; Харьковское лексикографическое общество, 1998. – 160 с.

51. Дубских, А.И. Коммуникативные стратегии военно-политического дискурса / А.И. Дубских // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия Филологические науки. – 2025. – № 1 (123). – С. 16–20.

52. Егидес, А.П. Как разбираться в людях, или Психологический рисунок личности / А.П. Егидес. – М.: АСТ Пресс Книга, 2006. – 320 с.

53. Егидес, А.П. Психология конфликта / А.П. Егидес. – М.: Моск. финансово-промышленный ун-т «Синергия», 2013. – 320 с.
54. Желтухина М.Р. Комическое в политическом дискурсе конца XX века. Русские и немецкие политики. – М.: Ин-т языкознания; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2000. – 264 с.
55. Заботкина, В.И. Неологизмы в современном английском языке: Учеб. пособие / В.И. Заботкина, Г.М. Степанов. – Калининград: КГУ, 1982. – 79 с.
56. Заботкина, В.И. Новая лексика современного английского языка / В.И. Заботкина. – М.: Высшая школа, 1989. – 126 с.
57. Занков, Л.В. Избранные педагогические труды / Л.В. Занков. – М.: Педагогика, 1990. – 418 с.
58. Запорожец, А.В. Избранные психологические труды. В 2 томах. Том 1. Психическое развитие ребенка / Под. ред. В.В. Давыдова, В.П. Зинченко. – М.: Педагогика, 1986. – 320 с.
59. Звезгинцев, В.А. О цельнооформленности единиц текста / В.А. Звезгинцев // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. – 1980. – Т. 39. – № 1. – С. 13–21.
60. Измагурова, В.Л. Внутренний диалог как механизм развития сознания: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Измагурова Виктория Леонидовна. – М., 2006. – 193 с.
61. Ионова, С.В. Медиатизация социально-медицинской сферы как фактор формирования образа пожилого человека / С.В. Ионова, Ма Юйсинь // Лингвистика и образование. – 2022. – Т. 2. – № 4 (8). – С. 42–53.
62. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 288 с.
63. Истомина, Е.М. Национально-культурная специфика русскоязычного дискурса популярной психологии / Е.М. Истомина // Мир науки, культуры, образования. – 2024. – № 6 (109). – С. 572–574.

64. Йоргенсен, М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод / М.В. Йоргенсен, Л.Дж. Филипс; пер. с англ. – 2-е изд., испр. – Харьков: Гуманитарный центр, 2008. – 352 с.

65. Калина, Н.Ф. Лингвистическая психотерапия / Н.Ф. Калина. – Киев: Ваклер, 1999. – 282 с.

66. Канделаки, Т.Л. Семантика и мотивированность терминов / Т.Л. Канделаки. – М.: Наука, 1977. – 167 с.

67. Карасик, В.И. О типах дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. трудов / под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. – Волгоград: Перемена, 2000а. – С. 5-20.

68. Карасик, В.И. Структура институционального дискурса / В.И. Карасик // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов: Саратов. нац. исслед. гос. ун-т имени Н.Г. Чернышевского, 2000б. – С. 25–33.

69. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 331 с.

70. Карасик, В.И. Языковой круг / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 389 с.

71. Карасик, В.И. Языковые ключи: монография / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2009. – 407 с.

72. Карасик, В.И. Языковые камертоны смысла / В.И. Карасик. – М.: Гос. ин-т рус. языка им. А.С. Пушкина, 2024. – 416 с.

73. Карвасарский, Б.Д. Психотерапия / Б.Д. Карвасарский. – СПб: «Питер», 2000. – 672 с.

74. Катермина, В.В. Аксиология неологизма Brexit в англоязычном массмедийном дискурсе / В.В. Катермина, Н.С. Соловьева // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2019. – № 3. – С. 103–111.

75. Катермина, В.В. Аксиологический потенциал английских неологизмов-гастронимов / В.В. Катермина, Н.С. Соловьева // CredeExperto: транспорт, общество, образование, язык. – 2022а. – № 2. – С. 123–135.

76. Катермина, В.В. Новая лексика пандемии коронавируса в англоязычном дискурсе: монография / В.В. Катермина, С.Х. Липириди. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2022б. – 178 с.

77. Кашкин, В.Б. Введение в теорию дискурса / В.Б. Кашкин. – М.: Восточная книга, 2010. – 152 с.

78. Киров, Е.Ф. Цепь событий – дискурс/текст – концепт / Е.Ф. Киров // Актуальные проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации. Лингводидактические аспекты МК: сб. науч. ст. – Волгоград, 2004. – Вып. 2. – С. 29–41.

79. Клушина, Н.И. Дискурс-анализ и стилистика: интегративные методы исследования медиа коммуникации / Н.И. Клушина // Russian Journal of Linguistics. – 2016. – Т. 20. – № 4. – С. 78–90.

80. Кожемякин, Е.А. Анализ дискурса как системы рассеивания в традиции французской философии второй половины XX века (М. Фуко, М. Пеше) / Е.А. Кожемякин // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2008. – № 4(44). – С. 5–17.

81. Кожемякин, Е.А. Дискурс-анализ в современном социально-гуманитарном знании / Е.А. Кожемякин // Человек. Сообщество. Управление – 2006 – №3. – С. 25–39.

82. Косолапова, Т.В. Лингвотоксичные проявления в переводах научно-популярной литературы по психологии и саморазвитию / Т.В. Косолапова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. – 2024. – № 1. – С. 64–72.

83. Котелова, Н.З. Предисловие / Н.З. Котелова // Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов. – М.: Сов. энциклопедия, 1971. – С. 5–15.

84. Котелова, Н.З. Неологизмы / Н.З. Котелова // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 331.

85. Кошкарлова, Н.Н. Дискурс новой эмоциональности: коммуникативные практики цифровой реальности / Н.Н. Кошкарлова, Е.М. Яковлева // Политическая лингвистика. – 2019. – № 5 (77). – С. 147–152.

86. Кошкарлова, Н.Н. Когнитивно-дискурсивный вектор развития лексикографии: как топонимическая система отражается в словаре / Н.Н. Кошкарлова, О.А. Солопова // Когнитивные стратегии филологического образования в России и за рубежом. – Екатеринбург: УрГПУ, 2021. – С. 69–73.

87. Красных, В.В. Структура коммуникации в свете лингвокогнитивного подхода (коммуникативный акт, дискурс, текст): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Красных Виктория Владимировна – М., 1999. – 72 с.

88. Красных, В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология / В.В. Красных. М.: Гнозис, 2002. – 284 с.

89. Криворучко, И.С. Неологизмы англоязычного делового дискурса: лингвоаксиологический аспект исследования: дис. ... канд. филол. наук : 5.9.8. / Криворучко Ирина Сергеевна. – Краснодар, 2023. – 186 с.

90. Кубрак, Т.А. Интенциональная модель психотерапевтического дискурса / Т.А. Кубрак // Языковое сознание: парадигмы исследования. – Вып. 6. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2007. – С. 284–297.

91. Кубрякова, Е.С. Вербальная деятельность СМИ как особый вид дискурсивной деятельности / Е.С. Кубрякова, Л.В. Цурикова // Язык средств массовой информации: учеб. пособие по специализации. Ч. 2. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – С. 126–159.

92. Кубрякова, Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

93. Культура русской речи / под ред. Л.К. Граудиной и Е.Н. Ширяева. – М.: Издательская группа НОРМА–ИНФРА М, 1999. – 560 с.

94. Куницына, В.Н. Межличностное общение / В.Н. Куницына, Н.В. Казаринова, В.М. Погольша. – СПб.: Питер, 2002. – 544 с.

95. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон; пер. с англ. / под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
96. Леви, В.Л. Травматология любви / В.Л. Леви. – М.: Метафора, 2002. – 183 с.
97. Левина, Р.Е. Воспитание правильной речи у детей / Р.Е. Левина. – М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1958. – 32 с.
98. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность: учебное пособие / А.Н. Леонтьев. – М.: Смысл: Академия, 2005. – 352 с.
99. Лернер, Ю. Теле-терапия без психологии, или как адаптируют Self на постсоветском телеэкране / Ю. Лернер // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. – 2011. – № 1. – С. 116–137.
100. Липилина, Л.А. Лексические слияния в современном английском языке / Л.А. Липилина // *Вестник Российского государственного университета им. И. Канта*. – 2006. – Вып. 2: Филологические науки. – С. 87–92.
101. Липириди, С.Х. Семантико-аксиологические и когнитивно-прагматические особенности сетевых английских неологизмов туристического дискурса: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Липириди София Христофоровна. – Краснодар, 2021. – 221 с.
102. Ловцевич, Г.Н. Дефиниция термина в рамках традиционного и социокогнитивного подходов в терминоведении / Г.Н. Ловцевич, А.С. Трифонов // *Теоретическая и прикладная лингвистика*. – 2016. – Т. 2. – № 1. – С. 50–62.
103. Лурия, А.Р. Основные проблемы нейролингвистики / А.Р. Лурия. – М.: Издательство МГУ. – 1975. – 252 с.
104. Маевский, Н.Н. Особенности научно-популярного стиля: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Маевский Николай Николаевич. – Ростов-на-Дону, 1979. – 25 с.
105. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.

106. Марьянчик, В.А. Аксиологическая функция неологизмов медиа-политического дискурса: На материале газетных публикаций начала XXI века: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. / Марьянчик Виктория Анатольевна. – Архангельск, 2005. – 210 с.

107. Матвеева, А.В. Радиодискурс как вид институционального медиадискурса / А.В. Матвеева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 15(370). – С. 58–63.

108. Мироненко, И.А. Поп-психология, или о пользе науки / И.А. Мироненко // Вопросы психологии. – 2008. – № 2. – С. 103–108.

109. Михалева, О.Л. Дискурс объекта vs дискурс субъекта: системообразующие признаки / О.Л. Михалева // Системное и асистемное в языке и речи / – Иркутск: Иркутский государственный университет, 2007. – С. 360–377.

110. Мурейко, Л.В. Социальная коммуникация и масс-медиа: к уточнению понятий / Л. В. Мурейко // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. – 2018. – № 2. – С. 6–16.

111. Мягкова, Е.Ю. Пространство как составляющая эмоционально-чувственного значения слова / Е.Ю. Мягкова // Слово и текст: психолингвистический подход. – 2022. – № 21. – С. 16–22.

112. Мягкова, Е.Ю. Эмоционально-чувственная основа языка и обучение языку / Е.Ю. Мягкова // Язык для специальных целей: система, функции. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2014. – С. 150–154.

113. Мягкова, Е.Ю. Эмоциональный опыт и значение слова / Е.Ю. Мягкова // Язык, культура, творчество: Мировые практики изучения: сб. науч. ст. к 90-летию проф. В.Н. Телия / отв. ред. И.В. Зыкова, В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2020. – С. 551–561.

114. Мясищев, В.Н. Личность и неврозы / В.Н. Мясищев. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1960. – 384 с

115. Никитина, О.А. Дискурсивные индикаторы неологизмов (на материале немецкого языка) / О.А. Никитина // Неология и неография:

современное состояние и перспективы (к 50-летию научного направления). – СПб.: Нестор-История, 2015. – С. 80–81.

116. Общая и русская лингвоаксиология: Коллективная монография / отв. ред. М.С. Милованова. – М.; Ярославль: Канцлер, 2022. – 390 с.

117. Олянич, А.А. Презентационная теория дискурса / А.А. Олянич. – Волгоград: Парадигма, 2004. – 506 с.

118. Павлова, Н.Д. Постсобытийный дискурс в интернет-сообществах: интенциональная структура и приемы воздействия / Н.Д. Павлова, Т.А. Гребенщикова // Экспериментальная психология. – 2020. – Т. 13, № 1. – С. 138–148.

119. Петровская, Л.А. О понятийной схеме психологического анализа конфликта // Петровская Л.А. Общение – компетентность – тренинг: Избр. труды. – М.: Смысл, 2007. – С.109–125.

120. Пеше, М. Контент-анализ и теория дискурса / М. Пеше // Квадратура смысла. – М.: Прогресс, 1999. – 416 с.

121. Плеханова, Т. Ф. Дискурс-анализ текста / Т. Ф. Плеханова. – Минск: ТетраСистемс, 2011.

122. Попова, Л.В. Лингвистический термин: проблема качества (Опыт составления «Комплексного словаря терминов функциональной грамматики») / Л.В. Попова. – М.: ФЛИНТА, 2011. – 198 с.

123. Распопина, Е.Ю. Дифференциальные и жанровые особенности компьютерного интернет-дискурса / Е.Ю. Распопина // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Сер. Филология. – 2010. – С. 43–49.

124. Ревзина, О.Г. Язык и дискурс / О.Г. Ревзина // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 1999. – № 1. – С. 25–33.

125. Рей, А. Проблемы и антиномии лексикографии / А. Рей // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1983. Вып. 14. Проблемы и методы лексикографии. – С. 260–299.

126. Рец, И.В. Лингвокультурологические и эколингвистические аспекты неономинии: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Рец Ирина Владимировна. – Волгоград, 2014. – 24 с.

127. Рубинштейн, С.Л. Избранные философско-психологические труды. Основы онтологии, логики и психологии / С.Л. Рубинштейн. – М.: Наука, 1997. – 463 с.

128. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб: Питер, 2018. – 713 с.

129. Седов, К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции / К.Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 2004. – 317 с.

130. Серио, П. Как читают тексты во Франции: пер. с франц. и португал. / П. Серио // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / под ред. П. Серио. – М.: Прогресс, 1999. – С. 12–53.

131. Сидоров, Е.В. Онтология дискурса / Е.В. Сидоров. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 232 с.

132. Симонова, О.А. Изучение эмоций как область междисциплинарной интеграции: история и социология в поисках объяснения «эмоционального поворота» (к выходу русского перевода книги Яна Плампера «История эмоций») / О.А. Симонова // Социологическое обозрение. – 2018. – Т. 17, № 3. – С. 356–378.

133. Сиротинина, О.Б. Тексты, текстоиды, дискурсы в зоне разговорной речи / О.Б. Сиротинина // Человек. Текст. Культура. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1994. – С. 106–124

134. Складская, Г.Н. Языковая метафора в словаре. Опыт системного описания / Г.Н. Складская // Вопросы языкознания. – 1987. – № 2. – С. 58–65.

135. Солопова, О.А. Лексикографическое и дискурсивное исследование топонима Челябинск (на материале английского языка) / О.А. Солопова, Н.Н. Кошкарлова // Вопросы лексикографии. – 2021. – № 22. – С. 107–127.

136. Соссюр, Ф. де. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр; под ред. А.А. Холодовича. – М.: Прогресс, 1977. – 696 с.

137. Степанов, С.С. Мифы и тупики поп-психологии. и тупики поп-психологии / С.С. Степанов – Дубна: Феникс+, 2006. – 232 с.

138. Степанов, Ю.С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности / Ю.С. Степанов // Язык и наука конца XX века / под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. – С. 35–73.

139. Стернин, И.А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры / И.А. Стернин // Этнокультурная специфика языкового сознания / – М.: Издательство «Эйдос», 1996. – С. 98–112.

140. Стернин, И.А. Проблема неединственности метаязыкового описания ментальных единиц в лингвистике / И.А. Стернин // Лингвоконцептология и психолингвистика. – Т. 5. – Воронеж: Истоки, 2012. – С. 8–17.

141. Стернин, И.А. Семантический анализ слова в контексте / И.А. Стернин, М.С. Саломатина. – Воронеж: Истоки, 2011. – 150 с.

142. Тюпа, В.И. Дискурсные формации: очерки по компаративной риторике. – М.: Юрайт, 2025. – 274 с.

143. Улуханов, И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация / И.С. Улуханов. – М.: ЛКИ, 2015. – 234 с.

144. Ухванова-Шмыгова, И.Ф. Введение / И.Ф. Ухванова-Шмыгова // Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов / под общ. ред. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой. – Минск: БГУ, 1998 – Вып 1. – С. 1–11.

145. Ухванова-Шмыгова, И.Ф. Методология исследований политического дискурса / И.Ф. Ухванова-Шмыгова. – Минск: Технопринт, 2002. – 360 с.

146. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко; пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. – СПб.: А-сэд., 1994. – 408 с.

147. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко; пер. с фр. С. Митина, Д.Стасова. – Киев: Ника-Центр, 1996. – 208 с.

148. Хакиева, З.У. К вопросу о политическом дискурсе в аспекте репрезентации метафорических моделей / З.У. Хакиева, Т.И. Усманов,

И.Р. Абдулмажидов // Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. – Т. 8. – № 1(26). – С. 165–169.

149. Хализев, В.Е. Теория литературы / В.Е. Хализев. – М.: Высшая школа, 2013. – 432 с.

150. Хашимов, Р.И. Семантическое поле слов и его элементы / Р.И. Хашимов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 4-2(46). – С. 209–213.

151. Хомутова, Т.Н. Типология дискурса: интегральный подход / Т.Н. Хомутова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2014. – Т. 11. – № 2. – С. 14–22.

152. Чвилева, О.В. Основные параметры изменений психотерапевтического дискурса при онлайн-консультировании / О.В. Чвилева, А.Н. Воронин // Международный научно-исследовательский журнал. – 2023. – № 2 (128). – С. 1–8.

153. Шаховский, В.И. Лингвистическая теория эмоций / В.И. Шаховский. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.

154. Шаховский, В.И. Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии / В.И. Шаховский. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. – 170 с.

155. Шевченко, И.С. Дискурс как когнитивно-коммуникативная деятельность / И.С. Шевченко, Е.И. Морозова // Дискурс как когнитивно-коммуникативный феномен / под общ.ред. И.С. Шевченко / Харьков: Константа, 2005. – С. 15–19.

156. Шелестюк, Е.В. Стилистические и жанровые особенности текстов популярной психологии / Е.В. Шелестюк // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 12. – С. 168–176.

157. Шугайло, И.В. Психотерапевт и психоаналитик как носители истины в психотерапевтическом дискурсе / И.В. Шугайло // Мир педагогики и психологии. – 2023. – № 9 (86). – С. 124–131.

158. Эйдемиллер, Э.Г. Психология и психотерапия семьи. 4-е изд. / Э.Г. Эйдемиллер, В.В. Юстицкис. – СПб.: Питер, 2008. – 672 с.

159. Эльконин, Б.Д. Избранные психологические труды / Б.Д. Эльконин. – М.: Педагогика, 1989. – 560 с.
160. Юдицкая, А.В. Средства косвенного императивного воздействия в жанре «вопрос к эксперту» в дискурсе популярной психологии / А.В. Юдицкая, И.Г. Серова // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2024. – Т. 10. – № 4. – С. 183–194.
161. Bell, A. Approaches to Media Discourse / A. Bell, P. Garrett. – London: Sage, 2001. – 287 p.
162. Brown, G. Discourse Analysis / G. Brown, G. Yule. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983. – 288 p.
163. Byrne, P. Doctors Talking to Patients: A Study of the Verbal Behaviours of Doctors in the Consultation / P. Byrne. – London: HMSO, 1976. – 195 p.
164. Clark, H.H. Arenas of Language Use / H.H. Clark. – Chicago, 1992. – 419 p.
165. Coll-Florit, M. Metaphors of Depression. Studying First Person Accounts of Life with Depression Published in Blogs / M. Coll-Florit, S. Climent, M. Sanfilippo, E. Hernández-Encuentra // Metaphor and Symbol. – 2021. – 36(1). – P. 1–19.
166. Drew, P. Conversation Analysis / P. Drew // Rethinking Methods in Psychology. – London: Sage, 1995. – P. 64–79.
167. Fasold, R. The Sociolinguistics of Language / R. Fasold. – New York: B. Blackwell, 1990. – 342 p.
168. Furedi, F. Therapy Culture: Cultivating Vulnerability in an Uncertain Age / F. Furedi. – London: Routledge, 2004. – 243 p.
169. Greimas, A.J. Semantique Structural Recherche de Method / A.J. Greimas. – Paris, 1966. – 262 p.
170. Habermas, J. Theorie des kommunikativen Handels: Bd 1–2 / J. Habermas. – Suhrkamp: Frankfurt am Main, 1981. – 534 s.
171. Harris, Z.S. Discourse Analysis / Z.S. Harris // Language. – Baltimore, 1952. – Vol. 28. – № 4. – P.1–30.

172. Illouz, E. 2007. *Cold Intimacies: The Making of Emotional Capitalism* / E. Illouz. – Cambridge: Polity Press. – 134 p.
173. Illouz, E. *Saving the Modern Soul: Therapy, Emotions, and the Culture of Self-Help* / E. Illouz. – Berkeley: University of California Press, 2008. – 304 p.
174. Kluckhohn, F.R. *Variations in Value Orientations* / F.R. Kluckhohn, F.L. Strodtbeck. – New York: Row, Peterson, 1961. – 437 p.
175. Kovarksy, D. *Constructing(in) competence: Disabling Evaluations in Clinical and Social Interaction* / D. Kovarksy, J. Duchan, M. Maxwell. Mahwah, NJ: Erlbaum, 1999. – 388 p.
176. Labov W. *Therapeutic Discourse. Psychotherapy as Conversation* / W. Labov, D. Fanshel. – London: Academic Press, 1977. – 402 p.
177. Lakoff, G. *Review of Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought* / G. Lakoff, M. Johnson, J.F. Sowa // *Computational Linguistics*. – 1999. – V. 25. – № 4. – P. 631–634.
178. Lakoff, R. *The Limits of Politeness: Therapeutic and Courtroom Discourse* / R. Lakoff // *Multilingua*, 1989. – Vol. 8. – P. 101–129.
179. Maas, U. *Als der Geist der Gemeinschaft eine Sprache fand: Sprache im National sozialismus. Versuch einer historischen Argumentationsanalyse* / U. Maas. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1984. – 268 s.
180. Mathieson, F. *Nailing Down Metaphors in CBT: Definition, Identification and Frequency* / F. Mathieson, J. Jordan, J.D. Carter, M. Stubbe // *Behavioural and Cognitive Psychotherapy*. – 2016. – 44 (2). – P. 236-248.
181. McMullen, L.M. *Putting it in Context: Metaphor and Psychotherapy* / L.M. McMullen // *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – P. 397–411
182. Mergenthaler, E. *Emotion-Abstraction Patterns in Verbatim Protocols: A New Way of Describing Psychotherapeutic Processes* / E. Mergenthaler // *Journal of Consulting and Clinical Psychology* – 1996. – 64(6). – P. 1306–1315/

183. Miller, J.K. Life on the Line: The Therapeutic Potentials of Computer-Mediated conversation / J.K. Miller, K.J. Gergen // *Journal of Marital and Family Therapy*, 1998 – 24(2). – P. 189–202.

184. Morris, G. The Talk of the Clinic: Exploration in the Analysis of Medical and Therapeutic Discourse / G. Morris, R. Chenail. – Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1995. – 350 p.

185. Mould, T.J. The Use of Metaphor for Understanding and Managing Psychotic Experiences: A Systematic Review / T.J. Mould, L.G. Oades, T.P. Crowe // *Journal of Mental Health*. – 2010. – Vol. 19 (3). – P. 282–293.

186. Pêcheux, M. Analyse automatique du Discours // M. Pêcheux. – Paris: Dunod, 1969. – 142 p.

187. Pittinger, R.E. The First Five Minutes. A Sample of Microscopic Interview Analysis / R.E. Pittinger, C. F. Hockett, J.J. Danehy. – Ithaca, NY: Paul Martineau, 1961. – 264 p.

188. Prutting, C.A. Clinician-Child Discourse: Some Preliminary Questions / C.A. Prutting, N. Bagshaw, H. Goldstein, S. Justowitz, I. Umen // *Journal of Speech and Hearing Disorders*. – 1978. – № 43. – P. 123–129.

189. Renkema, J. Discourse Studies: An Introductory Textbook / J. Renkema. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1993. – 363 p.

190. Scheff, Th. Social-Emotional World: Mapping a Continent / Th. Scheff // *Current Sociology*. – 2011. – Vol. 59. – № 3. – P. 347–361.

191. Schiffrin, D. Approaches to Discourse / D. Schiffrin. – Malden: Blackwell, 1994. – 470 p.

192. Shelestyuk, E.V. Frame-Conceptual Composition and Speech Impact Means of the American Popular Psychology Discourse / E.V. Shelestyuk // *Discourse*. – 2023. – Vol. 9. – No. 1. – P. 167–184.

193. Snyder, W.U. Snyder's Classification System for Therapeutic Interviews / W.U. Snyder // *Language in Psychotherapy: Strategies of Discovery. Emotions, Personality and Psychotherapy*. – New York: Plenum Press, 1987 – P. 109–129.

194. Stiles, W.B. Describing Talk: A Taxonomy of Verbal Response Modes / W.B. Stiles – Newbury Park, CA: Sage, 1992. – 248 p.

195. Stott, R. Oxford Guide to Metaphors in CBT: Building Cognitive Bridges / R. Stott, W. Mansell, P. Salkovskis, A. Lavender, S. Cartwright-Hatton. – Oxford and New York: Oxford University Press, 2010. – 249 p.

196. Stubbs, M. Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language / M. Stubbs. – Chicago: The University of Chicago Press, 1983. – 279 p.

197. Vermeulen, T. Notes on metamodernism / T. Vermeulen, R. van den Akker // Journal of Aesthetics & Culture. – 2010. – Vol. 2. – P. 1–14.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ И ЭНЦИКЛОПЕДИЙ

198. Бабенко, Л.Г. Алфавит эмоций: словарь-тезаурус эмотивной лексики / Л.Г. Бабенко. – Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2021. – 432 с.

199. Блейхер, В.М. Эпонимические термины в психиатрии, психотерапии и медицинской психологии / В.М. Блейхер. – Киев: Вища школа, 1984. – 448 с.

200. Блейхер, В.М. Толковый словарь психиатрических терминов / В.М. Блейхер, И.В. Крук; под ред. С.Н. Бокова. – Воронеж: МОДЭК, 1995. – 638 с.

201. Большой психологический словарь / Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. – СПб.: Прайм – ЕВРОЗНАК, 2002. – 632 с.

202. Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко, – СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. – 672 с.

203. Варшава, Б.Е. Психологический словарь / Б.Е. Варшава, Л.С. Выготский – М.: Учпедгиз, 1931. – 217 с.

204. Дмитриев, Д.В. Толковый словарь русского языка / Д. В. Дмитриев. URL: <https://gufo.me/dict/dmitriev> (дата обращения: 15.01.2022).

205. Епишкин, Н.И. Исторический словарь галлицизмов русского языка / Н.И. Епишкин. М.: Словарное издательство ЭТС, 2010. – 5140 с.

206. Ефремова, Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка / Т. Ф. Ефремова. URL: <https://gufo.me/dict/efremova> (дата обращения: 15.01.2022).
207. Жеребило, Т.В. Словарь лингвистических терминов и понятий / Т.В. Жеребило. – 6-е изд., исправл. и доп. – Назрань: Пилигрим, 2016. – 610 с.
208. Зеленский, В.В. Толковый словарь по аналитической психологии (с английскими и немецкими эквивалентами) / В.В. Зеленский – М.: Когито-Центр, 2008. – 336 с.
209. История психология в лицах. Персоналии / под ред. Л.А. Карпенко. – М.: Пер Сэ, 2005. – 784 с.
210. Клиническая психология. Словарь. / под ред. Н.Д. Твороговой. – М.: Пер Сэ, 2007. – 416 с.
211. Кондаков, И.М. Психологический словарь / И. М. Кондаков. – URL: <http://psi.webzone.ru> (дата обращения: 15.01.2022).
212. Кондратьев, М.Ю. Азбука социального психолога-практика / М.Ю. Кондратьев, В.А. Ильин. – М.: ПЕР СЭ, 2007. – 464 с.
213. Кузнецов, С.А. Толковый словарь / С. А. Кузнецов. – URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov> (дата обращения: 15.01.2022).
214. Лексикография // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Большая рос.энцикл., 2002. – 709 с.
215. Лучков, В.В. Англо-русский словарь-минимум психологических терминов / В.В. Лучков, В.Р. Рокитянский. – М.: Путь, 1993. – 79 с.
216. Немов, Р.С. Психологический словарь / Р.С. Немов. – М.: Владос, 2007. – 560 с.
217. Никошкова, Е.В. Англо-русский словарь по психологии / Е.В. Никошкова. – М.: Руссо: ИП РАИ, 1998. – 351 с.
218. Общая психология. Словарь / под ред. А.В. Петровского. – М.: Пер Сэ; СПб: Речь, 2005. – 251 с.
219. Психологический лексикон. Энциклопедический словарь: в 6 т. / ред. А.В. Петровский; сост. Л.А. Карпенко. – М.: ПЕР СЭ, 2005 – 2007.

220. Психологический словарь. – М.: Педагогика, 1983. – 448 с.
221. Психологический словарь. – М.: Педагогика-Пресс, 1996. – 440 с.
222. Психология: словарь / ред.: А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский. – 2-е изд., испр. и доп.. – М.: Изд-во полит. литературы, 1990. – 494 с.
223. Психология личности: словарь-справочник / под ред. П.П. Горностая, Т.М. Титаренко. – К: Рута, 2001. – 320 с.
224. Психология ощущений и восприятия / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер [и др.]. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЧеРо, 1999. – 628 с.
225. Психология памяти / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер и В.Я. Романова. – М.: ЧеРо, КноРус, 2000. – 813 с.
226. Психология развития. Словарь / под ред. А.Л. Венгера. – М.: Пер Сэ: Речь, 2005. – 176 с.
227. Психофизиология. Словарь / под ред. М.М. Безруких, Д.А. Фарбер. – М.: ПЕР СЭ, 2006. – 128 с.
228. Ребер, А. Большой толковый психологический словарь: в 2 т. / А. Ребер; [пер. с англ. Е. Ю. Чеботарева]. – М.: Вече; М.: АСТ, 2000. – Т. 1 – 592 с., Т. 2. – 560 с.
229. Рождественский, Ю.Т. Немецко-русский словарь по психологии. 2-е изд., стер. / Ю.Т. Рождественский. – М.: РУССО, 2001. – 512 с.
230. Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ф.П. Филин. – М.: Сов.энцикл., 1979. – 432 с.
231. Социальная психология. Словарь / под ред. М.Ю. Кондратьева. – М.: Пер Сэ; СПб: Речь, 2005. – 176 с.
232. Толковый словарь психиатрических терминов. URL: https://gufo.me/dict/psychiatry_terms (дата обращения: 15.01.2022).
233. Трифонов, Е.В. Пневмапсихосоматология человека. Русско-английско-русская энциклопедия / Е.В. Трифонов. – URL: <https://www.tryphonov.ru/tryphonov/index.htm#0> (дата обращения: 15.01.2022).
234. Хрестоматия мышления / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер и В.В. Петухова. – М.: МГУ, 1981. – 400 с.

235. Хрестоматия по вниманию / под ред. А.Н. Леонтьева, А.А. Пузырей, В.Я. Романова. – М.: Издательство Московского университета, 1976. – 296 с.

236. Colman, A.M. A Dictionary of Psychology / Andrew M. Colman. – 3rd ed. - New York: Oxford University Press, 2009. – 882 p.

237. Cordón, Luis A. Popular Psychology: An Encyclopedia / Luis A. Cordón. – Westport, Conn.: Greenwood Press, 2005. – 274 p.

ИСТОЧНИКИ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

238. Абыюзивные отношения. URL: https://www.b17.ru/article/otnosheniya_i_abyuz/ (дата обращения: 21.01.2025).

239. Автономность. <https://www.b17.ru/article/448038/> (дата обращения: 21.08.2023).

240. Аутоагрессия: что это такое, как определить и вылечить, советы врачей. URL: <https://ria.ru/20241226/autoagressiya-1915608826.html> (дата обращения: 08.01.2025).

241. Бегство от себя. Избегание. Когда человек бежит от жизни. URL: <https://www.b17.ru/article/410887/> (дата обращения: 11.03.2023).

242. Близость и нездоровая зависимость. URL: <https://www.b17.ru/article/464703/> (дата обращения: 11.10.2023).

243. Больная любовь. URL: <https://www.b17.ru/article/584395/> (дата обращения: 23.11.2024).

244. В чем опасность комплекса Супермена. URL: <https://dzen.ru/a/ZGDK1i7AdFWZU933> (дата обращения: 21.06.2023).

245. Виктимблейминг. История, примеры, виды, причины, методы борьбы. URL: https://www.b17.ru/blog/victim_blaming/ (дата обращения: 20.03.2024).

246. Виктимность и психология жертвы. URL: <https://www.b17.ru/blog/435082/> (дата обращения: 20.04.2024).

247. Внимание, опасно: что такое токсичность и почему все о ней говорят. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/19063-vnimanie-opasno-chto-takoe-toksichnost-i-pochemu-vse-o-ney-govoryat> (дата обращения: 15.02.2025).

248. Воронка травмы. URL: https://www.b17.ru/article/voronka_travmy/ (дата обращения: 27.10.2022).

249. Дамоклов меч: что такое прокрастинация и как она разрушает жизнь. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/471531-damoklov-mec-cto-takoe-prokrastinacia-i-kak-ona-razrusaet-zizn> (дата обращения: 01.11.2022).

250. Дезориентированный тип привязанности: мне не нужны отношения. URL: <https://dzen.ru/a/Y1aaotCrqHMctIXt> (дата обращения: 19.12.2024).

251. «Делай что хочешь»: откуда растут ноги пассивной агрессии и почему она хуже открытой. URL: <https://dzen.ru/a/Z08VK5t-I0pQSOGZ> (дата обращения: 21.12.2024).

252. Достигаторство: путь к успеху или лишняя трата сил? URL: <https://4brain.ru/blog/dostigatorstvo-put-k-uspehu-ili-lishnyaya-trata-sil/> (дата обращения: 21.12.2024).

253. «Ему важно личное пространство, а мне – только он. Как победить тревожный тип привязанности?» URL: <https://www.psychologies.ru/story/emu-vazhno-lichnoe-prostranstvo-a-mne-tolko-on-kak-pobedit-trevozhnyi-tip-privyazannosti/?ysclid=m7k4qg9fnw65889862> (дата обращения: 02.01.2025).

254. Зависимое поведение: точка выхода. URL: <https://psy.su/feed/6213/> (дата обращения: 15.12.2022).

255. Заметки об одиночестве. Сепарационная тревога. URL: <https://psy.group/2020/12/21> (дата обращения: 22.10.2022).

256. Зачем и как инвестировать в отношения. URL: <https://www.psychologies.ru/articles/zachem-i-kak-investirovat-v-otnosheniya/> (дата обращения: 12.04.2024).

257. Здоровый эгоизм. URL: <https://www.b17.ru/article/554271> (дата обращения: 29.08.2024).

258. Зона комфорта в жизни человека. URL: <https://www.b17.ru/article/427574/> (дата обращения: 18.07.2023).

259. Зона комфорта. Выходить или расширять? URL: <https://www.b17.ru/article/522988/?ysclid=m7mtcla4r4417391557> (дата обращения: 28.06.2024).

260. Игра на отношениях: как распознать, когда он просто играет с вами. URL: <https://dzen.ru/a/ZWBtdY1HI0CIbzJ1> (дата обращения: 26.12.2023).

261. Инсайты – что это такое и как их ловить. URL: <https://skillbox.ru/media/growth/insights/> (дата обращения: 01.02.2025).

262. Искусство строить отношения: правила и исключения. URL: <https://www.b17.ru/article/558043/> (дата обращения: 21.09.2024).

263. Источники внутренней силы: как развить ментальную устойчивость? URL: <https://dzen.ru/a/ZltKNWnJmCIU8K58?ysclid=m7n5be8j78406036815> (дата обращения: 12.10.2024).

264. Как избавиться от эмоциональной зависимости? URL: <https://www.b17.ru/article/524637/> (дата обращения: 18.05.2024).

265. Как не сливаться с партнером в единое целое: 3 важных шага. URL: <https://www.psychologies.ru/articles/kak-ne-slivatsya-s-partnerom-v-edinoe-celoe-3-vazhnykh-shaga/?ysclid=m7k503y9c4317056484> (дата обращения: 13.10.2023).

266. Как обновить отношения при угасающих чувствах. URL: <https://www.b17.ru/article/kakobnovitotnosheniya/?ysclid=m9shvegf7t124824555> (дата обращения: 12.01.2024).

267. Как обновить отношения, если чувства охладели? URL: <https://dzen.ru/a/Wv67RjxQ94MlvbFa> (дата обращения: 12.01.2024).

268. Как определить свои внутренние блоки и избавиться от них? URL: <https://4brain.ru/blog/kak-opredelit-svoi-vnutrennie-bloki-i-izbavitsya-ot-nih> (дата обращения: 01.02.2025).

269. Как отличить незрелую любовь от зрелой, цитата психолога Эриха Фромма. URL: <https://dzen.ru/a/YmEGXf22fmY065Lu?> (дата обращения: 13.06.2022).
270. Как отпустить эмоции и чувства? URL: <https://www.b17.ru/article/110886/> (дата обращения: 12.07.2024).
271. Как переварить эмоции. URL: <https://www.b17.ru/blog/116515/> (дата обращения: 25.10.2022).
272. Как проживать и отпускать эмоции. URL: <https://www.b17.ru/article/520387/> (дата обращения: 12.07.2024).
273. Как развить психологическую устойчивость. URL: <https://www.b17.ru/article/422751/?ysclid=m7n4xohuj0473611959> (дата обращения: 10.06.2023).
274. Как строить отношения с мужчиной и развивать их. URL: <https://mark-barton.com/kak-pravilno-stroit-otnoshenia> (дата обращения: 21.09.2024).
275. Как узнать, есть ли у вас эмоциональная связь с кем-то. URL: <https://dzen.ru/a/YweH0o08TEqrSaE0> (дата обращения: 28.02.2024).
276. Какими чувствами чаще всего манипулируют? URL: <https://www.b17.ru/article/340401/?ysclid=m7kmezxvfc917301783> (дата обращения: 13.10.2022).
277. Классификация целей, прокрастинация и основные стратегии успеха. URL: <https://www.b17.ru/article/strategic1/> (дата обращения: 19.12.2024).
278. Когда отношения становятся стабильными? URL: <https://www.b17.ru/article/448633/?ysclid=m7knrz67y2258738444> (дата обращения: 10.10.2023).
279. Когнитивное разделение. Как научиться? URL: https://www.b17.ru/article/cognitive_separation_act2/ (дата обращения: 10.02.2024).

280. Когнитивные искажения, из-за которых мы необъективны. URL: <https://skillbox.ru/media/growth/kognitivnye-iskazheniya-izza-kotorykh-my-neobektivny/> (дата обращения: 20.05.2023).
281. Комплекс Дон Кихота. URL: <https://www.b17.ru/article/340443/> (дата обращения: 11.10.2021).
282. Компульсивное и импульсивное поведение: как отличить? URL: <https://www.b17.ru/article/405450/> (дата обращения: 25.12.2022).
283. Ложная доброта и пассивная агрессия. URL: <https://www.b17.ru/article/fake-kind-hearted/?ysclid=m7lsemy3t5231881367> (дата обращения: 06.11.2023).
284. Любовь или выгода: на чем на самом деле держатся отношения. URL: <https://www.psychologies.ru/standpoint/lyubov-ili-vygod-na-chem-na-samom-dele-derzhatsya-otnosheniya/> (дата обращения: 11.09.2024).
285. Медленный и быстрый дофамин – в чем разница? URL: <https://www.b17.ru/article/503518/> (дата обращения: 20.05.2024).
286. Менкипинг: как жены становятся «бесплатными психологами» для мужей и почему так происходит. <https://www.psychologies.ru/articles> (дата обращения: 11.12.2024).
287. Механизмы ревности по Фрейду. URL: <https://www.b17.ru/article/84248/?ysclid=m7kfo329ss63700092> (дата обращения: 21.05.2022).
288. Наблюдать за своими мыслями и чувствами. Почему это так важно? URL: <https://dzen.ru/a/ZYG-PbHAdEgbsAKL?ysclid=m7mr2dc03p882033200> (дата обращения: 30.12.2023).
289. Наблюдение за своими мыслями. URL: <https://www.b17.ru/article/457014/?ysclid=m7mqwxh3lz428661261> (дата обращения: 30.12.2023).
290. Наша реакция – это наш выбор. URL: <https://www.b17.ru/article/569571/> (дата обращения: 10.11.2024).

291. Не бойтесь расставания. Иногда это единственный путь наладить отношения. URL: <https://www.irinagavrilovadempsey.ru/articles/samorazvitiene-bojtes-rasstavaniya-inogda-ehto-edinstvennyj-put-naladit-otnosheniya/> (дата обращения: 15.02.2023).

292. Не в ресурсе. Почему нет сил жить и как это исправить. URL: <https://ippss.ru/blog/ne-v-resurse-pochemu-net-sil-zhit-i-kak-eto-ispravit> (дата обращения: 18.07.2023).

293. Нездоровая привязанность: как преодолеть. URL: <https://www.b17.ru/article/572364/> (дата обращения: 23.10.2024).

294. Нестабильные отношения. URL: <https://dzen.ru/a/ZivKgXG4Z38davH2?ysclid=m7kny0fjmy746298346> (дата обращения: 10.12.2024).

295. Новый уровень. Как обновить отношения с любимым? URL: https://aif.ru/health/pro/novyy_uroven_kak_obnovit_otnosheniya_s_lyubimym?ysclid=m9si5b9tug700622270 (дата обращения: 12.01.2024).

296. О психической саморегуляции. URL: <https://psychologyjournal.ru/public/opsikhicheskoy-samoregulyatsii/> (дата обращения: 17.08.2022).

297. Обесценивание: как защитный механизм постепенно разрушает личность. URL: <https://www.b17.ru/article/496114/> (дата обращения: 23.01.2024).

298. Обнуление. Для чего нужно и что это такое? URL: <https://dzen.ru/a/XwBjPhESbGlzB2Y> (дата обращения: 15.02.2024).

299. Отпустить отношения или эмоциональную зависимость: путь к свободе. URL: <https://www.b17.ru/article/600854/> (дата обращения: 18.01.2025).

300. Отрицательные триггеры зависимого. Их классификация. Миссия. Коварство. Управление ими. URL: <https://www.b17.ru/article/151151/> (дата обращения: 23.06.2022).

301. Отсутствие собственных личных границ - одна из причин конфликтов. URL: <https://xn--80ahcnrqoo.xn--plai/society/otsutstvie-sobstvennykh-lichnykh-granits-odna-iz-prichin-konfliktov/> (дата обращения: 03.02.2025).

302. Пара слов о ресурсных техниках. URL: https://www.b17.ru/article/pro_resource/?ysclid=m7kafbqmem488569210 (дата обращения: 21.12.2023).

303. Патологическая зависимость. URL: <https://dzen.ru/a/YMtk5aniz3gLOsOd> (дата обращения: 11.09.2022).

304. Перфекционизм и прокрастинация — две стороны одной медали? URL: <https://uprav.ru/blog/perfektsionizm-i-prokrastinatsiya/> (дата обращения: 11.02.2023).

305. Перфекционизм и страх быть неидеальным. URL: <https://www.b17.ru/article/416991/> (дата обращения: 21.01.2025).

306. Перфекционизм: как превратить врага в союзника и перестать себя изматывать. URL: https://dzen.ru/a/Z17ZGi_g3VhpX0-p (дата обращения: 21.01.2025).

307. Поддерживающие отношения. URL: <https://yandex.ru/q/article> (дата обращения: 11.12.2022).

308. Позитивное мышление — что такое, зачем и как развивать. URL: <https://skillbox.ru/media/growth/positive-thinking/> (дата обращения: 17.03.2023).

309. Портрет современного клиента: синдром Дон Кихота. URL: <https://www.b17.ru/article/10570/> (дата обращения: 11.09.2021).

310. Портрет современного клиента: синдром Дон Кихота. URL: <https://www.b17.ru/article/10570/> (дата обращения: 12.02.2024).

311. Почему мужчины меняют часто женщин в отношениях. URL: https://www.b17.ru/article/rubrika_glazami_mujchiny/ (дата обращения: 11.08.2023).

312. Почему мы сдаемся прежде, чем добьемся успеха. URL: <https://interesno.co/myself/42dfb85e26d2> (дата обращения: 11.10.2022).

313. Почему нельзя замалчивать эмоции и как экологично их выражать. URL: <https://www.sport-express.ru/zozh/health/reviews/pochemu-nelzya-sderzhivat-emocii-kak-ekologichno-vyplesnut-nakopivshiesya-chuvstva-2191865/?ysclid=m7klxftg2r515334510> (дата обращения: 22.05.2024).

314. Почему токсичные отношения это нормально?! URL: <https://dzen.ru/a/ZB2HTNkQFhyf-IUY?ysclid=m7kp22s7n0510232890> (дата обращения: 11.08.2023).

315. Признаки виктимного поведения, или Как понять, что Я Жертва? URL: <https://www.b17.ru/article/435516/> (дата обращения: 20.05.2023).

316. Признаки дисфункциональных отношений. URL: <https://dzen.ru/a/X0OuD8LoP2qRU86h> (дата обращения: 11.12.2022).

317. Психологическое насилие: что это и как его распознать. URL: <https://skillbox.ru/media/growth/psychological-violence/> (дата обращения: 22.01.2024).

318. Психология зависимых и независимых отношений. URL: <https://www.b17.ru/article/484369/?ysclid=m7ko20vadb247929668> (дата обращения: 10.02.2024).

319. Психология отношений: как их начать, сохранить и безболезненно закончить. URL: <https://www.rbc.ru/life/news> (дата обращения: 11.09.2022).

320. Работа с негативными эмоциями. URL: <https://www.b17.ru/article/578951/> (дата обращения: 03.12.2024).

321. Разбираясь с собой, я совсем запуталась. URL: <https://www.b17.ru/article/273907/> (дата обращения: 14.03.2024).

322. Разница между экологическим и экологичным мышлением. URL: <https://www.ecodao.ru/ecomind> (дата обращения: 29.11.2022).

323. Сверхчувствительные люди. URL: <https://www.b17.ru/blog/475513/?ysclid=m7k4d5bdvc416109131> (дата обращения: 28.11.2024).

324. Свобода выбора своей реакции на происходящее. URL: <https://www.b17.ru/article/451706/?ysclid=m7mrc61w51762876957> (дата обращения: 13.08.2023).

325. Сенсорный голод и психологические поглаживания. URL: <https://www.b17.ru/article/437430> (дата обращения: 28.02.2024).

326. Сепарация. URL: <https://www.b17.ru/article/548190/> (дата обращения: 15.09.2024).

327. Синдром Золушки. URL: <https://www.psychologies.ru/standpoint/sindrom-zolushki/> (дата обращения: 11.10.2024).

328. Созависимые отношения. URL: <https://www.b17.ru/article/> (дата обращения: 10.12.2023).

329. Тактильный голод. URL: <https://teledoctor24.ru/article/500-21-taktilnyu-golod/> (дата обращения: 11.03.2023).

330. Темные инсайты. URL: <https://www.b17.ru/blog/temnye-insajty/> (дата обращения: 12.10.2022).

331. Типы привязанности: надёжная, тревожная, избегающая. URL: <https://skillbox.ru/media/growth/attachment-theory/> (дата обращения: 20.01.2024).

332. Три ловушки внешней дисциплины и как перейти к внутренней мотивации. URL: <https://www.b17.ru/article/581630/> (дата обращения: 11.11.2024).

333. Триггер Vs. Флешбэк. URL: <https://emdrspb.ru/stati/trigger-vs-fleshbek> (дата обращения: 22.01.2025).

334. «Ты не возбуждаешь», «Ты шлюха», «Бьют только плохих жен». URL: <https://citydog.io/post/victimblaming> (дата обращения: 05.07.2023).

335. У чувств есть срок годности... URL: <https://www.b17.ru/blog/98153/?ysclid=m7kn8if8wx901266765> (дата обращения: 10.11.2022).

336. Условная и безусловная любовь, в чём отличие и какая любовь истинная? URL: <https://pendelson.ru/cognition/articles/person/178-true-love.html> (дата обращения: 12.09.2022).

337. Фрустрирующая ситуация: «Обезмолвленная и обездвиженная». URL: https://www.b17.ru/article/frustrazionaya_situaziyaobesdvishenaya/ (дата обращения: 27.10.2022).

338. Что означает обесценивать отношения? URL: https://dzen.ru/a/ZPrpKMiJ_TXpkhnG (дата обращения: 28.02.2024).

339. Что такое «экологичные отношения»? URL: <https://www.b17.ru/article/405811/> (дата обращения: 11.01.2023).

340. Что такое Безусловная Любовь? Где найти Источник Безусловной Любви? URL: <https://dzen.ru/a/X4KazBCcZWJ-lsVg> (дата обращения: 16.03.2022).

341. Что такое бытийная и дефицитарная любовь? В чём различие? URL: <https://dzen.ru/a/Ysg7T7FVEmdTn65W?ysclid=m7kbow9u2r801095817> (дата обращения: 10.08.2022).

342. Что такое здоровая любовь и как ее различать от любовной зависимости. URL: <https://dzen.ru/a/ZEOKdQVoDBX7HigB> (дата обращения: 23.05.2023).

343. Что такое личностное развитие. Методы личностного развития. URL: <https://www.b17.ru/article/418858/?ysclid=m7mrgca69v164875163> (дата обращения: 18.04.2023).

344. Что такое психологическая травма. Объясняем простыми словами. URL: <https://dzen.ru/a/ZHD4a1t3KA4upRzh> (дата обращения: 22.01.2025).

345. Что такое руминация и как с ней справиться: советы психологов. URL: https://dzen.ru/a/ZzBbK4hLUH_b5_X_?ysclid=m7kkmhmbna735857760 (дата обращения: 20.12.2024).

346. Что такое тревожный тип привязанности. URL: https://t-j.ru/anxiety-attachment/?utm_source=telegram&utm_medium=social&utm_campaign=tg-mogz (дата обращения: 11.05.2024).

347. Что такое эмпатия простыми словами. URL: <https://netology.ru/blog/08-2023-empathy#> (дата обращения: 24.10.2023).

348. Чувство неловкости: что такое испанский стыд и почему мы так его называем. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/502978-cuvstvo-nelovkosti-cto-takoe-ispanskij-styd-i-pocemu-my-tak-ego-nazyvaem> (дата обращения: 21.02.2024).

349. Шоковая травма. Что это такое и откуда появляется. URL: https://www.b17.ru/article/shokovaya_travma/ (дата обращения: 23.06.2022).

350. Экзистенциальный страх. URL: https://dzen.ru/a/X-9tvrsU1U_7IHnh?ysclid=m7kg6bvmo8750761520 (дата обращения: 11.04.2022).

351. Эмоциональная пустота: очень тяжелая ноша. URL: <https://isurv.ru/jemocionalnaja-pustota> (дата обращения: 23.12.2022).

352. Эмоциональная регуляция: что это такое и как ей научиться URL: <https://skillbox.ru/media/growth/emotional-regulation/> (дата обращения: 10.01.2025).

353. Эмоциональное благополучие. URL: <https://www.b17.ru/article/450167/?ysclid=m7k56bupad518420025> (дата обращения: 17.08.2023).

354. Эмоциональный шантаж: как определить и что делать. URL: https://dzen.ru/a/X9ZtcTPtQgw_1jU4 (дата обращения: 22.11.2022).

355. «Я в ресурсе, я в моменте» – что это вообще значит? URL: <https://artforintrovert.ru/magazine/tpost/vv10j7hn11-ya-v-resurse-ya-v-momente-chto-eto-voobs> (дата обращения: 18.07.2023).

356. 5 причин обесценивания чувств и чем это опасно. URL: <https://psy-institute.com/blog/psihologiya-otnoshenij/5-prichin-obescenivaniya-chuvstv-i-chem-eto-opasno/> (дата обращения: 02.01.2025).

357. 8 признаков, по которым вы можете определить, состоите ли в зрелых отношениях. URL: <https://adme.media/articles/8-priznakov-po-kotorym-vy-mozhete-opredelit-sostoite-li-v-zrelyh-otnosheniyah> (дата обращения: 10.12.2024).

358. Международная классификация болезней МКБ-10. URL: <https://mkb-10.com/> (дата обращения: 20.12.2024).

359. International Classification of Diseases 11th Revision. URL: <https://www.who.int/standards/classifications/classification-of-diseases> (дата обращения: 03.12.2024).

**Наименования расстройств психики
с прецедентными именами в составе**

Название комплекса	Суть расстройства	Дифференциальный признак прецедентного имени
1. комплекс <i>Дон Жуана</i> (герой литературы Нового времени)	психосексуальный комплекс человека, стремящегося заниматься сексом с разными партнершами ради азарта	мужчина, непостоянный в отношениях ради азарта
2. комплекс <i>Казановы</i> (итальянский авантюрист и писатель)	зависимость от новых романтических связей для повышения самооценки	мужчина, непостоянный в отношениях
3. комплекс <i>Эдыпа</i> (герой древнегреческой мифологии)	паталогическая привязанность к матери	мужчина, для которого мать – идеал
4. комплекс <i>Ореста</i> (герой древнегреческой мифологии)	паталогическая неприязнь к женщинам	мужчина, который возненавидел женщину – свою мать
5. комплекс <i>Квазимодо</i> (герой романа В. Гюго «Собор Парижской Богоматери») или комплекс <i>Терсита</i> (персонаж «Илиады» Гомера)	разновидность комплекса неполноценности, обусловленного хроническим недовольством собственной внешностью	уродливый человек
6. комплекс <i>Ионы</i> (еврейский пророк)	безотчетное внутреннее сопротивление полной реализации заложенных в человеке способностей, выступающее препятствием на пути личностного роста.	человек, испытывающий страх перед своими возможностями
7. комплекс <i>Нарцисса</i> (персонаж древнегреческой мифологии)	паталогическая самовлюбленность, ощущение собственной грандиозности в сочетании с внутренней пустотой,	самовлюбленный человек

	подавленными чувствами зависти, вины и стыда.	
8. комплекс Золушки (героиня западноевропейской сказки)	состояние подсознательного страха перед собственной независимостью.	труженик; человек не знатного происхождения, сделавший хорошую партию; человек, сделавший головокружительную карьеру; человек, с которым произошло чудесное перевоплощение; плохо одетый человек; ущемляемый в правах человек
9. комплекс Дона Кихота (герой романа М.Сервантеса «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский»)	искаженное восприятие реальности, которое представляет собой наделение той или иной женщины желаемыми качествами	доблестный, бескорыстный, подчас наивный борец за справедливость
10. комплекс Леонта (король из «Зимней сказки» Шекспира)	болезненная ревность к партнерше, включающая сомнения в отцовстве	мужчина, безосновательно ревнующий свою супругу вплоть до непризнания своего отцовства
11. комплекс Супермена (супергерой комиксов)	гиперактивность, заключающаяся в склонности считать, что возможно решить любую проблему и пожертвовать любым количеством сна или еды, чтобы выполнить работу.	супергерой-спасатель
12. комплекс Каина (библейский персонаж)	чрезмерное чувство вины (вплоть до депрессии) у изменившего партнера, возникшее в результате переоценки своего поступка	человек, погубивший родственника, обреченный за это на вечные страдания
13. комплекс Гризельды (героиня «Декамерона»)	избыточная, навязчивая опека дочери отцом,	человек, растворившийся в

Бокаччо)	вызванной его желанием сохранить дочь для себя, поздняя форма Эдипова комплекса	личности другого человека
14. комплекс Геракла или домохозяйки (герой древнегреческой мифологии)	страх мужчин перед выполнением «женской работы»	мужчина, в униженном положении исполняющий женскую работу
15. комплекс Мадонны и блудницы (христианская святая)	неспособность испытывать сексуальное возбуждение в рамках серьёзных любовных отношений	ПИ Мадонна – непорочная женщина;
16. комплекс Афины Паллады (героиня древнегреческой мифологии)	искажение гендерного самоощущения женщины, её социальной идентификации	мужественная женщина – воин
17. комплекс Дианы (римская богиня охоты)	придание сверхценного значения девственности	женщина, сохранившая невинность до конца жизни из убеждений
18. комплекс Иокасты (в др.греч. мифологии царица Фив)	патологическое влечение матери к сыну, чрезмерная его опека	женщина, которая вышла замуж за своего сына
19. комплекс Клитемнестры (в др.греч. мифологии мать Ореста)	неосознаваемый протест против ведущей роли мужчины, мужского насилия, ведущий к подавлению сексуальности и отстранённости от полового партнёра	женщина, которая ненавидит супруга
20. комплекс Поликрата (античный тиран)	чувство тревоги при достижении определенной цели, нарастающее по мере того, как человек достигает все больших вершин	удачливый человек, чья жизнь окончилась крахом
21. комплекс Наполеона (полководец) или комплекс коротышки	сочетание комплекса неполноценности и связанного с ним компенсаторного поведения	низкорослый мужчина, пытающийся завладеть миром
22. комплекс Бога (сверхъестественное высшее существо в	совокупность выраженной мании величия, стремления управлять людьми,	могущественное сверхъестественное высшее существо

теистических религиях)	постоянными намеками на свою осведомленность в самых разных областях и при этом крайнюю отстраненность, закрытость и нежелание рассказывать что-либо о самом себе	
23. комплекс <i>Медеи</i> (героиня древнегреческой мифологии)	патологическое стремление матери убить собственных детей, чтобы отомстить мужу за измену.	женщина, из ревности убившая собственных детей
24. комплекс <i>Федры</i> (героиня древнегреческой мифологии)	противоестественная любовь мачехи к пасынку	женщина, влюбленная в пасынка
25. синдром <i>Рапунцель</i> (героиня сказки братьев Гримм)	рецидивирующее психологическое расстройство, при котором человек выщипывает, ест или проглатывает волосы	длинноволосая красавица
26. синдром <i>Мадам Бовари</i> (героиня романа Г. Флобера «Мадам Бовари»)	постоянное неудовлетворённость реальностью, которая вступает в противоречие с завышенными ожиданиями и желаниями, которые не исполняются	женщина с вымышленным и идеализированным представлением о любви и отношениях
27. синдром <i>Мюнхгаузена</i> (герой книги Р. Распе «Приключения барона Мюнхгаузена») или синдромом <i>Ван Гога</i> (художник)	симулятивное расстройство, при котором человек симулирует или искусственно вызывает у себя симптомы болезни, чтобы подвергнуться медицинскому вмешательству	<i>Мюнхгаузен</i> – человек, выдумавший собственные подвиги; <i>Ван Гог</i> – человек, умышленно причинивший себе увечье
28. синдром <i>Плюшкина</i> (персонаж романа-поэмы Н.В. Гоголя «Мёртвые души»)	патологическое накопительство	человек, склонный к накопительству хлама
29. синдром <i>Алисы в Стране чудес</i> (героиня сказок Л. Кэрролла)	дезориентирующее неврологическое состояние, характеризующееся нарушением визуального	человек, наблюдающий изменения размеров собственного тела и окружающих предметов

	восприятии собственного тела, его схемы	
30. синдром <i>Мартина Идена</i> или <i>депрессия достижения</i> , кризис цели (герой романа Дж. Лондона «Мартин Иден»)	патологическое состояние апатии, которое возникает и развивается в результате достижения заветной мечты	человек, добившийся желанного успеха, в итоге впадает в уныние
31. синдром <i>Гекльберри Финна</i> (персонаж повестей М. Твена)	разновидность инфантилизма проявляющаяся в игнорировании моделей поведения и ценностей	человек, игнорирующий признанные в обществе ценности и поведенческие модели
32. синдром <i>Халка</i> (супергерой комиксов) или <i>синдром амока</i>	разновидность сумеречного состояния сознания характеризующаяся резким двигательным возбуждением и агрессивными действиями	человек, быстро впадающий в гнев и агрессию
33. синдром <i>Офелии</i> (героиня трагедии У. Шекспира, возлюбленная Гамлета)	нервно-психическое расстройство, заключающееся в постепенных нарушениях связности речи, потере памяти, появлении галлюцинаций	человек, который сходит с ума
34. синдром <i>Гамлета</i> (герой одноименной трагедии У. Шекспира)	неспособность принимать решения и активно действовать	человек не склонный к поспешным выводам
35. синдром <i>Тайлера Дёрдена</i> (персонаж романа Ч. Паланика «Бойцовский клуб»)	Расстройство, сопровождающееся провалами в памяти, которые нельзя отнести к обычной забывчивости	человек с раздвоением личности
36. синдром <i>Хлестакова</i> (персонаж пьесы Н.В. Гоголя "Ревизор")	вариант особенностей личности у истероидных психопатов с явлениями патологической лжи	врун
37. синдром <i>Бэмби</i> (герой-оленёнок из одноименного романа Ф. Зальтена и мультфильма)	крайняя степень сочувствия живой природе и нетерпение к артефактам и самому человеку	беззащитное, дружелюбное живое существо, пострадавшее от людей

38. синдром Гэтсби (герой романа Ф. Фицджеральда «Великий Гэтсби»)	навязчивая идея достижения высокого социального и материального благополучия	человек с страждущий высокого социального статуса и материального благополучия
39. синдром Питера Пена (героя пьесы и романа Дж. М. Барри)	психологическое состояние, которое характеризуется постоянным отказом от взрослых обязанностей и стремлением оставаться в мире детства и фантазий	человек, который не хочет взрослеть
40. синдром Дона Кихота (герой романа М. Сервантеса «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский»)	упорное и безрассудное преследовании своих идей, целей или убеждений с минимальными шансами на успех	человек, отвергающий действительность
41. синдром Дориана Грея (герой одноименного романа О. Уальда)	патологическая боязнь старения	человек, отдавший душу за молодость
42. синдром Маугли (герой сказки Р. Киплинга)	нарушения психики, вызванные отсутствием любви и внимания со стороны родителей: эмоциональная глухота, трудности в общении, комплекс страхов	ребенок, выросший среди зверей и перенявший их повадки
43. синдром Шалтая – Болтая (герой сказок про Алису Л. Кэрролла)	психическое расстройство, выражающееся в неспособности распознавать лица	существо, считающее, что у всех людей одинаковые лица
44. синдром Полианны (героиня одноименного романа Э. Портер)	неспособность переживать негативное, фокусировка только на позитивном	человек, ищущий положительные моменты в любом плохом событии
45. синдром Дори (рыбка-хирург из мультфильма «В поисках Немо»)	Расстройство, характеризующееся нарушением памяти и затруднениями в удержании внимания	создание, испытывающее проблемы с краткосрочной памятью

46. <i>синдром Диогена</i> (древнегреческий философ)	психическое расстройство, характеризующееся крайне пренебрежительным отношением к бытовым вопросам, социальной изоляцией, апатией	человек, отвергающий все общепринятые нормы и ценности общества
47. <i>чеченский синдром</i> или <i>Афганский синдром</i> (посттравматическое стрессовое расстройство)	психофизиологическое нарушение, возникающее в результате психотравмирующих ситуаций, находящихся вне обычного человеческого опыта и угрожающих жизни и здоровью	территория, где велись военные действия
48. <i>стокгольмский синдром</i>	формирование у жертвы эмоциональной зависимости и привязанности к похитителям	место, где жертвы защищали своих похитителей после освобождения из своего плена
49. <i>венерофобия</i> (Венера – римская богини плотской любви)	навязчивый страх заразиться венерической болезнью, который заставляет видеть угрозу в себе или в других людях	человек с множеством любовных связей
50. <i>танатофобия</i> (Танатос – бог смерти в др.-греч. мифологии)	паталогический страх смерти	смерть
51. <i>гипнофобия</i> (Гипнос – бог сна в др.греч мифологии, брат Танатоса)	Страх заснуть из-за опасения смерти во время сна	нечто, влияющее на подсознательные процессы, включая сновидения и восприятие окружающего мира во сне
52. <i>сатанофобия</i> или <i>демонофобия</i> (сатана или демон – враг Бога)	навязчивый страх перед сатаной	воплощение зла
53. <i>уранофобия</i> (Уран – в др.греч. мифологии бог неба)	страх выхода на улицу в связи ожиданием опасности сверху	небо
54. <i>демономания</i> (демон – религ. злой дух, искуситель; дьявол, падший ангел, бес)	Расстройство, при котором больной воображает, что он одержим демоном	воплощение зла

55. <i>геомания</i> (Гея – в др.-греч. мифологии богиня Земли)	кратковременные приступы, связанные с поеданием людьми минералов, почвы	земля
56. <i>нимфомания</i> (др.-греч. полубогини природы)	женская гиперсексуальность	сексуальная девушка